

Санкт-Петербургский центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия

18 (1–2)

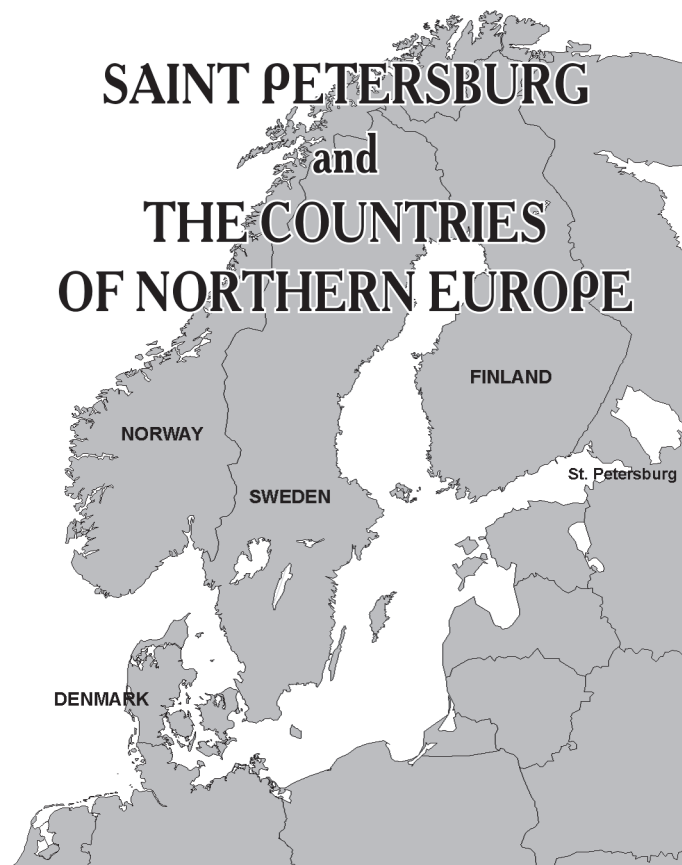
ISSN 2411-8796

Санкт-Петербург
2017

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

18 (1–2)

ISSN 2411-8796

Saint-Petersburg
2017

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),
В.-Т. Васара,
д-р ист. наук, профессор В. Е. Возгрин,
д-р ист. наук, профессор П. А. Кротов
(зам. ответственного редактора),
Д. Р. Лобанова, д-р филос. наук, профессор Д. В. Шмонин

Рецензенты:
канд. ист. наук, доцент А. В. Лихоманов
(Российская национальная библиотека);
канд. ист. наук А. И. Терюков
(Музей антропологии и этнографии РАН)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 16-01-14015.*

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы
восемнадцатой ежегодной научной конференции (12–13 апре-
ля 2016 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. —
СПб.: РХГА, 2017. — 227 с.

ISSN 2411-8796

Журнал рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами от-
ношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе мате-
риалов докладов восемнадцатой международной научной конферен-
ции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

© Авторы выпуска, 2017
© В. Н. Барышников, П. А. Кротов, сост., 2017
© Русская христианская гуманитарная
академия, 2017

The Editorial Board:

PhD in History, professor V. N. Baryshnikov
(managing editor),
Vasara V.-T.,

PhD in History, professor V. E. Vozgrin,
PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),
D. R. Lobanova, PhD Doctor in Philosophy, professor D. V. Shmonin

Reviewers:

Candidate of Historical science A. V. Likhomanov
(The Russian National library);

Candidate of Historical science A. I. Teryukov
(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials
of the eighteenth annual scientific conference (12–13 of April 2016) /
Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. SPb. RCHGA, 2017.

ISSN 2411-8796

The journal is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

The issue consists of scientific articles based on the materials of the reports of the eighteenth annual international scientific conference “Saint-Petersburg and North European countries”.

© Authors, 2017

© V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, edited 2017

© Russian Christian Humanitarian Academy
publishing house, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов восемнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии, кафедрой Истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 12–13 апреля 2016 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Традиционно на конференции принимали активное участие ученые Института истории СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2016 г. отношения Санкт-Петербурга и России со скандинавскими странами и Финляндией. Также часть выступлений, включенных в сборник, состоялись в рамках V-й международной научной конференции «Россия и страны Северной Европы: Личность в истории стран Северной Европы», которая прошла

4–6 апреля 2016 г. в Российском центре науки и культуры в Хельсинки.

Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»*. Все материалы конференций размещены на сайте: URL: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

* Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2012; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четырнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2013; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2014; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2015; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции. 17 (1). СПб., 2016; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции. 17 (2). Выборг, 2016.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the eighteenth annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries». The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the the Institute of History of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too.

The conference was held 12–13 of April 2016. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2016. Some of the reports were also made on the V international scientific conference: «Russia and the Northern European countries: The identity in the history of the Nordic countries», that was held on 4–6 of April 2016 in Russian center of science and culture in Helsinki.

The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»*. All the materials can be found on site: URL: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

* Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries: The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries: The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb., 2006; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the eighth annual Scientific Conference. SPb., 2007; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the ninth annual Scientific Conference. SPb., 2008; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the tenth annual Scientific Conference. SPb., 2009; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the eleventh annual Scientific Conference. SPb., 2010; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the twelfth annual Scientific Conference. SPb., 2011; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the thirteenth annual Scientific Conference. SPb., 2012; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2013; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2014; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2015; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. 17 (1). SPb., 2016; Saint Petersburg and North European countries: The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. 17 (2). Vyborg, 2016.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Л. В. Кангаспуру

БРАТЬЯ ЯКОВ И КОНСТАНТИН ГРОТЫ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА БЛАГО РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Братья Гроты родились в дворянской семье немецкого происхождения. Их дед, сын адвоката, был родом из герцогства Гольштейн. Он переселился в Санкт-Петербург еще в XVIII веке, где стал пастором¹. Известно, что он занимался общественной и просветительской деятельностью. Отец их, Карл Ефимович Грот, бывший «товарищ по воспитанию» Александра II², был женат на обрусевшей петербургской немке, «любившей все русское и воспитавшей детей в любви к русскому языку и народу, в привязанности и благодарности к России»³. Благодаря столь высоким связям отца, братья проходили обучение в лучшем образовательном учреждении того времени — в Царскосельском лицее, закончив его с отличием⁴.

Старший из братьев, академик Яков Карлович Грот (1812–1893), стал широко известным не только в России, но и в Финляндии. Его деятельность всесторонне изучена как российскими, так и финскими исследователями. Первым обработал и обнародовал научное наследие академика, имеющее международное историческое и общественное значение, его сын профессор Константин Яковлевич Грот. Двухсотлетию со дня рождения Я. К. Грота была посвящена большая конференция в 2012 г., которая прошла одновременно в Хельсинки и Санкт-Петербурге. Результатом ее стал специальный выпуск научного альманаха «Философский век»⁵.

Тем не менее, как представляется, важным является обратить внимание на гельсингфорский период жизни Я. К. Грота. Как известно, впервые он посетил Финляндию в 1837 г. Более длительное время он провел в княжестве летом 1838 и 1839 гг. А летом 1840 г. уже переехал на постоянное жительство в Гельсингфорс с матерью и сестрой. Тогда же перед новогодними

праздниками его навестил младший брат Константин. Проводя брата до Борго (Порвоо), они посетили известного финского поэта Й. Рунеберга, с которым Я. Грот уже прятельствовал в то время.

В конце 1830-х гг. назрела необходимость улучшить статус и преподавание русского языка в Финляндии. Я. К. Грота назначили на должность профессора русского языка и словесности в Александровском университете в Гельсингфорсе. Позднее в его обязанности входило следить за преподаванием русского языка в учебных заведениях Великого княжества. Были опубликованы его книги в Финляндии по изучению русского языка, литературы и истории на шведском языке. В своих статьях, опубликованный на Родине, он знакомил русское общество с литературой, историей и природой Финляндии и Швеции.

Одновременно Я. К. Грот чрезвычайно увлекся подбором русской коллекции книг, которая комплектовалась в библиотеке Александровского университета. По его инициативе она была выделена в отдельную русскую библиотеку и стала прототипом современной «Славики», которая сейчас находится в национальной библиотеке Финляндии, и поныне радующей исследователей своими находками⁶.

Тогда же, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте, завязалась многолетняя еженедельная переписка Я. К. Грота с его старшим другом П. А. Плетневым, профессором Петербургского университета и редактором известного российского журнала «Современник». Плетнев стал близким другом и младшего брата Константина, который часто останавливался у Плетневых в Санкт-Петербурге.

Свидания братьев были всегда самые радостные. Константин как можно чаще стремился навещать «своих гельсингфорсцев». Близкие отношения между братьями даже подтолкнули Якова к мысли о возможности устроить Константина на службу в Гельсингфорс⁷. Но его судьба сложилась иначе.

Я. К. Грота приглашали часто и с удовольствием в гельсингфорские дома⁸. У него было много знакомых не только среди русских, но и среди финских и шведских высших чинов, аристократии, профессоров, журналистов и писателей. Причем, что очень важно, он хорошо говорил на обоих языках.

Тем не менее в 1853 г. Грот с семьей покинул Гельсингфорс, где прожил почти тринадцать лет. Уехав из Финляндии, Грот

не перестал интересоваться ею. В русской науке Грот справедливо считался лучшим знатоком Финляндии. Причем в Санкт-Петербурге его академическая карьера стремительно развивалась. Он, в частности, тогда стал вице-президентом Российской академии наук. Одновременно Я. К. Грот известен как учитель будущего императора Александра III, которому он преподавал русский и немецкие языки, историю и географию.

Не меньшего интереса заслуживает личность его младшего брата Константина Карловича Грота (1815—1897). Кем он только не служил на благо российского отчества! Начал государственную карьеру в 1845 г., поступив на должность ревизора в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел. Эта должность позволила Гроту объехать многие российские губернии, и он зарекомендовал себя как честный чиновник с необычайным чувством внутренней дисциплины и ответственности. В 1853 г. он был назначен на должность губернатора Самарской губернии. За время управления К. К. Гротом губернией сумма городских доходов быстро возросла почти вдвое. А в 1860 г. он ввел в губернии гласность и поощрял занятия должностей людьми с университетским образованием.

Современные исследователи обращаются к различным периодам жизни и разносторонней деятельности К. К. Грота, но его роль как инициатора тюремной реформы и, по существу, создателя и первого руководителя Главного тюремного управления (далее ГТУ) является практически неизученной проблемой.

С 1870 г. Грот — член департамента законов Государственного совета. В 1870—1882 гг. он занимал должность председателя Совета управления учреждениями великой княгини Елены Павловны. В тот период в правительственных кругах обсуждались вопросы совершенствования тюремной системы в России.

Богатую пищу для размышлений дают оценки непосредственных участников законотворческой инициативы, оставленные в мемуарах и дневниках. В этой связи будут небезынтересны воспоминания ближайшего помощника Грота в эту пору графа В. Н. Коковцева⁹, судьба которого сделала его свидетелем и деятельным участником немалого количества событий в империи¹⁰. Преемник С. Ю. Витте на посту министра финансов, сотрудник П. А. Столыпина по работе в Совете министров, председатель правительства России в 1911—1914 гг., он оставил заметный след

в истории своей страны. Начиная свою государственно-политическую карьеру в министерстве юстиции (далее Минюст), он переходит на службу в министерство внутренних дел (далее МВД) и с момента образования ГТУ занимает в нём должность старшего инспектора в 1879–1882 гг., а затем с 1882 по 1890 г. его назначают помощником начальника ГТУ. Таким образом, будущий председатель правительства был в отряде пионеров-реализаторов тюремной реформы в царской России, «в период коренного переустройства этой отрасли управления на началах, выработанных выдающимся государственным человеком того времени — Статс-Секретарем К. К. Гротом»¹¹.

В. Н. Коковцев, давая оценку К. К. Гроту, указывает: «При кажущейся беспристрастности и даже внешней строгости Грот, занимавший один из самых видных постов государственной службы, пользовавшийся всеобщим уважением за твёрдость воли, добросовестность и компетентность, носивший редкое в то время звание “Статс-Секретаря Государя Императора”, был человеком гуманным и внимательным. Работать с ним было легко и приятно»¹². При этом в воспоминаниях подчеркивалось, что постоянное окружение Грота состояло из плеяды государственных деятелей или только что сошедших с высоких ступеней государственной службы, или принадлежавших к окружению великой княгини Елены Павловны и занимавших видные посты¹³. Многие из них имели юридическое образование и непосредственное отношение к судебной или тюремной реформе.

Кроме того, многочисленные факты, приводимые в воспоминаниях, указывают на неординарные личные качества самой великой княгини Елены Павловны. Благотворительница, государственная и общественная деятельница, известная сторонница отмены крепостного права и «великих реформ», она была хозяйкой самого известного столичного салона в Михайловском дворце, который посещали самые выдающиеся люди того времени¹⁴. По словам присутствовавшего там известного государственного и общественного деятеля А. Ф. Кони, эти собрания были основной дискуссионной площадкой, где вырабатывались планы великих преобразований середины XIX века. Лично из рук самодержца Елена Павловна получила золотую императорскую медаль «Деятелю реформ». Это способствовало укреплению её авторитета в придворных кругах. Деятельность

кружка великой княгини Елены Павловны, который стал центром общения ведущих государственных деятелей, получила широкий общественный резонанс.

Как человека, принадлежавшего к этому прогрессивному кругу, Грота заинтересовал вопрос о возможности применения в России преимущественно одиночной системы содержания заключённых. Получив право свободного посещения всех без исключения тюрем в России с правами инспектировавшего сенатора, им была составлена небольшая анкета о влиянии одиночного заключения на самих арестантов. В ходе посещения и опроса было выявлено, что устранение возможности взаимного общения в их среде было чистейшей фикцией. Изобретательность в средствах тюремной коммуникации в России не знала границ и являлась насмешкой над принципом изоляции преступника¹⁵.

В начале 1877 г. в Государственном совете приступили к обсуждению проекта тюремной реформы. Было решено создать при совете комиссию по проведению тюремной реформы из его членов и представителей заинтересованных министерств, которую и возглавил К. К. Грот. Он считал, что «необходима была реформа не только в учреждениях, но в людях...»¹⁶. Именно прозорливый А. Ф. Кони, в то время руководивший уголовным отделением департамента Минюста, рекомендовал Коковцева и советовал не отказываться от работы в этой комиссии, хотя бы потому, что «таких замечательных людей, как Константин Карлович... не много... и... провести время около большого человека — всегда полезно»¹⁷.

Руководствуясь идеей, что «тюремное дело не имело прошлого, т. к. ничего не изучено»¹⁸, комиссия Грота предприняла поездку по маршруту Петербург-Москва-Курск-Харьков-Киев-Варшава-Рига-Псков-Петербург. Тщательно осматривая тюремные учреждения, изучая правила внутреннего распорядка дня, условия содержания и надзора, принимая во внимания жалобы и прошения заключённых, комиссия не обошла стороной вопрос участия в постановке тюремного дела губернских правлений, лиц прокурорского надзора и даже полиции. Комиссия подтвердила факты из отчётов предыдущих комиссий, оставившие удручающее впечатление, и констатировала в большинстве случаев крайне печальное состояние тюрем, отсутствие организации труда, за исключением хозяйственных работ внутри тюрьмы,

дававших занятие лишь небольшому количеству заключённых, однако питание было везде вполне удовлетворительное, но однообразное (чёрный хлеб, каша, щи и квас). Комиссия убедилась, что столичные тюрьмы несколько не лучше провинциальных.

Россия была активным членом международного пенитенциарного движения. Отдельного внимания заслуживает вопрос участия Константина Карловича в работе конгресса, состоявшегося в Стокгольме в 1878 г. Интересен тот факт, что шведский посол Дуэ лично обратился к Гроту не только с личным приглашением, но и с просьбой повлиять на мнение русского правительства об официальном участии государства. Послу было известно о готовящемся отказе, в связи с отсутствием результатов проведения тюремной реформы в России. Гроту пришлось использовать свое личное влияние в имперских государственных кругах, ссылаясь на статус России как «первоклассной державы»¹⁹, чтобы добиться положительного разрешения вопроса. Современниками отмечается исключительное положение, занятое Гротом на конгрессе. Выдвижение статс-секретаря его императорского величества вице-президентом конгресса связывали не только с государственным званием и должностью председателя комиссии по тюремной реформе Государственного совета империи, но и с прекрасным владением иностранными языками; глубоким энтузиазмом и знанием предмета; личным знакомством со многими участниками из разных стран; и «наконец, особая... истинно-культурная форма общения с людьми...»²⁰. Сохранился всеподданейший доклад Грота о стокгольмском тюремном конгрессе Александру II, на котором император написал: «Прочел с большим интересом. Желая весьма, чтобы оно имело практический результат и для нас»²¹.

Еще до начала своей активной тюремной деятельности, совершая частые поездки за границу, Грот интересовался тюремным делом. Посещая образцовые западноевропейские тюрьмы, он заводил личные знакомства с известными тюрьмоведцами, поддерживал с ними активную переписку. А один из берлинских книжных магазинов, с владельцами которого Константин Карлович состоял в дружеских отношениях, снабжал его литературой по тюремному вопросу еще задолго до назначения его председателем комиссии по пенитенциарным преобразованиям и почти до самой смерти.

В начале 1878 г. были направлены несколько человек, которым прочили должности в тюремном ведомстве, в продолжительную служебную командировку в страны Западной Европы для изучения заграничного опыта. Грот вручил им личные рекомендательные письма к своим зарубежным друзьям. «Все эти лица, прекрасно знавшие К. К., расспрашивали о нем и выражали своё удивление тому вниманию и исключительному знанию вопроса, которые всегда он проявлял, посещая тюрьмы, даже в качестве любознательного туриста»²².

Среди них был, по выражению профессора Н. С. Таганцева, и «юный тюрьмовед» В. Н. Коковцев. Его еженедельные отчёты, наиболее заслуживавшие внимания Грота, тот публиковал в газете «Порядок» под общим названием «Тюремные параллели». Осень того же года выдалась хлопотной. Представленный Гротом проект пенитенциарных преобразований в империи был признан лучшим. Главным результатом работы комиссии стало принятие закона в 1879 г. о создании ГТУ в составе МВД центрального органа управления тюрьмами.

Коковцев продолжал служить под начальством Грота со дня учреждения ГТУ в июне 1879 г. и до 1882 г. В 1880 г. он же назначил ещё совсем молодого Коковцева на ответственную должность помощника начальника ГТУ, на которой он оставался до 1890 г. С молчаливого согласия непосредственного начальника М. Н. Галкина-Враского, «не любившего обременять себя большими занятиями, и предпочитавшего им широкие светские отношения»²³, он пользовался полной самостоятельностью.

По словам Коковцева, личность и деятельность Грота оставили неизгладимое впечатление, на протяжении всей его жизни он вспоминал пожелание Грота: «...сделать столько доброго, хорошего и полезного для всех, кто виноват и для самого Государства»²⁴, особенно сформировало понятие о долге в широком смысле слова, которое отразилось на его последующей государственной деятельности. Коковцев отмечает, что он вспоминал «эту пору моей деятельности с величайшей благодарностью»²⁵.

В 1881–1882 гг. К. К. Грот руководил тюремным ведомством в ранге министра. Благодаря именно его влиянию и близким связям с министром финансов того времени Н. Х. Бунге и государственным контролером статс-секретарем Д. М. Сольским,

по смете на 1882 г. на капитальный ремонт и переоборудование старых тюремных зданий ГТУ получило из казны один миллион рублей вместо 150–200 тысяч, выделяемых ранее. Небывалая по тому времени сумма!

Со свойственной Гроту откровенностью еще в ноябре 1877 г. он написал во всеподданнейшем докладе, что вообще необходимо уничтожить многовластие в управлении тюрьмами, изъять столичные тюрьмы из ведения губернской администрации и подчинить их непосредственно ГТУ. Что и было осуществлено потом, но только в 1884 г. Однако тогда министру внутренних дел графу Игнатьеву не понравилась идея выделения ГТУ в слишком обособленную и самостоятельную управленческую структуру. А столичные тюремные комитеты не смогли смириться с замыслом Грота об их фактическом отстранении от управления тюрьмами. Всегда последовательный враг недомолвок, он не нашел возможным отказаться от задуманной им реформы. Полагая, что дальнейшие преобразования тюремной системы не встретят поддержки в новое царствование Александра III, подал в отставку в апреле 1882 г. С тех пор эта должность перестала существовать в царской администрации. На этом закончилась активная государственная тюремная деятельность К. К. Грота, «пока ложное положение министра без самостоятельного бюджета не показало ему беспочвенности его усилий»²⁶. В это время Грот уже активно занимался организацией благотворительности для людей с ограниченными возможностями.

Безусловно, историей движут политические условия, но значение личности всегда играло свою субъективную роль. По выражению карельского филолога Э. Карху, Я. К. Грот был не только частным лицом, дружески настроенным к финнам, но и, по его словам, «орудием исполнения» правительственной политики²⁷. Другой же исследователь, переведший на шведский язык переписку Я. К. Грота с П. А. Плетневым, В. Грундстрем, предполагает, что друзья положительно повлияли на мнение Александра II об автономии Финляндии.

Его брат Константин не только с интересом знакомился с работами и планами своего брата, но и, изучив западный опыт, сыграл видную прогрессивную роль в деле совершенствования пенитенциарной системы в России. Глубоко проникнутый гуманными идеями, он продолжил деятельность по признанию

глухонемых и слепых на посту главы Собственной Его императорского Величества канцелярии по учреждениям ведомства Императрицы Марии. В 1906 г. в Санкт-Петербурге перед зданием Александро-Мариинского училища слепых был установлен памятник, посвященный Константину Карловичу Гроту. А на одном из фасадов домов установлена памятная доска: «Улица носит имя Константина Карловича Грота (1815–1897) видного общественного деятеля, создателя в России школ для слепых».

¹ Труды Я. К. Грота. Очерки из истории русской литературы (1848–1893). Т. 3. СПб., 1901. С. 422.

² Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 23. СПб., 1878. С. 297–298.

³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 292–293.

⁴ Грот Я. К. Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895. С. 4, 16.

⁵ Философский век. Альманах. Выпуск 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб. — Хельсинки: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2012. 355 с.

⁶ См: Эконен К. Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 гг. История организации // Гельсингфорс — Санкт-Петербург. Страницы истории. СПб., 2012. С. 8–24; Эконен К. Яков Грот — основатель славянской библиотеки в Хельсинки // Философский век. Альманах. Выпуск 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения. СПб. — Хельсинки: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2012. С. 177–187.

⁷ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815–30 октября 1897): Материалы для его биографии и характеристики: К столетию со дня его рождения / Под ред. К. Я. Грота и Я. Н. Колубовского. Т. 1. Пг., 1915. С. 45.

⁸ *Byckling L.* Yakov Grot and Culture in Helsinki: Theatre and Entertainments in the 1840s — 50s. // Философский век. С. 197.

⁹ Rare Book & Manuscript Library Columbia University in the City of New York. Бахметевский архив. Воспоминания детства и лицейской поры графа В. Н. Коковцева. Бахметевский архив.

¹⁰ Фамилия графа в разных источниках пишется по-разному (Коковцев или Коковцов), но, вероятно, наиболее верным является то, как он сам записал ее своей рукой в мемуарах.

¹¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919 гг. В 2 т. Т. 1. Париж, 1933. С. 4.

¹² Там же. С. 325.

¹³ В окружение Грота входили его брат Яков Карлович, а также А. В. Головин, П. Н. Саломон. Кроме того, с ним часто общались члены Государственного совета и сенаторы Н. И. Стояновский, Э. В. Фриш, М. Е. Ковалевский, В. А. Арцимович и др.

¹⁴ *Федорченко В. И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. Красноярск, 2003. С. 444.

¹⁵ См: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 226. Оп. 1. Д. 86. Грот К. К. Отчет тайного советника графа Соллогуба.

¹⁶ Там же. 33. Л. 15.

¹⁷ Воспоминания детства и лицейской поры графа В. Н. Коковцева. С. 296–297.

¹⁸ Материалы тюремной комиссии К. К. Грота (1875–1879 гг.). СПб., 1885. С. 16.

¹⁹ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. С. 278.

²⁰ Там же С. 279.

²¹ Там же. С. 280.

²² Там же. С. 246.

²³ Воспоминания детства и лицейской поры графа В. Н. Коковцева. С. 340.

²⁴ Там же. С. 323.

²⁵ *Граф Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919 гг. Т. 1. Париж, 1933. С. 4.

²⁶ *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. 2. СПб., 1912. С. 504.

²⁷ *Карху Э.* Финляндская литература и Россия, 1800–1850. Таллин, 1962. С. 312.

Ю. Д. Балащенко

**И. Е. РЕПИН И ТВОРЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
НЕЗАВИСИМОЙ ФИНЛЯНДИИ**

В декабре 1917 г. Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи, стало независимой республикой. В этот переломный момент истории на Карельском перешейке оказалось много выдающихся русских людей, которые в одночасье превратились в эмигрантов, хотя жили там в своих усадьбах. Среди них были писатели, поэты и художники.

Одним из таких вынужденных эмигрантов стал И. Е. Репин. О жизни живописца в Великом княжестве Финляндском, а впоследствии в независимой Финляндии, вероятно, можно говорить с того момента, когда летом 1886 г. Репин жил в поселке Терийоки (город¹ Зеленогорск). В письме к журналисту В. С. Кривенко Илья Ефимович упоминает, что он будет до 3 августа на даче Андрея Раудена². «На обеде, — писал своей матери знаменитый финский художник А. Эдельфельд в начале 1895 г., — на котором присутствовали многие известные люди — художники и путешественники, — Илья Репин хвалил Финляндию, восхищаясь неброской красотой ее северной природы. Ее людьми и условиями жизни, отличными от тех, которые существовали к югу от Белоострова»³. Относительная политическая свобода, существовавшая в княжестве, и неповторимые природные пейзажи так очаровали художника, что он в 1899 г. приобрел небольшое имение на Карельском перешейке в деревне Куоккала (ныне поселок Репино).

Усадьба, купленная на имя Н. Б. Нордман, получила необычное для тех мест название «Пенаты» в честь древнеримских богов — хранителей домашнего очага. Нордман была в те годы

постоянной спутницей Репина. Но она, как это ни прискорбно отметить, не дожидаясь независимости страны, где она родилась и выросла. Писательница и журналистка, писавшая под литературным псевдонимом Северова, скончалась в 1914 г.

Время, последовавшее после обретения Финляндией независимости, явилось тяжелым испытанием не только для молодого государства, но и для Репина. Гражданская война и закрытие границы между Советской Россией и Финляндией в 1918 г. наложили отпечаток на весь уклад жизни обитателей приграничной полосы, в том числе и на престарелого художника. Граница между двумя государствами, пройдя по реке Сестре в 6 километрах южнее Куоккала, отрезала художника от России. Илья Ефимович оказался практически без средств к существованию, так как все его сбережения, хранившиеся в русских банках, были национализированы новыми властями.

Политическая обстановка на Карельском перешейке была сложной, несмотря на то, что Гражданская война на территории Финляндии довольно быстро закончилась. Тем не менее вблизи советской границы было очень беспокойно. «В 1920-е годы, — как отмечал историк Э. П. Лайденен, — в стране находилось свыше 20 белоэмигрантских организаций, обществ и их филиалов, боровшихся с советской властью»⁴. Все это, несомненно, сказывалось на жизни Репина. При этом не надо забывать, что «Репин, — как писала профессор Колумбийского университета Э. Валкениер, — до конца жизни оставался противником русской монархии и самодержавия. Именно это не позволило художнику безоговорочно и во всем осуждать советскую власть, дало ему возможность сохранять независимую позицию»⁵. Однако это весьма негативное отношение к империи не мешало Репину писать заказные портреты не только высшей знати государства, но и самого российского самодержца Николая II. В то же время отношение Репина к произошедшим переменам прекрасно проявилось в письме богослову Григорию Спиридоновичу Петрову. «Я все еще не забываю Вашего образного выражения, — писал Илья Ефимович, — из прорвавшейся плотины несутся старые брошенные резиновые калоши и прочая дрянь»⁶.

О том, как выглядела местность вокруг имения в начале 20-х гг., Репин писал старшей дочери Вере в Петроград: «Куокка-

ла вся в развале. Стекла выбиты, заборчики развалены, мостики провалились, многие домики проданы на слом, — увезены»⁷.

В этой связи несомненный интерес представляют письма Репина к секретарю Земгора (Земско-городской комитет) Владимиру Феофановичу Зеелеру, который жил в те годы в Париже. «Письма к Зеелеру, — писала Валкениер, — проливают свет на житейские испытания, выпавшие живописцу в последнее десятилетие его жизни: пронизывающий холод финских зим, упорство в продолжении творческой деятельности наперекор возрасту и, наконец, одиночество»⁸.

Но, невзирая на все трудности, Илья Ефимович не унывал, стараясь постепенно возродить, по мере возможности, былые традиции и уклад жизни. Продолжали существовать «репинские среды». В Финляндии остались, подобно Репину, многие владельцы дач Карельского перешейка. Они продолжали посещать гостеприимный дом Репина. Одним из таких знакомых стал Василий Филиппович Леви. В прошлом он был преуспевающим адвокатом. Но, переехав на Карельский перешеек, он бросил адвокатскую практику и всецело занялся живописью. С Репиным Леви познакомился уже после революции. Василий Филиппович, живя с семьей в Терийоки, по совету И. И. Бродского, привез в 1918 г. свои работы, чтобы показать Репину. Илья Ефимович высоко оценил картины художника-любителя. С этого времени началось их тесное и плодотворное сотрудничество, продолжавшееся вплоть до кончины Репина. За короткое время Леви стал не только помощником, но и ближайшим другом Репина. Описывая, как проходили «репинские среды», Леви писал, что Илья Ефимович «встречал всех радушно, в особенности детей, милых барышень, юношей и, видимо, отчасти находил и черпал нужные ему впечатления... Для них репинские среды были праздником, местом обновления»⁹.

Об одной из таких встреч в своем «сказочном тереме» Илья Ефимович написал в июне 1921 г. Анатолию Федоровичу Кони: «Сейчас только разошлись от меня наше куоккаловское, оллиловское, были даже из Келомяк и из Лютягенды — многочисленное общество. Не хватило ни стульев, ни чашек к чаю — был прочитан доклад о Пушкине»¹⁰. Из приведенных слов художника видно, что гости собирались в «Пенаты» из разных мест, порой весьма отдаленных, с тем, чтобы послушать разнообразные со-

общения и обмениваться мнениями. Доклады читались на разные общеобразовательные темы, в том числе и на религиозные.

Следует отметить, что не только эмигранты тянулись к Репину, но также и местные жители. Еще в январе 1920 г. художник писал А. И. Куприну, что «со мной финны обращаются очень дружески...»¹¹.

Став, в силу обстоятельств, жителем независимой Финляндии, И. Е. Репин не обратился к новым властям с просьбой о получении финского гражданства. Но отсутствие финского паспорта не помешало ему участвовать в общественной жизни молодого государства. К 1920 г. политическая обстановка в Финляндии более или менее стабилизировалась. Мирная жизнь в стране вошла в нормальную колею, и Репин, желая вписаться в новые условия, решил преподнести Финскому художественному обществу (Suomen Taideyhdistys) 30 живописных полотен из своего собрания. Коллекция включала семь картин, написанных им самим, и двадцать три полотна других знаменитых русских художников. Передача картин произошла в марте 1920 г., после чего они были выставлены для всеобщего обозрения. Как отметил сотрудник Финской национальной галереи Т. Хууско в статье, посвященной работам Репина, которые находятся в музее Атенеум в Хельсинки: «Ценность этого дара заключалась и в том, что ранее в собрании Художественного Общества было крайне мало произведений русских художников, несмотря на то, что Финляндия входила в состав Российской Империи...»¹².

С благодарностью приняв репинский подарок, члены Финского художественного общества избрали знаменитого живописца своим почетным членом. «Пожертвование, — писал вице-председатель Общества В. Бломшtedт в письме к Репину, — свидетельствует о драгоценном для нас чувстве симпатии к нашей стране, где Вы столько лет проживали»¹³.

Необходимо отметить, что 1920 г. стал для Репина судьбоносным. В том году Илья Ефимович отметил двадцатилетний юбилей проживания в стране. Так что высказывание В. Бломшtedта было абсолютно правомерно. Многие финны, как тогда, так и теперь, считают художника не только русским, но и своим живописцем. И это не удивительно, так как Илья Ефимович любил народ и страну, где прожил эти годы.

Подаренные Репиным картины были выставлены в мае 1920 г. в центральном музее Хельсинки Атенеуме. Пресса живо откликнулась на это событие. Корреспондент газеты «Хельсингин Саномат» Эдвард Рихтер расценил подарок Репина «как выражение его преданности Финляндии»¹⁴.

Щедрый дар Репина заложил основу активного взаимодействия маститого русского художника с финским творческим сообществом. С этого времени Илья Ефимович стал постоянным участником художественных выставок, проходивших в городах Финляндии. Выставки не только демонстрировали мастерство художника, но и предоставляли возможность продать картины любителям живописи. Обычно Репин выставлял свои работы вместе с картинами Леви и своего сына Юрия, который также был художником и жил по соседству с отцом. Организатором этих выставок-продаж обычно выступал Леви. «Все выставки, — отмечал Леви, — имели большой успех, большое посещение и много продаж»¹⁵.

«Всемирно известный художник Илья Репин, — писал о нем финский писатель и совладелец салона Стриндберга в Хельсинки Арвид Людекен, — со своим веселым, жизнерадостным милым характером находил друзей всюду, где бы ни появлялся. В последние годы своей жизни он организовал в Хельсинках несколько выставок, явившихся знаменательными событиями художественной жизни страны. Финские деятели искусства получили возможность ближе познакомиться со старым мастером, приглашая его на свои вечера»¹⁶.

Молодая республика не осталась в долгу перед выдающимся живописцем. Весной 1920 г. первым президентом Финляндии Каарло Юхо Столбергом был подписан указ о награждении Ильи Ефимовича Репина орденом «Белой Розы». Гордость за признание его заслуг государством, в котором он многие годы жил и творил, сквозит в письме Ильи Ефимовича к Василию Филипповичу Леви от 31 мая 1920 г. «От финляндского Правительства, — писал Репин, — мне пожертвовали Орден командора 2-й степени “Белой Розы”»¹⁷. Орден был учрежден в 1919 г. Таким образом, великий русский художник стал наравне с бароном К. Г. Э. Маннергеймом и знаменитым финским художником А. Галлен-Каллелой одним из первых обладателей высшего знака отличия страны.

Несмотря на столь явное признание заслуг Репина и наступившее кажущееся благолепие, не все было гладко в жизни Репина. Многое ему не нравилось в новом государстве. За ним велся постоянный негласный надзор полиции, о чем свидетельствуют регулярные рапорты полицейских и их осведомителей¹⁸. Кроме того, любая поездка за пределы Куоккалы требовала специального разрешения властей. Необходимое же для свободного передвижения по стране удостоверение личности на финском языке с фотографией Репин получил только 14 апреля 1921 г.¹⁹. Еще одним обстоятельством Репин был весьма недоволен. «Художник был чрезвычайно раздражен, — как указывала Валкениер, — тем, что правительство Финляндии не разрешает праздновать Пасху по старому календарному стилю»²⁰.

Осенью 1920 г. в Хельсинки должна была открыться большая выставка-продажа живописных работ Репина. Учитывая это событие, Финское художественное общество пригласило И. Е. Репина в Хельсинки, решив отметить заслуги своего новизбранного почетного члена торжественным ужином.

Организованный в честь И. Е. Репина банкет прошел в «Доме благородного собрания» (Seurahuone). «Стол, — как отметил Т. Хууско, — был накрыт на 35 человек, и в процессе празднества к его участникам присоединился генерал Маннергейм, который в то время был, несомненно, самым уважаемым человеком среди финской интеллигенции»²¹. Среди приглашенных на торжество были живописцы А. Галлен-Каллела и П. Халлонен, скульпторы В. Валлгрэн и барон Э. Седеркройтц, архитектор Э. Сааринен поэт Э. Лейно и композитор Я. Сибелиус. Это далеко не полный список выдающихся представителей финского творческого сообщества, которые сидели за одним столом с Репиным. Практически вся творческая элита Финляндии в этот незабываемый вечер чествовала прославленного русского художника. С приветственными речами выступили В. Бломшtedт и В. Валлгрэн — автор скульптуры «Хавис Аманда», которая олицетворяет Хельсинки. Поэт Э. Лейно прочитал стихотворение, где говорилось, что «Репин — ты наша любовь, как для России — Волга»²².

Отвечая собравшимся выдающимся людям страны, Илья Ефимович отметил значительные перемены к лучшему, произошедшие в Финляндии с момента получения независимости.

Основным же ответом на проявленные к нему знаки внимания явилась картина «Финские знаменитости». Вероятно, почувствовав уникальность момента, когда вместе собрались люди, бывшие гордостью страны, Илья Ефимович запечатлел на этом полотне устроенный в его честь банкет. На сегодняшний день эта удивительная картина не только отразила отношения между русским художником и творческим сообществом молодого независимого государства, но и стала историческим документом²³.

В ноябре 1922 г. практически завершенная картина «Финские знаменитости» была выставлена в Хельсинки в галерее «Льеорхаммер», где проходила большая выставка-продажа репинских работ. На приеме, устроенном по случаю открытия выставки, Репин общался с президентом Финляндии К. Ю. Столбергом. Позднее об этой встрече Репин с некоторой долей юмора рассказал К. И. Чуковскому. «Когда я был с выставкой, я получил приглашение посетить Президента... Выглядим мы оба радушно — но ни слова не говорим. Он говорит только по-немецки. Но тут мне был представлен полковник, он был в русской службе. Очень обходительный. Показал мне весь дворец — столы большие из приемного зала. Множество угощений — кофе, чай, закуски — от 3-х до 4-х часов трапеза. Я там очень хорошо провел время...»²⁴.

После окончания выставки Леви возил картину по Финляндии в течение двух лет, после чего она вернулась в мастерскую художника. Репин многое в ней изменил, но, несмотря на то, что Илья Ефимович работал над картиной, пытаясь довести ее до совершенства, вплоть до 1927 г., она осталась незавершенной²⁵. Знакомство широких слоев финского общества в разных уголках страны с творчеством Репина, надо полагать, способствовало лучшему пониманию жителями Финляндии его творчества и тем самым вхождению самого художника в это общество. Несомненный интерес представляет наблюдение Репина об отношении простых финнов к его работе, у которых она вызывала неподдельный интерес. «Частенько и финны заглядываются у меня на своих знаменитых земляков, — отмечал Илья Ефимович. — Особенно им нравится Сааринен, знаменитый архитектор, премированный в Париже за проект вокзала в Гельсингфорсе. Маннергейм также имеет успех»²⁶. Подмечен-

ное Репиным особенно ценно тем, что убедительно показывает на заслуженную популярность художника не только среди образованной публики, но и у простого люда. Многочисленные фотографии мастерской И. Е. Репина свидетельствуют о том, что все последние годы жизни живописца картина находилась в «Пенатах». «В своем завещании, подписанном 20 августа 1927 г., — указывал Т. Хууско, — художник отказал картину финскому правительству с условием, что оно позволит похоронить его дома, на территории “Пенатов” в Куоккала»²⁷.

Следует отметить, что в годы, когда Репин постепенно и вполне успешно находил свою нишу в творческом сообществе Финляндии, художественная общественность и власти СССР особого интереса к нему не проявляли. Но в 1924 г., в преддверии 80-летнего юбилея знаменитого живописца, ситуация изменилась. Правительством СССР было решено провести выставки картин Ильи Ефимовича в разных городах страны. В связи с чем в пропагандистских целях было решено попытаться уговорить Репина переехать из Финляндии в СССР. Руководство пролетарского государства считало, что добровольное переселение Репина повысит авторитет СССР в глазах европейцев.

В то же время, независимо от решений советского правительства, Репин и сам думал о посещении СССР, но с обязательным условием возвращения в Финляндию. О возможности такого визита Ильи Ефимовича поинтересовался у заведующего художественным отделом Русского музея П. И. Нерадовского. «Вам известно, — писал Репин 5 июня 1925 г., — кто и в какой форме может устроить мне без промедления визы, в установленном порядке, на время моего посещения и обратного пути сюда»²⁸. В этом же письме художник писал, что «в недалеком будущем Финляндия и Россия дойдут до добрососедских отношений».

Но уже спустя некоторое время, в том же 1925 г., идея поездки в СССР оставляет престарелого художника. Он пишет народному комиссару просвещения РСФСР А. В. Луначарскому, «Но подумав — нет, поехать нельзя... я ни за что не променяю своего фонтана “Посейдон”, который подает мне струю — 33-х ½ сажен глубины — целебную, чистую струю, которая уже вылечила меня от болезни почек... Да ведь я здесь работаю почти 30 лет». — И далее Репин вопрошает: «И неужели же ехать на не-вскую воду — кипяченую?!»²⁹.

Тем не менее идея о переезде Репина в СССР продолжала быть актуальной. Летом 1926 г. к Илье Ефимовичу приехала представительная делегация советских художников. Возглавлял ее бывший ученик живописца И. И. Бродский. Кроме него в состав делегации входили А. В. Григорьев, Е. А. Кацман и П. А. Радимов. Все они были не только живописцами, но и партийными функционерами большевистской партии.

Репин напрямую переселяться в СССР не отказывался, но ничего и не предпринимал для смены местожительства. Уже после визита советских художников Репин 16 сентября 1926 г. весьма откровенно писал В. Ф. Зеелеру: «От всех советских признаний моих заслуг — категорически отказываюсь»³⁰. Дело в том, что члены делегации многое обещали Репину, и в том числе Бродский сказал Репину, что в СССР ему будет присвоено звание «Народного художника», на что Репин ответил, что он и так народный художник. Илья Ефимович не понимал специфику советских наградений и званий.

Этот визит советских художников не остался без внимания финских властей. «Самое большое количество отчетов по надзору, — установила Т. П. Бородина, ссылаясь на архивы полиции, — поступило в сыскную полицию Терийоки после пребывания у Репина в 1926 г. делегации советских деятелей культуры»³¹.

О том, что Репина вполне устраивала жизнь в Финляндии и он в достаточной мере вписался в финское творческое сообщество, свидетельствует празднование его юбилея. В августе 1929 г. Илье Ефимовичу исполнилось 85 лет. Знаменательная дата прославленного живописца была отмечена не только его близкими и друзьями, но и официальными властями страны. «У финнов, — сообщал Репин Чуковскому, — я сподобился, мне показалось, чего-то вроде национального торжества! — И далее — Телеграммы — сам себе завидую — от Президента Реляндера, от генерала Бората Менерима и др [угих] много...»³². По поводу юбилея Илья Ефимович писал Д. И. Яворницкому 10 октября 1929 г.: «Как добры, как милы люди! Из-за одного этого 85-летия надо благоговейно жить на свете и боготворить человечество!»³³. Триумф почтенного художника подтверждают многочисленные фотографии того времени. Широкое празднование юбилея И. Е. Репина в Финляндии, и особенно в Куоккала, наглядно показывает прочные связи знаменитого русского

художника со страной, в которой он прожил треть своей жизни. Проявленное к Репину высшими должностными лицами государства внимание лишний раз указывало на положение и значимость Репина в финском творческом сообществе. При этом интересная деталь — первый президент страны наградил художника высшим Орденом страны, а второй — Л. К. Реландер — поздравил с юбилеем.

В заключение необходимо отметить, что И. Е. Репин, в отличие от многих эмигрантов, оказавшихся на территории Финляндии, вполне вписался в близкое ему по духу художественное сообщество творческих людей молодой республики. Подтверждением этому служит и награждение его Орденом «Белой Розы», чествование в Хельсинки и широкое празднование двух юбилеев художника, когда ему исполнилось 80 и 85 лет.

¹ Терийоки стал городом в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. См.: Барышников В. Н. «Терийокское правительство» (1939–1940 гг.): феномен его образования // Университетские Петербургские чтения. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград 1703–2002. СПб., 2002. С. 225–235.

² Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. 1880–1929. М., 1950. С. 21.

³ Цит. по: Knapas R, Vainio M. Albert Edelfelt och Russland. Helsingfors — Stockholm. 2004.

³ Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 346.

⁴ Там же. С. 346.

⁵ Валкениер Э. Творчество Ильи Репина и проблемы современного реализма // Материалы международной научной конференции Государственной Третьяковской галереи. М., 2015. С. 324.

⁶ Репин И. Е. Избранные письма. 1867–1930. М., 1969. С. 328.

⁷ Там же. С. 326.

⁸ Валкениер Э. Творчество Ильи Репина и проблемы современного реализма. С. 323.

⁹ Леви В. Ф. И. Е. Репин в годы революции. Репин. Художественное наследство. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 312.

¹⁰ Репин И. Е. Избранные письма в 2-х томах. 1867–1930. С. 332.

¹¹ Репин И. Е. Письмо к Куприну. Январь 1920 г. // Новый мир. 1969. № 9. С. 194–197.

¹² Хууско Т. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум // Каталог выставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. Таллин, 2013. С. 74–75.

¹³ Научно-библиографический архив Российской академии художеств (далее: НБА РАХ). Ф. 25. Оп. 2. Д. 99. Л. 6.

¹⁴ *Бородин Т. П.* И. Е. Репин в Финляндской прессе 1918–1930 // «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Финляндия, 2009. С. 86.

¹⁵ *Леви В. Ф.* И. Е. Репин в годы революции. С. 314.

¹⁶ *Людекен А.* Воспоминания о И. Е. Репине // Художник РСФСР. Л., 1969. С. 310.

¹⁷ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 790. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

¹⁸ *Бородин Т. П.* Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей. (По материалам Национального архива Финляндии. Фонд EK-Valpo) // Курортный район. 2012. № 7. С. 26–27.

¹⁹ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

²⁰ *Валкениер Э.* Творчество Ильи Репина и проблемы современного реализма. С. 328.

²¹ *Хууско Т.* Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. С. 76.

²² *Сойни Е.* Ильи Репин в Финляндии // «В Пенатах было наше счастье». С. 127.

²³ Подробно см.: *Балащенко Ю. Д.* Картина И. Е. Репина «Финские знаменитости». Взаимодействие двух культур // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014. С. 260–276.

²⁴ *Чуковский К. И.* Дневник 1922–1935. М., 2012. С. 204.

²⁵ Там же. С. 205.

²⁶ *Грaбaрь И. Э.* Репин. Журнально-газетное объединение. М., 1933. С. 237.

²⁷ *Хууско Т.* Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. С. 76.

²⁸ *Репин И. Е.* Избранные письма в 2-х томах. 1867–1930. С. 360.

²⁹ Там же. С. 363.

³⁰ *Валкениер Э.* Творчество Ильи Репина и проблемы современного реализма. С. 324. Архив Колумбийского университета. Письмо Репина от 16 сентября 1926 г. В. Ф. Зеелеру. С. 2.

³¹ *Бородин Т. П.* Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 36.

³² Ильи Репин — Корней Чуковский. Переписка 1906–1929 // Новое литературное обозрение. М., 2006. С. 287–288.

³³ *Репин И. Е.* Избранные письма в двух томах. 1867–1930. С. 404.

Т. К. Михалкова

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЛОЛОГ-СКАНДИНАВИСТ
М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ В БЛОКАДНОМ
ЛЕНИНГРАДЕ**

М. И. Стеблин-Каменский, выдающийся ученый-филолог, создатель кафедры скандинавской филологии на филологическом факультете Ленинградского государственного университета — признанный патриарх советской и российской скандинавистики. Его имя хорошо известно и за рубежом, труды Михаила Ивановича издавались в Чехословакии, США, Японии, Эстонии и, конечно же, в скандинавских странах — Дании, Норвегии, Швеции и особенно Исландии, которая была объектом его пристального внимания на протяжении всей жизни. М. И. Стеблин-Каменский являлся почетным доктором наук Стокгольмского (1969) и Рейкьявикского (1971) университетов.

Михаил Иванович родился в Санкт-Петербурге в 1903 г. и умер в Ленинграде в 1981 г. С этим городом было связано у него много воспоминаний, в том числе и тяжелых, как, например, 900-дневный период блокады, который он весь провел в осажденном городе. В этом отношении М. И. Стеблин-Каменский принадлежал к поколению, пережившему две мировые войны, три революции, Гражданскую войну, хрущевскую оттепель и брежневский застой. Но прежде всего *он пережил блокаду Ленинграда*, не уезжая из осажденного города все 900 дней. Научный и человеческий подвиг Михаила Ивановича Стеблин-Каменского — это яркий пример подвига всего нашего народа в те суровые годы.

Естественно, что ни один из тех авторов, кто писал очерки о М. И. Стеблин-Каменском, не обошел вниманием этот факт.

Однако специально вопрос о пребывании и работе Михаила Ивановича в блокадном Ленинграде не рассматривался. Из наиболее значимых печатных источников, где в какой-то мере рассматривается данная проблема, являются лишь его собственные заметки о блокадном периоде¹ и лишь одна публицистическая работа, опубликованная в журнале «Санкт-Петербургский университет»².

Говоря о блокадном периоде жизни М. И. Стеблин-Каменского, следует учитывать, что к этому периоду у него уже сложилась достаточно крепкая семья. Еще к середине 1930-х гг. годов он познакомился с Ольгой Сергеевной Шидловской (1913–1985), ставшей впоследствии его женой. В 1939 г. у них родилась дочь Наташа. Однако, когда началась война, Михаил Иванович вступил в ряды народного ополчения, но вскоре его по состоянию здоровья демобилизовали (у него был врожденный порок сердца). Ольга Сергеевна же в период начавшейся войны была привлечена к ремонтным работам на городской водопроводной сети³, однако затем была мобилизована на фронт (по специальности Ольга Сергеевна была картографом, впоследствии работала доцентом географического факультета ЛГУ) и лично приняла участие в боевых действиях, в том числе, и на Невском пятачке. Михаил Иванович остался в осажденном городе с совсем еще маленьким ребенком на руках. Жил он тогда на Петроградской стороне⁴, а работал в Пушкинском Доме (Институте русской литературы).

До 1943 г. в уходе за ребенком ему помогала старшая сестра, Мария Ивановна, которая также проживала в той же квартире. Из опубликованных писем М. И. Стеблин-Каменского мы узнаем определенные подробности о его блокадном быте. Так, в частности, его сестра проявляла большую заботу о дополнительном питании. По выражению Михаила Ивановича, она «развивает большую огородную деятельность» — выращивает турнепс, кормовую свеклу, в том числе и на балконе, где «возможно вырастет салат и укроп». Вот запись от 7 июня 1942 г.: «Съел салат из одуванчиков». Действительно, такого характера огороды сыграли в блокаду большую роль, но все же во время блокады Мария Ивановна умерла.

С другой стороны, из опубликованных писем видно, что их автор очень переживал то обстоятельство, что жена его, жен-

щина, воюет, а он — не на фронте. Стеблин-Каменский прямо писал: «Часто хотелось бы обменяться местами с Алей (Ольгой Сергеевной — Т. М.). Обидно как-то, что меня не берут в армию»⁵. Но не надо забывать, что у Михаила Ивановича на руках оставалась маленькая дочь Наташа. Михаил Иванович в одном из писем (15.02.1943) указывал: «Наташа здорова. Играет в воздушную тревогу и завывает сиреной»⁶. При этом он подчеркивал, что девочка уже научилась совершенно не бояться обстрелов и разрывов снарядов. Далее в записи от 08.12.1943 он укивает: «...приятно жить вдвоем с Наташей, с которой мы живем очень дружно (если бы не пришлось жить так вдвоем, то, пожалуй, не узнал бы по-настоящему, что такое отцовство)»⁷. Девочка тогда ходила в «очаг» (так называли тогда детский сад), где довольно сносно кормили и было хорошее бомбоубежище. Но, как видно из писем, Наташа сильно тосковала по маме и регулярно спрашивала отца, когда та приедет и когда кончится война. Михаил Иванович писал Ольге Сергеевне на фронт весьма частые письма и открытки. Воспроизведение трех таких открыток (от 18.08.1943, 20.08.1943 и 22.10.1943 гг.), приводимых в его «Записных книжках», стоит штамп: «Просмотрено военной цензурой» и адрес «Полевая почта — 02501-В»⁸.

В целом Михаил Иванович был очень благодарен Ольге Сергеевне за то, что она могла тогда ему писать каждый день. Он же, со своей стороны, посылал ей открытки с любимыми видами Ленинграда: сфинксами у Академии художеств, видом на Исаакиевский собор и Адмиралтейство с Зимнего дворца, Дворцовой набережной. По этой самой набережной Михаил Иванович нередко ходил во время блокады обедать в столовую Дома ученых. Там же, в Доме ученых, дочка его была в последнюю блокадную зиму на Новогодней ёлке.

Михаил Иванович незадолго перед войной поступил в очную аспирантуру Пушкинского Дома. Он охранял во время блокады бесценные музейные и архивные сокровища Института русской литературы. Там же, в Пушкинском Доме, он, как правило, и ночевал. В письме к «тете Асе»⁹ от 3 июня 1942 г. Михаил Иванович пишет: «С 1 апреля работаю в Институте литературы Академии наук. Работой своей очень доволен. Научных сотрудников осталось очень немного. Сажу, обложившись книгами в большой солнечной комнате, в которой 3 пустых письменных

стола, мебель пушкинской эпохи и ни души кроме меня — это сектор западноевропейской литературы. С апреля прилежно пишу диссертацию. Заниматься можно сколько угодно»¹⁰.

В письме от 7 июня 1942 г. Стеблин-Каменский упоминает, в частности, что прочел комментарий к англо-саксонской поэме, в котором разбирается вопрос о местожительстве дракона, упомянутого в этой поэме. Возможно, именно тогда у Михаила Ивановича зародилась мысль дать своему рассказу (а он был написан месяц спустя, в июле 1942 г.) название «Дракон». Этот рассказ впервые был опубликован уже после смерти Михаила Ивановича в 1989 г. в журнале «Нева». Публикации было предпослано предисловие академика Дмитрия Сергеевича Лихачева¹¹. В 1990 г. «Дракон» был переведен уже на английский, а еще через два года — на исландский язык (переводчиком выступил исландский ученый-славист Хельге Харальдссон, учившийся в ЛГУ в аспирантуре в конце 1960-х гг. и часто пользовавшийся консультациями Михаила Ивановича, с которым сдружился на всю жизнь). В 2010 г. рассказ «Дракон» в сокращенном виде опубликовала газета «Петербургский Дневник». Это небольшое литературное произведение вызвало бурную дискуссию в Интернете как представляющее нетрадиционный для того времени образ ленинградской блокады. Таким образом, прошло более сорока лет, прежде чем этот рассказ увидел свет. Сейчас мы уже как-то привыкли к тому, что постепенно раскрывается «очень неприятная правда о войне», но тогда, в 1990-е гг., емкий и жестокий «блокадный портрет», который нарисовал Стеблин-Каменский, произвел впечатление разорвавшейся бомбы.

Конечно, в истории ученого-филолога, который в осажденном городе много занимался уже чисто бытовыми проблемами, мог погибнуть как ученый, что, несомненно, означало бы для Михаила Ивановича коренной поворот в его судьбе. Но, к счастью, этого не произошло. В блокадную зиму 1942–1943 гг. Стеблин-Каменский очень много работал над кандидатской диссертацией, которая была посвящена древнеанглийскому поэтическому стилю. Более того, он даже смог заочно в Ташкенте защитить кандидатскую диссертацию (его оппонентами выступили тогда два ученых с мировым именем: В. М. Жирмунский и В. Ф. Шишмарев). В результате можно с уверенностью

говорить, что М. И. Стеблин-Каменский не просто выжил. Он победил. И, пожалуй, такая победа не менее значима, чем фронтовой подвиг. Это победа силы духа.

Тем не менее незадолго до снятия блокады, в начале января 1944 г., в письмах Михаила Ивановича начинают уже звучать несколько иные ноты: он фиксирует усиление обстрелов города, болезнь гриппом дочери. Явно чувствуется, что Михаил Иванович нервничает. Он пишет: «...хотя до сих пор слыл среди приятелей неисправимым оптимистом, но, видимо, и я подхожу к своему пределу»¹². С одной стороны, в своих блокадных письмах Стеблин-Каменский продолжает твердо говорить об увлеченности своей работой. Филолог продолжает ставить для себя «очень высокую планку», не позволяя поселиться в душе унынию.

Любопытно, что, изучая древнеанглийскую поэзию, Михаил Иванович не останавливался на одном месте. В блокадный период своей жизни Стеблин-Каменский заинтересовался древнескандинавской поэзией, произведениями скальдов, Старшей и Младшей Эддой. Затем — прозой: родовыми сагами, и уже позже, через древнеисландскую литературу, пришел к современному скандинавскому языку¹³.

И именно в эти дни, в конце 1943 г., были установлены дипломатические отношения между Исландией и СССР (в октябре 2013 г., вслед за 110-летним юбилеем со дня рождения Михаила Ивановича, отмечалось 70-летие этой даты). И поразительно, что как раз тогда в блокадном Ленинграде задумывалась Михаилом Ивановичем его докторская диссертация «Поэзия скальдов» — работа, заложившая основы новаторского понимания древнеисландской литературы.

В 1942 г., в блокадном Ленинграде, Михаил Иванович познакомился с филологом-иранистом Александром Николаевичем Болдыревым, знакомство это переросло затем в многолетнюю дружбу. Они вместе встречают 1944 г. В марте 1944 г. Михаил Иванович запишет: «Мы с ним (Болдыревым. — Т. М.) хорошие друзья. Его дочь Наташина подруга, а его жена — моя помощница в Институте по архиву»¹⁴. А. Н. Болдырев («Сандрик», как его называли в компании) сохранил отрывок из «Блокадной поэмы», написанной Михаилом Ивановичем осенью 1942 г. — всего 16 строк.

Недавно выпал снег. И шел обстрел.
По стороне проспекта «более опасной»
Мы шли вдвоем. Закат малиновел.
И город мерк, пустынный и прекрасный¹⁵.

В конце каждого четверостишия Михаил Иванович дает новое определение городу: он — «безлюдный и бессмертный», «огромный и крылатый».

Читая письма Михаила Ивановича блокадной поры, знакомясь с его стихами, открытками, посланиями на фронт жене, как-то по-новому понимаешь смысл всего, пережитого им в это время. Просто, буднично описывая свой блокадный быт, Стеблин-Каменский не видит в нем особого героизма. Вот письмо от 17.07.1942: «У нас по-видимому как у многих здесь, развилась специфическая психология людей, чудом спасшихся от смерти: крайний оптимизм и фатализм»¹⁶. Михаил Иванович мучается — уезжать ли ему из осажденного города или же остаться: «Недавно из нашего института уехали почти все сотрудники. Осталось только трое (в том числе я) для охраны музейных и архивных фондов»¹⁷. Самым тяжелым была зима 1941–1942 гг. В музее истории СПбГУ хранится фотокопия справки следующего содержания: «Дано Стеблин-Каменскому Михаилу Ивановичу в том, что он жив, но по состоянию здоровья не может дойти до поликлиники. Управляющ. д/х-ва 81 (подпись) 2 марта 1942 г.». Лаконичная, но потрясающая запись. В середине июля 1942 г. Михаил Иванович пишет: «Понемногу оправляемся от дистрофии»¹⁸. Спасением служит работа: «Работы много и физической, и литературной, и административной»¹⁹. Появляются некоторые улучшения жизни, быта: «электричество кажется сказочным комфортом»²⁰. Есть в письмах Михаила Ивановича и такие строки: «Мы считаем, что благополучно перезимовали, и, если понадобится, готовы к третьей зиме». 1 января 1943 г. Михаил Иванович записывает: «Собираюсь начать мемуары — скоро мне 40 лет!»²¹.

Мемуаров так и не осталось в его творческом наследии. Вместо этого в 1945 г. М. И. Стеблин-Каменский стал докторантом филологического факультета ЛГУ, с которым затем и была связана вся его последующая жизнь. В 1948 г. он защитил докторскую диссертацию, в 1950 г. стал заведовать кафедрой германской филологии (туда входили немецкое и скандинавское

отделения, а с 1955 г. еще и отделение английской филологии). В 1958 г. произошла реорганизация филологического образования, и М. И. Стеблин-Каменский возглавил первую в СССР кафедру скандинавской филологии, которой и руководил впоследствии двадцать лет.

В целом пример Михаила Ивановича еще раз подтверждает тезис о том, что научные вершины доступны и в возрасте немолодом — появляется не просто *иной взгляд на мир*, приходит *мудрость*, и не только житейская.

¹ Стеблин-Каменский М. И. Из записных книжек (1958–1981). СПб., 2009. (Подготовка данного издания была задумана сразу после смерти Михаила Ивановича его вдовой, Ольгой Сергеевной Стеблин-Каменской, но в 1985 г. она умерла, и дальнейшую работу продолжили уже его сын доктор филологических наук, профессор, академик РАН, специалист в области иранистики, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН И. М. Стеблин-Каменский и профессор кафедры общего языкознания факультета филологии и искусств СПбГУ. Ю. А. Клейнер).

² Михалкова Т. К. Нетленный стебелек на камне // Санкт-Петербургский университет. 2015, январь (специальный выпуск). С. 15–16.

³ Это был весьма изнурительный труд, по одиннадцать часов в сутки, но можно было пользоваться относительно неплохой столовой.

⁴ До 1957 г. Михаил Иванович проживал на ул. Подковырова в д. 25, кв. 6 — там жила сестра Михаила Ивановича, Мария Ивановна, к которой он переехал с Моховой улицы в конце 1920-х г. Это была коммунальная квартира, и соседкой Стеблин-Каменских была скульптор Вера Васильевна Исаева, создатель монумента «Матери-Родины» на Пискаревском мемориальном кладбище в Ленинграде в 1959 г. Она проживала на улице Подковырова с 1914 по 1960 гг. В 1995 г. на этом доме была установлена мемориальная доска, ей посвященная. Вера Васильевна была подругой жены Михаила Ивановича, Ольги Сергеевны. Во время блокады В. В. Исаева жила и работала в осажденном городе, выполняла оборонные заказы. Михаил Иванович упоминает ее в своих письмах: «Вера Васильевна устроена лучше всех нас. Много работает, устроила себе собственную мастерскую в союзе художников, и работы ее имели успех» (письмо от 3 июня 1942 г., — Стеблин-Каменский М. И. Из записных книжек. С. 171). Иван Михайлович Стеблин-Каменский вспоминает, что при работе над фигурой женщины в своем известном монументе Вера Васильевна использовала портретные черты домработницы Стеблин-Каменских, Стеша. На адрес ул. Подковырова, д. 25, кв. 6 приходили письма жены Михаила Ивановича, Ольги Сергеевны, с фронта, адресованные мужу и маленькой дочери.

⁵ Стеблин-Каменский М. И. Из записных книжек. С. 175, письмо от 15.02.1943 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ Открытки воспроизведены на цветной вкладке в книге: *Стеблин-Каменский М. И.* Из записных книжек.

⁹ Анна Ивановна Сидорова, двоюродная сестра жены М. И. Стеблин-Каменского.

¹⁰ *Стеблин-Каменский М. И.* Из записных книжек. С. 171.

¹¹ М. И. Стеблин-Каменский и Д. С. Лихачев познакомились еще в 1920-е гг. и впоследствии поддерживали дружеские отношения на протяжении всей жизни. Их связывала совместная литературная, редакторская и издательская деятельность, а главное — общность взглядов на мир и глубокое почитание общечеловеческих культурных ценностей.

¹² *Стеблин-Каменский М. И.* Из записных книжек. С. 179.

¹³ Там же. с. 179, письмо от 05.01.1944 г.

¹⁴ Александр Николаевич Болдырев (1909–1993) защитил перед самым началом войны кандидатскую диссертацию, а в 1954 г. — докторскую. С 1950 по 1981 г. он заведовал кафедрой иранской филологии филологического факультета ЛГУ (эту кафедру в 1968 г. закончил сын М. И. Стеблин-Каменского, И. М. Стеблин-Каменский). В блокадную зиму он был в осажденном городе, совмещая работу в нескольких местах, сохраняя сокровища Эрмитажа, Публичной библиотеки, Пушкинского Дома. В 1998 г. в свет вышла его книга «Осадная записка». Предисловие к ней написал в 1997 г. И. М. Стеблин-Каменский. Хотя это было весьма рискованно, Болдырев вел в осажденном городе дневник (9 декабря 1941 — 14 августа 1948 г.). По соображениям безопасности, описывая быт ученых той поры, он избегает называть имена своих друзей — так имя М. И. Стеблин-Каменского вообще не упоминается ни разу.

¹⁵ *Стеблин-Каменский М. И.* Из записных книжек. С. 167.

¹⁶ Там же. С. 172.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 173, письмо от 17.07.1942 г.

¹⁹ Там же. С. 175, письмо от 03.02.1943 г.

²⁰ Там же. С. 175, письмо от 15.02.1943 г.

²¹ Там же. С. 174, письмо от 01.01.1943 г. Позже в его «Записных книжках» задумка Михаила Ивановича в какой-то мере осуществилась.

В. Н. Барышников

**ПОЧЕМУ в 1946 г. К. Г. Э. МАННЕРГЕЙМ
НЕ БЫЛ ОСУЖДЕН КАК «ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ
ПРЕСТУПНИК»?**

4 июня 2017 г. исполнится 150 лет со дня рождения единственного маршала Финляндии К. Г. Э. Маннергейма. С именем этого человека связана целая эпоха в финской истории. При этом можно сказать, что об его жизни сейчас написано больше, чем о ком бы то ни было из финляндских государственных и политических деятелей данной страны. Более того, Маннергейм — это один из самых знаменитых финляндцев в мире. Как по этому поводу отметил профессор М. Клинге, «наряду с Сибелиусом, он еще при жизни стал самым известным финном как у себя на родине, так и за границей»¹. Действительно, в Финляндии еще в 1930-е гг. на шведском языке была опубликована первая биография этого человека². Причем, видимо, авторы данной работы даже не представляли того, что наибольшая слава к их герою придет несколько позже, уже в период Второй мировой войны, когда Финляндия дважды воевала с Советским Союзом, а Маннергейм являлся командующим финскими вооруженными силами, входил в «узкий круг» руководства страны. Однако, как известно, в обеих войнах финское противостояние СССР обернулось поражениями. Но при этом армия Финляндии проявила чрезвычайно высокий уровень военной подготовки и никоим образом не дискредитировала авторитет Маннергейма. Более того, дважды произошедшая катастрофа не закончилось ни советской оккупацией, ни присоединением Финляндии к т. н. «социалистическому лагерю».

В этом плане вызывает определенное удивление, что до сих пор нет полного и ясного представления, опирающегося на до-

кументальные источники, почему Маннергейм как человек, который входил в высшее государственное, а также военное руководство страны так и не был в 1945 г. привлечен к суду в качестве одного из главных виновников вовлечения Финляндии во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии, хотя сам утверждал в октябре 1944 г., что его «русские не любят» и, «возможно, в будущем арестуют и расстреляют»³.

Тем не менее этого не произошло и, очевидно, стало одной из весьма больших загадок для современных исследователей, занимающихся изучением жизни финского маршала. Существующие же об этом рассуждения обычно находятся в плоскости, которая достаточно далека от истории. Причем показательно, что предлагаемые для обсуждения версии нередко носят крайне экстравагантный характер. В частности, например, существует утверждение отечественного т. н. «маннергеймоведа», исследователя-публициста Л. В. Власова, что попросту «Сталин понимал, что предать суду старого маршала — значит бросить на скамью подсудимых саму идею независимости Финляндии, а этого он не хотел»⁴. Эти и подобные им взгляды⁵, однако, можно считать абсолютно наивными и серьезно никаким образом, естественно, оценены быть не могут.

Также нелепым выглядит и публицистическое утверждение, что сталинское руководство в 1945 г. могло «поблагодарить» финского маршала за то, что в 1941 г. немецкие войска не взяли Ленинград и армия Маннергейма «никоим образом не участвовала» в штурме города, который осуществлялся исключительно немецкой группой армией «Север». В этом отношении утверждается, например, что финский маршал вместе с Г. К. Жуковым вообще «спасали Ленинград»⁶. Или что в годы войны «между Маннергеймом и Сталиным имелаась прямая связь, которая, возможно, позволяла почти даже открыто обмениваться мнениями»⁷. Очевидно, что столь нелепые и далекие от реальности истории, касающиеся сталинского руководства, покоятся на беспрецедентном факте, что Маннергейму на суде не были предъявлены какие-либо обвинения и он по делу проходил лишь в качестве свидетеля.

В этом плане ситуация действительно кажется парадоксальной. С финской стороны маршал нес, и не мог не нести, наибольший груз ответственности за то, что его страна участво-

вала в 1941–1944 гг. вместе с Германией в войне против СССР. Изначально именно военное ведомство, которым он руководил, установила еще в 1940 г. прямые контакты с германским командованием. Именно в ставке Маннергейма принимались соответствующие решения, касающиеся организации пропуска немецких войск на финскую территорию уже в сентябре 1940 г. Более того, в ходе военных действий ведомство Маннергейма персонально отвечало за осуществление различных форм оккупационного режима на захваченной в 1941–1944 гг. советской территории, включая организацию концентрационных лагерей и репрессивных операций как в отношении военнопленных, так и гражданского населения Карелии. Так же, вероятно, не следует забывать и об участии финских войск в блокаде Ленинграда. Причем, в отличие от других союзников Германии, только Финляндия имела свой собственный сектор фронта у стен осажденного города. Это, несомненно, предполагало и персональную ответственность за гибель колоссального количества мирных жителей города, поскольку Ленинград по первоначальному замыслу, которые были согласованы германским командованием с финляндским руководством, вообще должен был быть уничтожен⁸.

Тем не менее человек № 1 в военном, да и в политическом сегменте финляндского руководства, повинный в непосредственном подключении Финляндии к участию в войне, оказался вне того круга, кто после окончания войны предстал перед финским трибуналом. К. Г. Маннергейм, таким образом, никоим образом не привлекался к какой-либо ответственности и не оказался среди тех, кто понес соответствующую кару за то, что Финляндия участвовала во Второй мировой войне на стороне нацизма.

Естественно, это не могло не вызвать недоумения, если еще учитывать, что в предшествовавшей этому период неизменно в органах массовой информации Советского Союза Маннергейма квалифицировали как человека, который являлся главным во всех тех «злых делах», исходящих с территории Финляндии. Причем в целом его «дурная слава» в СССР имела уже длительную историю и сложилась задолго до начала войны. Она утвердилась с момента становления в Финляндии независимости, сопровождавшейся кровавым подавлением в 1918 г. рабочей революции.

В данном отношении, однако, в российской историографии сейчас нет четких ответов, почему так произошло. Лишь хоро-

шо показан сам механизм, при котором Маннергейм избежал своего наказания. Но аргументы, приводимые в исследованиях, до сих пор носят лишь достаточно предположительный характер. Прямых доказательств и соответствующих официальных свидетельств пока не обнаружено. Известно лишь то, что Маннергейм избежал участи всех своих соратников по руководству страны только потому, что он в момент начала судебного процесса занимал пост президента. В результате, по законам Финляндии, он официально не мог быть привлечен к суду.

Тем не менее занимаемый им самый высокий пост в государстве не помешал Маннергейму накануне начала процесса, который открылся на следующий день после начала работы Нюрнбергского международного трибунала над нацистскими преступниками — 15 ноября 1945 г., вообще покинуть Финляндию. Президент без всяких проблем отправился 3 ноября в Португалию⁹, возложив свои обязанности на премьер-министра Ю. К. Паасикиви. Далее он пробыл за границей достаточно продолжительный срок — два месяца. Как было официально объявлено, отъезд главы государства являлся вынужденной мерой, связанной с его болезнью. Но вернулся Маннергейм лишь 2 января 1946 г. Это случилось, когда основные страсти вокруг судебного процесса начали угасать, а в финском суде уже готовились вынести обвинительный приговор в отношении восьми т. н. «военных преступников». Сам приговор был зачитан 21 февраля соратнику Маннергейма, бывшему президенту республики Р. Рюти, а также его коллегам: премьер-министрам Ю. Рангелю и Э. Линкомиесу, членами правительства — В. Таннеру, Ю. Рамсаю, Т. Рейникка, А. Кукконену. Приговор был вынесен еще и посланнику Финляндии в годы войны в Германии, тоже бывшему финскому премьеру Т. Кивимяки¹⁰. Маннергейм, собственно, на суде не присутствовал, и можно лишь с большой долей уверенности утверждать, что он лишь внимательно наблюдал за этим судебным процессом, поскольку в документах его личного фонда хранятся материалы этого процесса, которые были выполнены в форме ротапринтных отчетов проходивших тогда заседаний¹¹.

Тем не менее остается загадкой, как в Москве пошли на то, чтобы Маннергейма тогда выпустили из Финляндии, не привлекая, таким образом, не только к судебной ответственности,

но и не используя его знаний, касающихся различных аспектов участия Финляндии в войне, по крайней мере, для свидетельских показаний?

Отвечая на данный вопрос, вероятно, следует четко учитывать не прежние «заслуги» или, наоборот, «прегрешения», которые маршал мог иметь, по мнению советского руководства, перед СССР. Очевидно, здесь уже определяющим становились совершенно другие факторы.

Несомненно, в Москве стремились, прежде всего, использовать его авторитет в достижении определенных политических целей, учитывая сохраняющийся геополитический интерес СССР к Финляндии и выработанную до этого весьма понятную, при ее внимательном изучении, концепцию. Эта концепция четко заключалась в том, чтобы добиться возможности превращения Финляндии из врага СССР в союзника. Данная стратегическая линия стала весьма явно просматриваться начиная с 1937 г., хотя первые ее проявления становились различными еще с 1934 г.¹² Поэтому, по всей видимости, следует, прежде всего, обратить внимание на то, какие Маннергейм начал проповедовать в 1944–1945 гг. взгляды, а также постараться учесть то положение, которое он занимал в финском обществе. От этого, очевидно, и зависели главные мотивы, определяющие отношение советского руководства к нему в конце Второй мировой войны.

Но первое, вероятно, было то, что в Москве учитывалось само значение Маннергейма для финского общества того времени¹³. Действительно, парадокс складывающейся ситуации заключался в том, что в условиях поражения Финляндии в войне Маннергейм являлся единственным представителем финляндского руководства, который прочно сохранял внутри страны свой авторитет и влияние. Только он имел в Финляндии наибольшее число своих сторонников как среди консервативной части населения, так и среди умеренных политиков¹⁴. Кроме того, его поддерживали и финские прогермански настроенные государственные деятели¹⁵, а также приверженцы разрыва Финляндией своих отношений с нацистской Германией, т. е. среди представителей т. н. «мирной оппозиции»¹⁶. Не случайно заговор против него, который готовили нацисты в 1944 г., осуществить в Финляндии оказалось просто не возможно¹⁷. Безоговорочный авторитет Маннергейма был и в армейской среде¹⁸, что в конеч-

ном итоге позволило уже развернуть финской армией боевые действия против своих немецких «братьев по оружию». В результате он реально был в состоянии объединить население своего государства. Подобную позицию в финском обществе не достигал никто другой, кроме него. Это, вероятно, не могли не учитывать в Москве.

Но, принимая данное положение, все же следует отметить, что даже это важное обстоятельство не являлось для советского руководства определяющим. Важным являлись все же другие. Это — прежде всего взгляды финского маршала. Отказавшись от возможного захвата территории Финляндии, в Кремле теперь вынуждены были искать, а затем уже сделать соответствующую ставку на те политические круги, которые смогли бы поддерживать, а затем и реализовать стратегическую линию СССР в отношении Финляндии, превратив эту страну, таким образом, как минимум в устойчивого советского военно-политического союзника.

При этом самым подходящим, конечно, в данном случае для Москвы являлись представители радикально левых политических группировок, прежде всего финских коммунистов. Они могли четко стать реальной политической силой, которая объективно выступила бы за тесные союзные отношения с СССР. Действительно, влияния КПФ в финском обществе начало нарастать¹⁹. Но влияние коммунистов пока еще не выглядело достаточно убедительным, чтобы можно было с их помощью поставить Финляндию под собственный контроль. Более того, несомненно, серьезным ударом по коммунистическому движению стала попытка реализации авантюрной по своей сути идеи создания в ходе «зимней войны» финского «народного правительства»²⁰. Это, безусловно, еще более подрывало авторитет КПФ и создавало весьма узкий коридор для усиления влияния Советского Союза на Финляндию.

В более выигрышном плане с точки зрения перспектив развития советско-финляндских отношений, тем не менее, оказались те буржуазные политические деятели, которые в конце войны тоже начали выступать за улучшение отношений с Советским Союзом²¹. Они были близки прежнему военному руководству страны, но одновременно формировали ему оппозицию, которая еще в годы войны получила название — «мирной оппозиции».

К тому же на ранней стадии своего зарождения эта оппозиция тоже поддерживала К. Г. Э. Маннергейма, предлагая сделать его лидером государства уже с 1943 г.²² Таким образом, кандидатура маршала как лидера страны «проходила». Это особенно стало ясно, когда с октября 1944 г. финские войска на севере страны непосредственно развернули боевые действия против Германии, а в рейхе начали разворачивать антифинляндскую пропаганду и уже принявшись представлять деятельность Маннергейма исключительно «как преступную в отношении своего народа»²³.

Кроме того, как представляется, большую роль в судьбе Маннергейма тогда сыграл премьер-министр Финляндии Ю. К. Паасикиви, который осознал, что «русские не любят Маннергейма, но терпят его, потому что понимают, что его деятельность в настоящее время в Финляндии необходима»²⁴. Финский премьер сумел, учитывая общественное влияние Маннергейма, использовать его для принятия первоначальных судьбоносных решений для будущего страны, которые не всегда четко касались выполнения Финляндией соглашения о перемирии. В частности, Маннергейм уже осенью 1944 г. позволил Паасикиви включить коммунистов в состав своего правительства²⁵. Далее, именно Маннергейм подписал распоряжение о закрытии ряда близких к его собственному духу организаций, включая Шюцкор. И наконец, 10 ноября 1944 г. поздравил советское руководство с 27-й годовщиной Октябрьской революции, хотя всю предшествующую жизнь считал себя ненавистником большевиков. Показательно причем, что в этом поздравлении содержалась весьма важная мысль, которая затем будет уже реализовываться его последователями. Он написал, что выражает «искреннее желание финского народа укреплять прочные и дружественные, на обоюдном доверии основанные, добрососедские отношения Финляндии с ее великим соседом»²⁶. Все это, по крайней мере, говорило о том, что он является реалистом и вполне управляемым, т. е. готовым к поддержке весьма непопулярных, прежде всего для него самого, решений.

Эта «гибкость», очевидно, оказалась самым важным, и его позиция, несомненно, оказала основное воздействие на советское руководство в того времени. При этом, однако, следует учитывать, что сами его взгляды на перспективы Финляндии тоже явно, как и у некоторых других государственных и поли-

тических деятелей Финляндии, претерпевали соответствующую эволюцию. Слова, выражающие пожелание руководству СССР «укреплять прочные и дружественные», основанные «на обоюдном доверии», «добрососедские отношения», были, очевидно, далеко не случайными. Причину данного явления достаточно емко Маннергейм отразил в другом письме, которое он адресовал несколько раньше, 2 сентября 1944 г., и не в Москву, а А. Гитлеру. В нем он, наряду с тем, что сообщил фюреру о разрыве Финляндией отношений с рейхом, откровенно раскрыл еще и свое видение дальнейшей судьбы двух государств. Он указал, что в любом случае Германия, проиграв войну, «все равно выживет», тогда как «этого, — как он сообщил фюреру, — нельзя утверждать, говоря о Финляндии». Далее же он откровенно высказал Гитлеру уже, может быть, самую главную свою мысль, из содержания которой, вероятно, затем, собственно, стал в дальнейшем исходить, принимая важные государственные решения. Маннергейм написал, что «если наш всего четырехмиллионный народ будет побежден силой оружия, то можно не сомневаться, что его изгонят из страны или доведут до вымирания»²⁷. Из этой предположения маршал явно пытался затем выработать определенные для Финляндии планы, которые могли уже лечь в основу его будущей концепции. Но пока Гитлеру, естественно, ничего большего не сообщалось, хотя становилось ясно, что для Маннергейма важно в новых условиях было постараться максимальным образом понять и учесть то, к чему, собственно, могли стремиться в отношении Финляндии в Москве, но и одновременно выработать такой подход, который являлся бы наиболее приемлемым и для самой Финляндии.

Показательно, что в ранний, тоже очень критический для Финляндии период кануна «зимней войны» подобные мысли также занимали маршала. В момент драматических переговоров с СССР в 1939 г. Маннергейм весьма много задумывался об особенностях внешней политики Советского Союза. Можно сказать, что уже тогда он явно лучше, чем кто-либо другой в финском руководстве, за исключением, может быть, только Ю. К. Паасикиви, мог ориентироваться в хитросплетениях советско-финляндских отношений. Еще в период тайных переговоров с СССР в Хельсинки весной 1939 г. Маннергейм четко исходил из положения, которое, несомненно, должно было учесть

руководство Финляндии. Он был убежден, что Б. Е. Штейн, советский представитель, проводивший с финским руководством переговоры, «не должен был возвращаться с пустыми руками» в Москву. В своих мемуарах он писал о встречах с министром иностранных дел Э. Эркко, премьер-министром А. Каяндером и президентом К. Каллио. В ходе состоявшихся тогда бесед К. Г. Маннергейм каждого из них убеждал, что в сложившихся условиях Финляндия должна добиваться выполнения двух целей. Он подчеркивал, что надо наладить, «с одной стороны, политическое и военное сотрудничество со Швецией, а с другой, — что представляется наиболее важным для понятия последующего видоизменения его политики, — осуществлять сближение с Советским Союзом, чтобы, — как он отметил, — ослабить его (т. е. СССР. — В. Б.) подозрения». Без всяких оговорок маршал предлагал передать Советскому Союзу ряд запрашиваемых Москвой в ходе переговоров в Финском заливе островов, которые, как он заметил, «нет возможности защищать»²⁸.

Очевидно, чтобы понять последующую политическую линию Маннергейма, данное мнение маршала является центральным. Оно явно основывалось на отсутствие у него ярко выраженной русофобии, от которой тогда в той или иной степени страдали многие, кто определял внешнюю политику в Финляндии²⁹. Более того, в отличие от большинства руководства, он, проживший в царской России долгие тридцать лет, хорошо представлял менталитет великой державы. Маннергейм, как он заметит в своих воспоминаниях, четко улавливал, что Москва от Финляндии «не отступится». Поэтому, как тогда полагал маршал, финляндское руководство должно было само взять инициативу в переговорах в свои руки и «разрядить обстановку». Как считал Маннергейм, это было бы более выгодным, чем постоянно продолжать стремиться ее нагнетать. Не случайно, по мнению достаточно близкого к нему генерала Э. Хейнрикса, которого маршал рассматривал как своего приемника во главе вооруженных сил³⁰, уже с 1930-х гг. «для Маннергейма было ясно, что Советский Союз именно из-за Германии смотрит на Финляндию с подозрением»³¹. Более того, учитывая обострение положения в Европе, маршал полагал, как это не выглядит сейчас парадоксально, что для Финляндии было бы и самой (!!!) «выгодно предложить отодвинуть на несколько километров к западу

близко проходящую от Петербурга линию границы»³². Однако эти радикальные идеи, связанные с советско-финляндскими переговорами, так и не учли в руководстве страны.

Тем не менее, конечно, следует также понимать, что, в отличие от царской России, Маннергейм не до конца мог полностью разбираться в специфике внешней политики СССР. Да этого он особо не скрывал. В ноябре 1939 г. он вполне окровенено сообщил помощнику военного атташе Финляндии в Москве капитану У. А. Кякёнену, указав ему, что «в царское время знал русский менталитет, но коммунистов не понимает»³³.

Однако время шло. Две войны с СССР, конечно, должны были ему, да и не только ему, что-то показать. Слова будущего президента Финляндии У. К. Кекконена, на его публичном выступлении в Стокгольме 7 декабря 1943 г., названное достаточно хлестко — «Добрососедское согласие с “исконным врагом”», становились пророческими. Тогда в разгар войны Кекконен заявил, что «не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы»³⁴.

Очевидно, это улавливал и Маннергейм. Он не был сторонником У. К. Кекконена³⁵, но фактически стал приближаться к его пониманию складывающейся вокруг Финляндии ситуации. Об этом свидетельствовало то, что, уже став президентом, он в узком кругу руководства страны в октябре 1944 г. прямо заявлял, что «наша внешняя политика не должна идти против России»³⁶. Несомненно, в определенной степени для выработки соответствующей позиции маршала сыграл роль еще материал, подготовленный по его личному заданию генералом Э. Хейнриksom. Он касался нового видения проблем безопасности Финляндии возникших по итогам прошедших в Москве переговоров и подписанием 19 сентября 1944 г. соглашения о перемирии³⁷.

Причем Хейнрикс подготовил не только аналитический материал, но и лично встретился с маршалом, рассказав о своих впечатлениях, которые у него возникли от этих переговоров. В этой связи финский генерал подчеркнул, что в момент их проведения он имел в Москве беседу с одним из представителей Англии, участвовавшим в переговорах. Британский дипломат прямо сказал ему, что «большевики хотят быть более уважаемыми»³⁸. Этим Хейнрикс дал почувствовать маршалу, что рассчитывать на особую поддержку со стороны Запада Финляндии,

вероятно, не приходится и надо, действительно, стремиться выражать «уважение большевикам».

Далее Хейнрикс собственно представил аналитический материал, в котором особо обращал внимание Маннергейма на необходимость в дальнейшем действовать «всем силами, чтобы избежать открытой конфронтации с восточным соседом», подчеркнув, что «мы не можем закрывать глаза на то, что требования, которые Россия предъявляет к нам, основаны на стратегических доводах»³⁹. Таким образом высказанные тогда идеи конструктивно меняли саму стратегическую линию финляндской внешней политики, а высказанные Хейнриком взгляды теперь некоторые финские исследователи даже вообще склонны считать «первым эскизом послевоенной политики безопасности Финляндии»⁴⁰.

Но самым главным являлось то, что сейчас пытаются не замечать определенные исследователи, когда утверждают, что «Сталин распорядился не трогать маршала из пиетета к его личности и заслугам»⁴¹. На самом деле, Маннергейм, трезво оценивая складывающуюся ситуацию, пытался реально учитывать геополитические интересы СССР. Это в Москве, очевидно, особенно почувствовали. В результате данная позиция маршала для СССР оказалась исключительно важной с точки зрения его полезности в дальнейшем ходе развития советско-финляндских отношений. Наиболее отчетливо данные тенденции проявились уже в январе 1945 г., когда Маннергейм в ходе обсуждения с А. А. Ждановым проблем обороны южного побережья Финляндии предложил советскому руководству заключить такой договор, который бы резко менял весь последующий характер советско-финляндских отношений. Он представлял собой соглашение о военно-политическом союзе двух государств. То есть то, к чему в СССР безуспешно стремились в отношении Финляндии начиная со второй половины 1930-х гг.

На его переговорах с А. А. Ждановым, которые проходили в Хельсинки два дня — 18, а затем 22 января, Маннергейм собственноручно на русском языке вывел первую статью предлагаемого договора⁴². Дословно он написал следующую фразу, касающуюся взаимных военных обязательств: «В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкупе, Высокие До-

говаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами»⁴³.

Причем парадокс складывающейся ситуации заключался в том, что фактически аналогичные формулировки были в договоре, который советское руководство заключило с «финским народным правительством» О. В. Куусенена в 1939 г.⁴⁴. Но что являлось наиболее показательным, финский маршал даже знал о содержании данного документа и лично предварительно познакомился с его текстом. На это важное обстоятельство, в частности, обратил внимание известный финский военный историк В. Тервасмяки. Как он заметил, «архив Маннергейма показывает, что он ознакомился с текстом соглашения между т. н. правительством Куусинена в Терийоки и Советским Союзом от 02.12.1939 г.»⁴⁵. Это уже явно указывало на то, что Маннергейм стремился учитывать советскую позицию в данной геополитической проблеме и готов был воспринимать те идеи, которые содержались в договоре СССР с финскими коммунистами. Более того, аналогичные формулировки затем появились и в реальном Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан с Финляндией в 1948 г. в Москве⁴⁶. Таким образом, Маннергейм оказался очень тонким стратегом, который отбросил определенные прежние убеждения, постаравшись максимально учесть реальные цели Советского Союза в отношении Финляндии. Именно это, как представляется, стало определяющим в отношениях Москвы к будущей судьбе маршала.

Показательно, что подобную позицию Маннергейма в отношении СССР оценили тогда не только в Москве. Даже финские коммунисты, серьезно пострадавшие от политики Маннергейма в предшествовавший период, уже весной 1945 г. начали признавать заслуги стареющего маршала. Министр внутренних дел, коммунист Ю. Лейно, в частности, 1 апреля прямо указал премьер-министру Ю. К. Паасикиви на то, что именно «Маннергейм вывел Финляндию из войны, и это такая заслуга, которая позволяет его оставить в стороне», намекая, очевидно, на надвигающиеся наказания всех тех, кто в Финляндии привели страну к войне. При этом он также четко подчеркнул, что в дальнейшем все «зависит от него самого, что он сделает» уже далее⁴⁷.

*Сравнительная таблица военных статей
предложения К. Г. Маннергейма 1945 г.
и советско-финляндских договоров 1939 и 1948 гг.*

Предложения Маннергейма, 1945 г.	Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской демократической республикой, 1939 г.	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой
<i>Статья I</i> В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкупе, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами.	<i>Статья III</i> Советский Союз и Финляндская Демократическая Республика обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения на Финляндию, а также в случае нападения или угрозы нападения через территорию Финляндии на Советский Союз со стороны любой европейской державы.	<i>Статья I</i> В случае, если Финляндия или Советский Союз, через территорию Финляндии, станут объектом военной агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства, Финляндия, верная своему долгу самостоятельного государства, будет сражаться для отражения агрессии. Финляндия направит при этом все имеющиеся в ее распоряжении силы на защиту неприкосновенности своей территории на суше, на море и в воздухе, действуя в пределах своих границ в соответствии со своими обязательствами по настоящему договору, при помощи, в случае необходимости, Советского Союза или вместе с ним. В указанных выше случаях Советский Союз окажет Финляндии необходимую помощь, о предоставлении которой стороны договорятся друг с другом.

А далее Маннергейм, действительно, стал статистом, когда принимался новый закон, первый параграф которого гласил, что «виновником войны считается тот, кто в правительстве решающим образом повлиял на присоединение Финляндии к войне СССР... или решающим образом препятствовал во время войны достижению мира»⁴⁸. Более того, он начал давать свидетельские показания, когда 22 октября 1945 г. у него дома проходил соответствующий опрос. Причем показательно, что министр юстиции У. К. Кекконен, чье ведомство, собственно, занималось подготовкой этого судебного процесса, «дал финским следователям и прокурору указания, цель которых заключалась в ограждении Маннергейма... от обвинений»⁴⁹. Более того, как утверждает известный финский историк Ю. Суоми, Кекконен «даже организовал так, что Маннергейма заранее информировали о вопросах, которые может задать» следователь и «подготовили к таким ответам на вопросы, которые перекладывали бы ответственность на других»⁵⁰. В результате его ответы, на конкретно поставленные вопросы, во многом носили весьма уклончивый характер⁵¹. Действительно, как считает финский исследователь В. Мери, «маршал страшно боялся быть втянутым в процесс над военными преступниками»⁵².

Очевидно, что учитывая это и понимая всю неоднозначность положения Маннергейма в стране, советское руководство, собственно, далее позволило ему, накануне начала суда, 3 ноября 1945 г., покинуть Финляндию, осознавая, вероятно, что большего уже от Маннергейма добиться будет очень сложно, а главное уже было сделано. Не случайно на встрече в Кремле 8 октября 1945 г. с финской делегацией в области культуры И. В. Сталин подчеркнул, что «не должно быть чувства мести в отношениях между народами»⁵³ и при этом решил даже выразить «признательность Маннергейму», что, естественно, для руководства Финляндии «явилось явным и неожиданным сюрпризом»⁵⁴.

Но объективно дело заключалось далеко не в «признательности» или отказе от «мести». Как указывал в своих воспоминаниях резидент советской разведки в Финляндии Е. Т. Синицын, позиция руководства СССР выражалась в том, чтобы позволить лично Маннергейму осудить «своих соучастников». Что, собственно, и произошло. При этом в процитированных в ме-

муарах Синицыным словам И. В. Сталина о будущем маршала было очень далеко от какой-либо «признательности» Москвы в отношении финского маршала. Советский лидер прямо произнес: «Во время суда Маннергейм неизбежно будет неоднократно упоминаться как повинный в приказах по армии и за сговор с немцами, о вступлении Финляндии в войну на стороне фашистской Германии. Тогда народ Финляндии примет отставку Маннергейма с облегчением»⁵⁵. Иными словами, в Кремле решили использовать авторитет финского маршала в переходный период выполнения Финляндией соглашения о перемирии, но затем его участие в дальнейшем управлении государством не предполагалась.

Так, собственно, далее и произошло. Маршал появился в Финляндии уже тогда, когда судебный процесс, как известно, завершился. А когда он закончился и были вынесены обвинительные приговоры бывшим его коллегам по финскому руководству, то всего через десять дней после этого, 4 марта 1946 г., Маннергейм с поста президента подал в отставку. Таким образом закончилась государственная карьера этого человека. Ему оставалось теперь только писать свои мемуары, находясь в большей степени вдалеке от Финляндии в Швейцарии в курортном местечке Монтрё, где после окончания судебного процесса и своей отставки он еще прожил чуть больше пяти лет.

Тем не менее сама его тихая старость не означала свертывания масштаба личности Маннергейма. Очевидно, что он и в конце своей жизни, уже после окончания войны, многое сделал для Финляндии. Неудивительно, что некоторые исследователи сейчас задаются вопросом о том, насколько идея договора о взаимопомощи с СССР, высказанная Маннергеймом в 1945 г., оказалась определяющей для формирования новой внешнеполитической линии Финляндии⁵⁶. Вероятно, поэтому, исходя из этого положения, следует задать вопрос уже не о роли для Финляндии т. н. «линии Маннергейма» — т. е. известных укреплений на Карельском перешейке, а уже о послевоенной внешнеполитической «линии Маннергейма — Паасикиви — Кекконена». Если принять именно то, что Маннергейм оказался одним из первых архитекторов данной линии, то тогда становится предельно понятно, почему он не был привлечен в 1945 г. к суду в качестве одного из главных обвиняемых по делу о военных преступниках.

¹ Клинге М. Густав Маннергейм (1867–1951). Президент республики, регент, маршал Финляндии // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 374.

² Donner K. Fältmarskalken friherre Mannerheim. Hls., 1934.

³ Цит. по: J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. Porvoo-Hels.-Juva, 1985. S. 38.

⁴ Власов Л. В. Маннергейм. М., 2005. С. 290.

⁵ См.: Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005. С. 324.

⁶ Савицкий В. Два маршала, или враги союзники // Знание и общество. 2007. № 1.

⁷ Lehtmus K. Kolme kriisia. Hls.-Tapiolla, 1972. S. 205.

⁸ См.: Барышников Н. И. Маннергейм без ретуши 1940–1944. СПб.-Хельсинки, 2004. С. 55–56, 33–39; Барышников Н. И. «Добиться официально от Германии, чтобы Петербург полностью уничтожить...». Намерения К.-Г. Маннергейма в отношении Ленинграда // Военно-исторический журнал. 2008. № 7. С. 3–6.

⁹ См.: Helo J. Vainennettuja ihmisiä. Tapahtumia toisen maailmansodan ja jälkeisenä aikakautena. Hls., 1965. S. 102–103.

¹⁰ Суд приговорил Р. Рюти к 10-и годам тюремного заключения. 6 лет тюремного заключения было определено Ю. Рангелю, а Э. Линкомие и В. Таннер получили соответственно 5 с половиной лет и 5 лет и 6 месяцев. Т. Кивимяки был приговорен к 5 годам тюремного заключения, Ю. Рамси к 2 годам и 6 месяцам тюрьмы, а А. Кукконену и Т. Рейника к 2 годам тюремного заключения.

¹¹ Kansallisarkisto. Mannerheimin G. Kokoelma. Sotasylyisyys.

¹² См.: Барышников В. Н., Пленков О. Ю. Дипломат Б. Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 15. С. 79–103.

¹³ См., например: Петров П. В. Финское командование глазами советской разведки // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 176.

¹⁴ См.: Tervasmäki V. Mannerheim — Valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtassa. Hls., 1987. S. 228.

¹⁵ Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014. С. 170–171.

¹⁶ Барышников В. Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник. XXIX. Таллин, 1985. С. 60; Барышников В. Н. О различных идеях создания финских эмигрантских правительств в конце Второй мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 7 (128). Т. 1. 2012. С. 7–13.

¹⁷ Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. С. 155–184; Барышников В. Н. О политическом значении создания финских подразделений СС для германо-финляндского сотрудничества // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014. С. 91–100; Барышников В. Н. О германских планах 1942–1945 гг. совершения государственного переворота в Финляндии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей. Вып. 12: Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2013. С. 485–502.

¹⁸ Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. С. 180–181.

¹⁹ См.: Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 123–124; Смирнов В. Финляндия // Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны. М., 1962. С. 656–659; Барышников В. Н. Антивоенное движение в Финляндии в 1941–1944 гг. // Вопросы истории европейского севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1984. С. 92–101; Барышников В. Н. Развитие антивоенного движения в Финляндии в 1941–1944 гг. и его этапы // Клио. № 3 (9). 1999.

²⁰ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.-Хельсинки, 2003; Барышников В. Н. «Терийокское правительство» (1939–1940 гг.): феномен его образования // Университетские Петербургские чтения. Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград 1703–2002. СПб., 2002. С. 225–235.

²¹ См.: *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa II. Porvoo-Hels.-Juva, 1980. S. 193.

²² Барышников В. Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. С. 60.

²³ См.: Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. С. 181.

²⁴ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 38.

²⁵ См.: Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 185.

²⁶ Известия. 1944, 10 нояб.

²⁷ *Mannerheim G.* Muistelmät. Os. II. Hels., 1952. S. 474.

²⁸ *Ibid.* S. 96–99.

²⁹ См., например: Барышников В. Н. К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939–1940 гг. «войной Эрко»? // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. № 7. СПб., 2011. С. 61–72.

³⁰ *Lehtmus K.* Tuntematon Mannerheim. Hels., 1967. S. 227.

³¹ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka. Hels.-Keuruu, 1959. S. 56.

³² *Mannerheim G.* Muistelmät. S. 96–99.

³³ *Käkönen U. A.* Sotilasiamiehenä Moskovassa 1939. Hels., 1966. S. 23–24.

³⁴ Кекконен У. К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. М., 1979. С. 16.

³⁵ См.: Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 184–186.

³⁶ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 38.

³⁷ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 417.

³⁸ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 44.

³⁹ *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa III. Porvoo-Hels.-Juva, 1981. S. 64–65. См. также: Мейндер Х. Финляндия, 1944: Война, общество, настроения. М., 2014. С. 258.

⁴⁰ Мейндер Х. Финляндия, 1944: Война, общество, настроения. С. 258.

⁴¹ Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 324.

⁴² См.: *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa III. S. 59.

⁴³ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 92. См. факсимильную копию данного текста в кн.: *Tervasmäki V.* Mannerheim — Valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtadissa. S. 177.

Полный текст договора, предложенный Маннергеймом для его обсуждения советским руководством:

«Желая, в случае направленной против их стран в послевоенное время агрессии, согласовать между собою меры противодействия таковой агрессии, а равно желая обеспечить постоянную дружбу и послевоенное мирное сотрудничество между собою, решили с этой целью заключить нижеследующий договор:

Статья I.

В случае агрессии против Финляндии, против Советского Союза через Финляндию или против обоих государств вкуче, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются на территории Финляндии, в северной части Балтийского моря и в Финском заливе оказывают друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Статья II: Высокие Договаривающиеся Стороны, учитывая интересы безопасности каждой из них, соглашаются на тесное и дружественное сотрудничество в период после восстановления мира и действовать в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела другого государства. Они соглашаются развивать в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны.

Статья III. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции направленных против Другой Высокой Договаривающейся Стороны» (J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 92).

⁴⁴ См.: Известия. 1939. 3 дек.

⁴⁵ *Tervasmäki V. Mannerheim — Valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtassa.* S. 236.

⁴⁶ Советско-финляндские отношения 1948–1983 гг. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983. С. 6–8.

⁴⁷ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. S. 130.

⁴⁸ Цит. по: *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 323.

⁴⁹ *Суоми Ю.* Из рода лососей. Урхо Кекконен. Политик и президент. М., 2011. С. 92.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Протокол опроса см.: *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1944. С. 154–160.

⁵² *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 187.

⁵³ Цит. по: *Helo J.* Väiennettuja ihmisiä. Tapahtumia toisen maailmansodan ja jälkeisenä aikakautena. S. 115.

⁵⁴ *Lehtus K.* Kolme kriisiä. S. 244.

⁵⁵ Цит. по: *Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 237.

⁵⁶ *Tervasmäki V. Mannerheim — Valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtassa.* S. 237.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

А. И. Чепель

ПРЕСТУПНЫЕ СООБЩЕСТВА В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

После заключения в 1617 г. между Швецией и Россией Столбовского мирного договора, по которому под власть шведского короля переходили значительные русские территории с проживавшими на них людьми, важной задачей обеих сторон становилось приграничное успокоение. Ещё какое-то время были слышны отголоски завершившихся военных действий. Всюду сновали банды, в которых находили прибежище «лихие» люди, авантюристы. Так, в феврале 1619 г. под приграничную русскую крепость Ладогу внезапно пришёл полковник Ярош Плещкий с большим отрядом, захватил на посаде местного дворянина, «стрельца, казака, посадского человека, жёнку, двух девок», и отошёл в шведские пределы, понеся незначительные потери: крепостной гарнизон не сумел дать налётчикам достойного отпора¹.

Отголоски Смуты вскоре затихли, и главными участниками различного вида преступлений в приграничье стало местное население. Становление приграничья затянулось, что в условиях слабо охраняемой границы способствовало увеличению трансграничных миграций, трудно поддающихся контролю со стороны властных органов. Эти перемещения через рубеж совершались с самыми различными целями и нередко сопровождались криминальными проявлениями, в числе которых немалую долю занимали кражи и грабежи, зачастую приводившие к увечьям сопротивлявшихся жертв, иногда и убийствам. Для совершения этих деяний местные жители объединялись в группы разного состава и численности. Условно назовём эти объединения «преступными сообществами» и рассмотрим, как они функционировали в приграничье.

Отметим, что оперативно и показательно расправляться даже с уличными и задержанными злоумышленниками в приграничье было затруднительно: мешали дипломатические препоны. Так, в 1623 г. комендант находившейся во владении Швеции крепости Корела (Кексгольм) отчитывал своего русского коллегу, новгородского воеводу, за незаконность казни захваченных на русской территории разбойников, пришедших со шведской стороны: «...и тебе... не довелось моего вельможного государя его королевского величества людей вешать»². Согласно русско-шведским договорённостям, следовало решать судьбу иностранных подданных, совершивших преступление за рубежом, только в согласии с той страной, резидентами которой они являлись. Затягивание дела было на руку преступникам. Например, длительность этапирования в условиях тихоходности транспортных средств того времени создавала массу возможностей для побега.

Безусловно, не способствовали росту авторитета приграничных властей случаи фактического пособничества преступникам. Так, в 1641 г. бобыль Печёрского монастыря Прошка Лапотников, ездивший с товаром в шведские земли, был там ограблен и убит. Глава шведской приграничной администрации убийцу отыскал, но «для своей корысти отпустил», выдав русским только «убитую голову», а себе оставив украденное имущество³.

Одной из сфер приграничного напряжения, грозящей криминальными последствиями, были трансграничные споры об условиях землепользования. Нечёткость обозначения линии границы на местности провоцировала сельское население увеличивать площадь необлагаемой обрабатываемой земли дополнительными «прирезками» путём перенесения приграничных знаков (зарубок на деревьях; засыпанных углём ям; камней с высеченными на них государственными символами), и на этой почве возникали острые конфликты. Так, в 1639 г. шведские подданные, «латыши» (так в русских документах именовались соседние народы, исповедовавшие лютеранство), в русских пределах, на реке Плюсе «высекли дров на 300 сажень», и русские крестьяне Гдовского уезда «учали им о том насильстве говорить, что они, крадучи, на царской стороне сено свозят и, в судах приезжая, траву косят и живот кормят, и те зарубежские латыши за то им угрожают смертным убийством»⁴. Нейтрали-

зовать такие преступные сообщества было чрезвычайно сложно и потому, что власти нуждались в лояльности местного населения, поэтому применять суровые кары даже в ситуациях, когда дело не доходило до смертоубийства, не решались.

Близость рубежа создавала благоприятную почву для ухода крестьян от своих помещиков (из-за каких-либо конфликтов; с целью укрыться в соседнем государстве с награбленным: дворовые люди и крестьяне, уходившие за рубеж от своих господ, почти всегда прихватывали с собой хозяйское добро⁵). Жалобы ограбленных хозяев, имущество которых вывезли за рубеж, красной нитью проходят через взаимоотношения приграничных властей⁶.

Возможность относительно беспрепятственно преодолевать границу способствовала формированию из беглых крестьян и дворовых людей своего рода «трансграничных ватаг», превращавших кражи и грабежи в доходный промысел. Обосновавшись за рубежом беглецы, хорошо зная расположение имущества бывших хозяев, зачастую приходили грабить из-за границы именно поместья своих прежних господ. Зная, что и где брать, преступники получали возможность грабить стремительно и успешно избегали поимки и наказания благодаря возможности укрыться за границей, в новых местах своего обитания. Нередко хозяйское добро увозили за рубеж с целью распродажи его среди зарубежных жителей. Так, в 1620 г. от русских порубежных помещиков Богдана Самарина и Ивана Лугвенева в шведские владения сбежали дворовые люди, прихватив с собой хозяйское имущество, среди которого было судно. Вскоре помещики узнали, что беглецы «ехали в судне до Ямского уезда, и в Ямском уезде те беглые люди продавали тот сносный живот и судно»⁷. Такую своеобразную разъездную торговлю краденым сумели организовать в приграничье эти предприимчивые беглые дворовые люди.

Очень часто среди похищенного встречаются животные, особенно лошади. О «естественности» приграничного конокрадства повествует, в частности, следующий эпизод. В 1622 г. отправленные русским землевладельцем на лесозаготовки дворовые люди Савка, Ромашка и Онашка устремились вместо этого к границе. Оказавшись напротив хозяйского поместья, беглецы вдруг решили несколько задержаться, чтобы «в поме-

стве лошадей грабители» и лишь после этого, «пограбя лошади, ехать бы с лошадьми за рубеж в Орешек», в шведские земли⁸.

Широкое распространение конокрадства в приграничье легко объяснимо. Во-первых, лошадь использовалась для транспортировки украденного посуху (как в предыдущем эпизоде судно для перевоза добычи водными путями). Об этой функции уведённых лошадей говорит жалоба русских властей на шведских подданных, «латышей», которые, с «краденными лошадьми переходя», приходят в русские земли «для воровства»⁹. Во-вторых, широкому размаху конокрадства способствовал большой спрос на лошадей, и часто за рубежом животных укрывал до времени сообщник¹⁰. Более того, не имея в соседнем государстве сообщников и действуя в одиночку, преступник сильно рисковал, оказавшись среди подданных другой державы. Так, бежавший в 1661 г. с русской стороны с хозяйскими лошадьми крестьянин был убит местными жителями на шведской территории. Таким образом, обосновавшиеся за рубежом люди подчас создавали сплочённые банды и превращали грабежи имущества своих бывших хозяев в доходный «бизнес». Таких случаев можно привести немало. Например, из грамоты новгородского воеводы узнаём, что в 1662 г. беглые дворовые люди русского помещика, укрепившись на шведской территории, «переходя в русскую сторону, у своего прежнего хозяина «лошадей крадут и многие шкоты чинят»¹¹.

Подчас определённую роль играло желание навредить непременно именно своему бывшему господину, отомстить ему за какие-то прежние обиды. В 1627 г. зафиксирован случай бегства в шведские пределы крепостных холопов Богдана Обольянинова. Ускользнув в шведские пределы с хозяйским имуществом, беглецы из-за рубежа постоянно тревожили покинутого хозяина, который жаловался властям: «женишко мое, и сынишко и дочеришко, мучили до полусмерти и мучив заперли в клетки»¹². Так же поступили беглые дворовые люди и крестьяне другого русского помещика: они приходили из-под Ругодива (Нарвы) в деревню, где жил покинутый ими хозяин, «и хотели его и жену его убить и деревню выжечь»¹³.

Действительно, бывало, что дело едва не завершалось убийством. Иногда мстили за реальные обиды, нанесённые прежним хозяином. В 1629 г. из Водской пятины, от боярского сына

Богдана Водоского в шведские пределы сбежали крестьяне, которые затем ночами приходили «со многими людьми разбоем», боярского сына «кололи в руку рогатиною», и Богдан едва «от них утёк ранен». Следствие показало, что эти крестьяне были перебежчиками: «целовав крест» шведскому королю, затем они перешли в русские пределы и осели у того самого Богдана. Когда у крестьян в очередной раз возникло устремление уйти, боярский сын «задержал их у себя неволею». Жenu и братьев одного из крестьян, Ивашки Овсеева, хозяин заковал «в железа», а отца его «убил до смерти». Тогда-то Иван Овсеев с сыном сбежали в шведские земли. Там, вероятно, он организовал «незнакомых людей», и эта банда приходила к Богдану Водоскому с ночным разбоем¹⁴.

Стремление как-либо помешать преступникам, не говоря уже о попытках задержать их, редко приводили к положительному результату, а для поборника справедливости зачастую заканчивались плачевно. В 1643 г. сын боярский новгородец Обросим Степанов сын Кузминской заподозрил, что появившаяся у его человека Крестилки лошадь — краденая, и собрался было отвести конокрада в Великий Новгород, отдать на суд воеводе. Но Крестилко успел уйти за рубеж, где, «собрався с ворами же, дядьями своими... и с иными ворами, с ружьём, с пищальми и с бердыши, и ходил на него, Обросима, разбоем». Бандитов не смогли остановить даже заставные стрельцы. Преступники «на заставе стрельцов хотели пересечь и пробились» всё-таки восвояси. Встреча с заставными стрельцами не охладила пыл громил. Они приходили ещё неоднократно, «в двух деревнях дворы и житницы с хлебом выжгли без остатку», причём в огне погибли трое крестьян. Снова и снова «приходили на него, Обросима, многижда разбоем, чтоб его, Обросима, убить». Бедой русского помещика воспользовались местные жители. Видя бессилие Обросима, приходили крестьяне из шведских владений и «по рубежу на царской стороне пожни его косили и лесовые уголья запустошили, полосы и лубья и лыка секучи, повывозили к себе за рубеж». Безнаказанность бандитов объяснялась и пособничеством приграничных жителей: «А укрывают их воровство на рубеже двумя погостами, Лопским и Ярославским»¹⁵. Как видим, дорого обошлась сыну боярскому попытка восстановить справедливость и наказать конокрадов, которые

нашли пристанище в принадлежавших Швеции приграничных погостах и безнаказанно громили владения своего обидчика, наводя на него и местных жителей.

Приграничные преступления с участием «зарубежных людей» создавали подчас большие дипломатические проблемы. Дела, особенно связанные убийствами, нередко доходили до центральных правительств, грозя ухудшить дипломатические отношения государств, и требовалось как-то сглаживать противоречия, чтобы не нарушить хрупкую «соседственную дружбу». Так, в 1620 г. в шведские пределы вторглись царские подданные и ограбили «латыша». Шведский комендант сообщил об этом случае самому королю Густаву II Адольфу и требовал от русских воевод немедленно выявить грабителей, грозя в противном случае отправить своих людей для ответного грабежа в русские земли. Новгородский воевода организовал сыск, грабителей поймали, но отдать за рубеж краденое добро воевода велел скрытно от работавших на границе межевальных послов, чтобы конфликт не помешал установлению линии границы¹⁶.

Другой резонансный случай произошёл в 1630 г. На русскую заставу пришли «зарубежные мужики» и рассказали, что царские подданные приходили во владения шведского короля, украли лошадей и другое имущество, а также убили двух «латышей». Предварительное следствие выявило предполагаемых соучастников преступления, двое из которых были русскими, а один — шведским подданным. Результаты расследования были на заметке у шведского короля, но даже применение пытки не сразу позволило выяснить обстоятельства дела. К иностранному участнику банды, «ижерянину» Гаврилке, пытку применять не решились: «пытать Гаврилку не велели, потому что он человек зарубежный»¹⁷.

Скорому выявлению и наказанию виновных препятствовала не только вынужденная сепарация преступников по признаку подданства, но и круговая порука или страх подвергнуться мести со стороны преступников (вспомним хотя бы злосчастного сына боярского Обросима, пытавшегося передать конокрада Крестилку властям). Такие довольно благоприятные для криминальных элементов условия существовали в приграничье долгое время после установления границы. Вот один из примеров. Когда у шведского подданного в 1661 г. украли лошадей, он снарядил за ними погоню. На русской стороне след привёл

к «мужику», который сказал «погонщикам»: «Ведаю, где ваши лошади, да не смею сказать». Мужик указал только примерное направление поисков. Заставной голова этого района по требованию «погонщиков» посылал «около себя про тех лошадей сыскивать и сыскать не мог», а потому потребовал мужика этого для разъяснений. Но «тот мужик стал силен и к нему не пошел»¹⁸, очевидно, опасаясь доносить на конокрадов открыто. Мы уже видели, что нередко конокрады действовали очень агрессивно, и вот ещё один подобный случай. В 1660 г. «приходили в царскую сторону латыши, взяли лошадей и всякий запас, а по иным крестьянам стреляли». Увели «латыши» пять лошадей, и на поле двух пастухов «те воры били до умертвия»¹⁹.

Активная приграничная торговля также оказывала большое влияние на рост преступности. У торговцев, как правило, было чем поживиться. Так, в 1623 г. на русской территории были убиты шведские подданные — «зарубежный торговый человек» Иван Тёткин и его сын. Следствие, проведённое русскими властями, не дало результата. Опрашиваемые местные жители отвечали сходным образом: ничего об убийстве не слышали²⁰, вероятно, опасаясь доносить на возможных преступников.

Банды разбойников сильно осложняли не только мирное течение жизни в приграничье, но обостряли отношения приграничных властей обеих стран. В конце августа 1620 г. новгородский воевода отослал в Москву донесение о банде Ивана Горбуна из шведского Кексгольмского лена, проявившей себя на русской территории, в Олонце и в Заонежских погостах. Из донесения следовало, что разбойники эти являлись карельскими беженцами, которые в России мыкались по разным монастырским вотчинам, так как никто за них не поручался перед властями. Тогда, купив судно, они занялись торговлей на Свири. Потом, курсируя по рекам и озёрам края, Горбун сотоварищи стали «грабить и воровать». Их банда в составе пяти человек выдавала себя за торговцев «ис Корелщины». Юрисдикция жертв налётчиков не интересовала. В мае 1620 г. они совершили на судне поход в шведские владения, в Кексгольмский лен, где сожгли деревню, убили трёх крестьян, надругались над их жёнами и детьми и с награбленным возвратились в Заонежские погосты. С самого начала дело осложнилось тем, что шведский комендант Кексгольма открыто пригрозил олончанам вторже-

нием своих солдат для ответного грабежа в возмещение ущерба. Русские власти отправили в Заонежские погосты специальных сыщиков, снабдив их царской грамотой с указанием местному населению и властям помогать следствию. В случае нерадения Москва грозила «великой опалой и казнью» и возмещением ущерба пострадавшим шведским подданным за счёт тех, кто не слишком активно помогал следствию. Розыск дал результаты. Узнавший о ходе расследования комендант Кексгольма отказался от вторжения в Олонец, и в конце концов члены банды, а затем и сам Иван Горбун, были пойманы²¹.

Помехой в оперативной поимке преступников был запрет преследовать преступников на территории соседнего государства. Нужно было связаться с зарубежными приграничными властями, которые и организовывали поимку. Понятно, что эти бюрократические процедуры давали значительный козырь в руки «лихих людей», предоставляя им время укрыться за рубежом понадежнее. Получалось, что для преступников граница как бы не существовала, а для преследователей, «погонщиков», она являла собой непреодолимую стену.

Таким образом, шведско-русское приграничье, долгое время после подписания Столбовского мира находившееся в процессе становления, стало территорией, способствовавшей разрастанию криминальных проявлений. Противоречившие международным соглашениям казни иностранных подданных по распоряжению властей другого государства ещё более накаляли обстановку в приграничье. Близость слабо охраняемой границы предоставляла порубежным жителям возможность наносить ущерб своим бывшим соотечественникам, в частности, целенаправленно грабить имущество своих бывших хозяев. Обстановка неприязни, сопровождавшая такие преступления, нередко приводила к членовредительству, вплоть до убийства. Росту числа преступлений способствовал также спрос на краденое имущество среди жителей приграничья. Расследованию преступлений зачастую мешали бюрократические препоны, круговая порука местного населения, а также страх пострадать от преступников, на которых бы поступил донос. Криминальные проявления в приграничье оказались не под силу изжить даже верховной власти, и беспокойная обстановка в порубежных землях порой ставила под сомнение нерушимость обретённого мира и безопасность границ.

¹ Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 83.

² Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Далее: Архив СПбИИ РАН). Ф. 109. Оп. 1. Д. 229. Л. 1.

³ Российский государственный архив древних актов (Далее: РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. Д. 15. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 66–67.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 722. Л. 1; Д. 738. Л. 1; Д. 739. Л. 1; Д. 740. Л. 1; Д. 926. Л. 1.

⁶ Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие: исторические очерки. СПб., 2016. С. 544.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 739. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 94. Л. 2; Д. 801. Л. 1.

⁹ Там же. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 286–300.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об. — 14, 59 об., 78.

¹² Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 678.

¹³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 37. Л. 151 об.

¹⁴ Там же. Реестр 2. 1629 г. Д. 1. Л. 65–66, 70.

¹⁵ Там же. Реестр 2. Д. 15. Л. 124–128.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.

¹⁷ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 10–25.

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об — 14 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 1. Д. 44. Л. 6–14 об.

²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 21. Л. 1; Д. 31. Л. 1; Д. 34. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Д. 36. Л. 1; Д. 37. Л. 1; Д. 38. Л. 1; Д. 39. Л. 1.

²¹ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 81–83.

Т. А. Базарова

**«ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ»:
ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
в 1710 г.**

Военно-правовые аспекты плена и повседневная жизнь военнопленных Северной войны находятся в центре внимания современных исследователей¹. В XVIII столетии еще не существовало общеевропейского законодательства, которое регулировало статус военнопленного. Историки отмечают, что вопросы содержания и обмена пленных в основном регулировались традициями, накопленными в ходе ведения многочисленных войн². В годы Северной войны решение этих вопросов также зависело и от успехов русской армии на полях сражений.

Первыми русскими военнопленными Северной войны оказались генералы, офицеры и солдаты, захваченные под Нарвой в ноябре 1700 г. Месяцем ранее, в октябре 1700 г., после объявления царем войны Швеции были арестованы русский резидент А. Я. Хилков и все остальные сотрудники русской дипломатической миссии. Переговоры об их освобождении или обмене на подданных шведской короны продолжались в течение нескольких лет. В начале Северной войны все попытки русского правительства осуществить массовый обмен военнопленных наталкивались на нежелание шведской стороны. Как правило, производился размен солдат и офицеров строго по спискам, исходя из принципа «чин на чин»³. Военнопленные обычно возвращались на родину через Копенгаген, Ревель или Выборг⁴.

После побед царской армии под Полтавой и Переволочной (1709), когда в русском плену оказалось около 19000 шведов, в том числе многие офицеры и генералы⁵, Петр I снова попы-

тался инициировать массовый обмен пленными. В августе 1709 г. отпущенный «на пароль» королевский секретарь Й. Цедергельм привез из Москвы в Швецию русские предложения о мире и генеральном размене. Однако шведское правительство согласилось приступить к мирным переговорам только после отпуска всех пленными на родину. В начале 1710 г. Королевский совет сформулировал новое предложение: вместо обмена производить выкуп пленными, которое было отвергнуто русскими властями⁶.

После взятия летом 1710 г. русскими войсками Выборга и Риги, а также отказа царя отпустить гарнизоны и мирных жителей начался новый этап переговоров об обмене нарвских пленников и сотрудников дипломатической миссии в Стокгольме. В августе А. Я. Хилков предложил шведским властям для обсуждения условий обмена пленными разрешить ему под честное слово выехать в Санкт-Петербург. Однако шведы ему в этом отказали. Было запланировано лишь участие резидента в переговорах на находившихся в море шведских кораблях по поводу инцидента, связанного с захватом русской шнявы. В конце сентября 1710 г. А. Я. Хилкова привезли в Финляндию в Сарвилахти, а затем в имение Велиес близ Або. В Стокгольм он вернулся только 28 октября 1711 г.⁷

К событиям, связанным с несостоявшимся обменом 1710 г., относится письмо А. И. Манкиева, которое было опубликовано С. Р. Долговой под названием «о неудавшейся попытке кн. А. Я. Хилкова бежать из плена»⁸. 29 декабря 1710 г. А. И. Манкиев сообщил А. Д. Меншикову, что русский резидент «из флота» отправил пожитки с людьми к Выборгу, чтобы оттуда доставить в Санкт-Петербург. Он также пожаловался светлейшему князю, что с начала ноября вещи резидента находятся на выборгском взморье в деревне Иберкала, поскольку комендант Г. П. Чернышев без указа А. Д. Меншикова не позволяет их доставить к месту назначения. А. И. Манкиев просил петербургского губернатора разрешить доставить «помянутые князя Андрея Яковлевича пожитки с людьми, при них сущими, на подводах царского величества государя сюда в Петербург без замешкания и утраты»⁹.

Причина, по которой Г. П. Чернышев не позволял людям с вещами резидента покидать морской берег, открывается при изучении хранящихся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН писем выборгского коменданта петербургскому губернатору¹⁰.

Г. П. Чернышев не пускал людей и запрещал доставку имущества не по злому умыслу или дурному характеру, а руководствуясь полученным указом. На Севере Европы и в Прибалтике в 1710 г. свирепствовала эпидемия моровой язвы. Перед комендантом поставили задачу не пропускать потенциальных носителей болезни на вверенную ему территорию, чтобы не допустить дальнейшего распространения эпидемии.

14 ноября 1710 г. он получил письмо А. Д. Меншикова с указом Петра I, который «велено в городе и в уезде при собрании многих людей прочесть для всенародного ведения, и в пристойных местах прибить... о настоящей поветренной болезни», а также немедленно прислать ведомости о заболевших¹¹. Г. П. Чернышев принял срочные меры, чтобы оградить гарнизон и население города от контактов с возможными носителями болезни. На подходе к Выборгу поставили заставы. 26 ноября 1710 г. к одной из них пришел «из полков» шведский вахмистр с барабанщиком. Парламентеру не позволили войти в город, а принятые через огонь письма переслали в Санкт-Петербург. Г. П. Чернышев не упоминает, касались ли подобные меры возвращавшихся в город шпионов, которых набирали из местных жителей. Так, на следующий день в Выборг прибыл некий «чюхна», который принес сведения об отходе шведских полков из Вильманстранда в Або¹².

Меры предосторожности оказались весьма своевременными. 5 октября 1710 г. из Стокгольма вышла шкута, на которой находились отпущенные на родину «за пороком господина резидента князь Андрея Яковлевича Хилкова» русские военнопленные: три офицера (капитан, поручик и трубач), унтер-офицеры, а также рядовые драгуны и солдаты¹³. На этом же судне из шведской столицы отправили и вещи генерала А. А. Вейде, которого в августе обменяли на рижского губернатора Н. Штремберга — «два сундука с рухледью». Да и сам надеявшийся на скорое возвращение на родину русский резидент погрузил на шкуту крупногабаритные предметы — «корету с шоры, сани, телегу казенную»¹⁴.

К несчастью, на борту оказался больной, заразивший остальных. Три русских офицера и многие рядовые заболели и скончались. В результате эпидемии из двухсот выехавших из Стокгольма в живых осталась только половина — сто человек. Выживший очевидец сообщил русскому командованию, что «как у нас

люди мерли и у них были язвы, и сего ноября 12 числа, будучи на море у Березовых островов на швецком флоте, господину резиденту донесено». В ответ на это сообщение А. Я. Хилков указал следовать далее к Кроншлоту и, не доходя до него две мили, остановиться и писать оттуда в Санкт-Петербург. На этом судне вместе с уцелевшими солдатами (офицеры скончались) резидент отправил свои письма Г. И. Головкину. Однако капитан корабля отказался идти к Кроншлоту и высадил русских солдат на финский берег в тридцати верстах от Выборга.

14 ноября 1710 г. выжившие унтер-офицеры Осип Савельев и Никита Галецкой «с товарищи» написали Г. П. Чернышеву: «И ныне мы, бедные пленники, на берег ссажены против Березовых островов под пустыми деревнями Ахтела и Картеля, и без указу его царского величества иттить никуды не смеем»¹⁵. Унтер-офицеры также сообщили, что среди солдат есть заболевшие, однако «моровое поветрие тихнет, и многия от той болезни свободяются»¹⁶.

Это письмо им удалось отправить с жителем деревни Журавлевой «чюхною» Силой Журавлевым. Бывшие военнопленные просили прислать им продовольствия («помираем з голоду»). Выделенный шведским правительством запас давно закончился, так как был рассчитан на месяц пути, а они «за нещастием своим» находились в море шесть недель¹⁷.

16 ноября 1710 г. П. Чернышев отсутствовал в Выборге, и С. Журавлев передал пакет полковнику Матвею Неклюдову. Однако полковник не смог доставить солдатам продовольствие, так как из-за непогоды дороги оказались размытыми. Они получили указ собирать провиант в окрестностях, не притесняя местных жителей: «толко изволте по достоинству имать з ближних к вам дву деревень, и до указу будте в тех местех, усматривая того накрепко, дабы чюхна к нам не ездили. А с которых деревень станете правиант збирать, и тем деревням обид и разорения не чинить, також и в другие деревни самим не ездить и никого не посылать. А сколко со оных деревень правианту и в котором числе будет взято и то записывать имянно»¹⁸.

В дальнейшем, Г. П. Чернышов нашел способ поддерживать военнопленных продовольствием. Уже 18 ноября им послали сухарей из расчета по полчетверику на человека. Доставлявшим продовольствие офицеру и солдатам в целях безопасности

велели положить сухари на землю и не приближаться к финским деревням, в которых разместились бывшие военнопленные¹⁹. 27 ноября Г. П. Чернышев сообщил губернатору, что послал находившимся в «пустых деревнях» солдатам еще по четверику сухарей²⁰. Помимо сухарей, бывших военнопленных снабжали крупами и солью. С 14 по 20 ноября 1710 г. уже в финской деревне умерло еще три человека («а какую болезнью, о том не сказали, а после все здоровы»)²¹. 28 ноября комендант повторил указ: под страхом смертной казни не покидать деревень.

18 ноября 1710 г. П. Чернышев доложил А. Д. Меншикову, что «со шветцкова карабля прислал князь Хилков человека своего и пожитки». Посланец сообщил, что на корабле, с которого он прибыл, заболевших людей нет. Вещи А. Я. Хилкова сложили на берегу в деревне в шести верстах от Выборга²². Надо полагать, что посланцем резидента был Алексей Ильич Манкиев. Г. В. Шебалдина отметила, что поездка секретаря не была согласована со шведскими властями и впоследствии создала много проблем на переговорах²³.

По-видимому, выборгский комендант все-таки позволил А. И. Манкиеву следовать в Санкт-Петербург, откуда он в декабре и отправил письмо светлейшему князю с жалобой на Г. П. Чернышева, не разрешившего доставить на берега Невы имущество резидента. Сопровождавшим вещи А. Я. Хилкова солдатам также стали присылать продовольствие из Выборга, но и им «под смертным штрафом» запретили покидать свою деревню²⁴.

Таким образом, в ноябре-декабре 1710 г. из-за эпидемии чумы две группы возвращавшихся из Швеции военнопленных были вынуждены остановиться в финских деревнях в окрестностях Выборга. Им категорически запретили контакты с солдатами выборгского гарнизона и местными жителями, а также соблюдали меры предосторожности при доставке продовольствия. Последнее из сохранившихся до наших дней в походной канцелярии А. Д. Меншикова писем, где упоминаются бывшие военнопленные, датировано 31 декабря 1710 г. П. Чернышев доложил о получении указа губернатора: «присланных из шведских полков наших пленников не принимать, а которые будут присланы или выходцы, чтоб таким чрез опаснай способ брасать хлеб, а с ними не сходитца»²⁵.

Дальнейшая судьба этих людей не известна. Вероятно, когда опасность распространения эпидемии миновала, им позволили прибыть в Выборг, откуда они продолжили свой долгий путь на родину.

¹ Биргегорд У. 1) Русские военачальники в шведском плену // Родина. 2009. № 7. С. 94–99; 2) О русских высших чинах в шведском плену // Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 207–229; Акишин М. О. Пленные Северной войны: Правовое положение // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 2009. С. 166–194; Козлов С. А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. СПб., 2011; Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII: Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014; Дуров И. Г. Положение российских и шведских военнопленных в период Северной войны 1700–1721 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://history.milportal.ru/2014/07/o-polozhenie-rossijskix-i-shvedskix-voennoplennykh-v-period-severnoj-vojny-1700-1721-gg/>.

² Козлов С. А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. С. 112–118; Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII... С. 89–93. В 1715 г. в российском праве отношение и порядок обращения с военнопленными стали регламентироваться особыми статьями Артикула воинского (см.: Козлов С. А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. С. 123).

³ Акишин М. О. Пленные Северной войны: Правовое положение. С. 186. Во время Северной войны помимо равноценного обмена также практиковались односторонний отпуск пленного «на пароль» с обещанием не воевать против отпустившей его стороны, а также временный отпуск «на поруки» с обещанием вернуться в установленный срок (Там же).

⁴ Шведские корабли с возвращаемыми русскими пленными приходили к Выборгу вплоть до захвата крепости царскими войсками. Наверное, последняя «шкута» прибыла 19 мая 1710 г., когда русские полки уже готовились к штурму (см.: Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г.: (Документы Государственного архива). СПб., 1893. № 88. С. 102; № 90. С. 103. (Сборник ВИМ. Вып. V)).

⁵ Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы. М., 2011. № 337. С. 439–452; № 340. С. 454–478.

⁶ Козлов С. А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. С. 120; Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII... С. 93–94.

⁷ Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII... С. 126–127. В результате длительных переговоров была достигнута договоренность об обмене попавших в плен под Нарвой грузинского царевича Александра Арчиловича Багратиони и генерал-майора И. Ю. Трубецкого на министра К. Пипера и полковника Фока. Также обсуждалась возможность обменять Я. Ф. Долгорукого и А. М. Головина на генерал-фельдмаршала К. Г. Рёншильда. В конце 1710 г. знатных пленных повезли в сторону русско-финской границы, где предполагался размен. В декабре 1710 г. А. А. Багратиони, И. Ю. Трубецкой и А. М. Головин подписали обязательство

вернуться назад в случае, если обмен не состоится. По пути к границе трех генералов задержали на месяц (до 26 января 1711 г.) в городе Умео. 3 февраля 1711 г. царевич скончался. 3 июля того же года Я. Ф. Долгорукий бежал, остальных вернули в Стокгольм (см.: *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII... С. 86–87, 126–127; *Биргегорд У.* О русских высших чинах в шведском плену. С. 228–229).

⁸ Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676–1717): К истории Северной войны: Сборник документов. М.; СПб., 2015. № 6. С. 292–293.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова).

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 3981. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же. Д. 3956. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Д. 3965. Л. 1–1 об.

²⁰ Там же. Д. 3981. Л. 1 об.

²¹ Там же. Д. 3090. Л. 1 об.

²² Там же. Д. 3965. Л. 1 об.

²³ *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII... С. 126.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4070. Л. 1 об.

²⁵ Там же.

Н. Р. Славнитский

РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ И ВЫБОРГСКОЙ КРЕПОСТЯХ В ГОДЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

В годы Семилетней войны среди мероприятий по прикрытию границ России, естественно, было и приведение в порядок крепостей Северо-Запада. Маловероятно, что руководство страны опасалось удара по этой территории, тем не менее было принято решение о ремонте укреплений. Для этого в январе 1757 г. артиллерийскому ведомству было выделено 70 000 рублей¹. Предполагалось сосредоточиться на восстановлении Риги, Ревеля и Выборга.

В то же время проводись работы в Санкт-Петербургской и Шлиссельбургской крепостях, которые проходили по отдельной смете, и на эти укрепления было выделено 60 000 рублей. Там решили в качестве рабочих привлечь солдат гарнизонов, а вот в Выборге первоначально стали использовать вольных наемных работников. Это стало одной из особенностей работ в то время. Вообще еще с царствования Анны Иоанновны для работ такого рода активно использовали именно гарнизонных солдат, среди которых было немало людей, хорошо владевших различными строительными специальностями, а для более сложных работ привлекали бригады каменщиков.

В царствование Елизаветы Петровны при ремонтах крепостей стали более активно использовать наемных подрядчиков. Это, в частности, можно видеть на примере выборгских укреплений накануне Семилетней войны. В феврале 1756 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «В Выборг к фортификационным и артиллерийским исправле-

ниям желающим поставить на нынешний 1756 год и впредь в два года соснового угля, и взять за смоленое ниже 13 коп., за простое ниже 11 коп. за четверть, явиться в Канцелярии главной артиллерии и фортификации немедленно»². Правда, в данном случае речь шла не о починке укреплений, а о доставке туда необходимых припасов.

В годы войны в газетах размещали объявления о предстоящих работах, однако 22 апреля 1759 г. П. И. Шувалов сообщал в Сенат по поводу ремонта Выборгских укреплений: «В Выборгской крепости за неявкою других, кроме одного подрядчика, которой весма дорогою ценою просил, да и то толко намерен был поставить 50 человек; ему отказать, а довольствоваться ныне по необходимости высылаемыми из гарнизона людьми во ожидании, пока в силу Государственной военной коллегии указу придут ис Пиллова (Пиллау. — Н. С.) прусские пленные коих от меня велено тогда употреблять в работу»³.

В Санкт-Петербурге (как и в Шлиссельбурге) пошли по другому пути — активному использованию как солдат гарнизонных полков, так и подрядчиков (то есть наемных рабочих), которых тоже привлекали, причем успешно. В начале 1756 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «К артиллерийским и фортификационным в Санктпетербурге и Шлютельбурге исправлениям желающим ставить в будущее 1757, 1758 и 1759 годы извести серой свиноецкой на каждой год по немолому числу, явиться в Канцелярии главной артиллерии и фортификации немедленно»⁴.

А в апреле еще одно: «В Санктпетербургскую крепость желающим поставить угля соснового 5000 четвертей, досок пильных длиною в 3 сажени толщиною 1000, в 11/2 дюйма 740, в 21/2 дюйма 579, земли черной с огородов или с лугов 200 кубических сажен, кирпича ординарного железного и полужелезного виду 227600, красного с полукрасным 100000, пудожского камня длиною в 3 шириною и толщиною в аршин 75 камней, плиты шалдинской четвероугольной длиною и шириною в аршин 30 сажен квадратных, явиться в канцелярии главной артиллерии и фортификации немедленно»⁵.

То есть началась активная закупка различных строительных материалов. Причем во втором объявлении хотелось бы обратить внимание на большое количество досок, кирпича и камня.

А в мае — еще и земли: «в Санктпетербургскую крепость желающим поставить земли черной с огородов или с лугов 200 кубических сажень, и взять за землю ниже 6 руб. за кубическую сажень, явиться в Канцелярии главной артиллерии и фортификации немедленно»⁶.

Все заготовленные материалы, по всей видимости, хранились в Государевом бастионе⁷ — и оттуда перевозились (или переносились) по мере необходимости к тем объектам крепости, где проводились те или иные работы.

Среди документальных материалов Канцелярии артиллерии и фортификации сохранились ежемесячные рапорты инженерной команды крепости на имя А. П. Ганнибала о ходе ремонтных работ. В каждом из них указывалось, сколько людей было задействовано в работах и что они в том месяце выполняли. В качестве примера приведем первый из известных рапортов.

В июне 1756 г. у фортификационных работ в крепости находилось:

солдат Санкт-Петербургской крепости — 237,
мастеровых Санкт-Петербургской крепости — 1102,
гарнизонных солдат и каменщиков — 774,
вольных наемных людей — 7990,
инженерных арестантов — 42,
гарнизонных арестантов — 152,
фортификационных лошадей — 98.

«Из вышеписанного числа обреталось в фортификационной кузнице — у дутья мехами и битья молотами арестантов из инженерных 42, гарнизонных 152, на инженерном дворе у работ 280, в Санкт-Петербургском арсенале мастеров 42, у присмотру в Кронверкской крепости лесов и работ 51 солдат в гребцах на шлюбке рябине и елботе мастеров 401, у присмотру подрядчиков солдат 30 у выливания изо рта машиною воды солдат 92 у присмотру и починки машин, егда оные повредится, могут мастеров 42, фортификационных лошадей 84 да при исправлении разных работ 14»⁸.

Любопытно, что часть солдат занималась тем, что присматривала за вольными рабочими. Видимо, к ним со стороны военного ведомства было недоверие (в какой степени оно было оправдано, сказать сложно).

Никаких сложностей с привлечением вольных рабочих в Санкт-Петербурге не было вплоть до марта 1757 г., а вот после

того их численность стала падать⁹. Однако не стоит забывать, что и финансовых средств в распоряжении Санкт-Петербургской канцелярии возможностей для найма среди рабочего населения столицы было больше. Военные обстоятельства в данном случае, на наш взгляд, играли незначительную роль — армия в то время комплектовалась за счет рекрутских наборов, проводившихся в деревнях, и тех крестьян, которые находились в городах, наборы не коснулись.

При анализе данных, представленных в таблице, бросается в глаза то, что с августа 1757 г. резко увеличилось количество «гарнизонных арестантов», задействованных в работах. Под этим термином, скорее всего, подразумеваются арестанты, находившиеся на довольствии в Гарнизонной канцелярии. И увеличение таковых могло быть по двум причинам. Либо с того времени стали подтягивать дисциплину, и многие оказались под арестом за те провинности, на которые раньше закрывали глаза, либо это были прусские военнопленные. Вторая версия, на наш взгляд, более вероятна, тем более что в крепости действительно содержались военнопленные, в частности, есть упоминание, что прусские унтер-офицеры и рядовые в октябре 1757 г. находились в казармах Алексеевского рavelина¹⁰. Аналогичное указание встречается летом 1759 г., только теперь они названы «прусскими колодниками»¹¹. А чуть позже, как было показано выше, военнопленных стали привлекать к работам и в прибалтийских крепостях.

Параллельно с этим проходили и реставрационные работы в Петропавловском соборе, где устраняли последствия пожара 1756 г. На этом автор подробно останавливаться не будет, поскольку данный сюжет хорошо изучен в литературе. Отметим только, что какие бы то ни было работы, связанные с Петропавловским собором, в рапортах инженерной команды не упоминаются. Следовательно, тут гарнизонные солдаты не использовались, и финансирование осуществлялось из других источников (что тоже хорошо известно).

Что интересно, в сентябре 1757 г. «за ветхостию в обор-комендантском доме израсчатых печей разобрано и вновь по прежнему сделано 3»¹². То есть при том что комендантский дом был построен незадолго до войны, печи в нем к тому времени пришли в ветхость. Вообще в том году большая часть работ заключалась в починке печей и окон.

В 1758 г., как известно, рядом с возведенным еще в 1751 г. домом для гарнизонной канцелярии, был построен каменный одноэтажный Плац-майорский дом для постоянного проживания помощника коменданта крепости и размещения его канцелярии¹³. Однако никаких сведений об этой работе в рапортах инженерной команды нет — то есть это строительство тоже осуществлялось независимо от нее.

И в этой связи можно высказать предположение, что строительными работами в крепости Фортификационная контора не занималась — вне ее ведения оказался как Петропавловский собор (что можно объяснить особым статусом церкви), так и непосредственно гарнизонные постройки. В то же время нельзя сказать, что сфера деятельности инженерной команды и гарнизонных солдат ограничивалась только фортификационными сооружениями — они выполняли ремонтные работы и в Комендантском доме.

Серьезные работы в том году планировались возле Петровских ворот — в июле к ним было «кирпича разных сортов привезено 5500»¹⁴. А в октябре «в бастионе св. Екатерины в казарме, в коей отправляются Санкт-Петербургского гарнизона артиллерийские полковые письменные дела за ветхостию пол разобран и вновь намощен»¹⁵.

В 1760 г. состав людей, задействованных в строительных работах, немного изменился. В документах это формулируется следующим образом: «в январе 1760 г. в крепости находилось работных людей Санкт-Петербургской крепости солдат 93, мастеровых 606, арестантов и инженерных 45, гарнизонных 262, от полков плотников 75, столяров 22, каменщиков 58 человек»¹⁶. В Шлиссельбургской крепости в то время также были задействованы солдаты Санкт-Петербургского гарнизона¹⁷.

Под «гарнизонными» в тех документах, скорее всего, подразумеваются те же арестанты, что числились за гарнизонной канцелярией. Но главное — вольных наемных людей вообще перестали привлекать, то есть столкнулись с теми же проблемами, что и в Выборге.

Второй момент — в документах упоминаются плотники и каменщики «от полков». Вполне возможно, что в этот период стала формироваться своеобразная «специализация» (что было вполне логично). И в этой связи интересно то, что в ходе разработки новых штатов для крепостей Российской империи, начавшейся

сразу после завершения Семилетней войны, было принято такое решение: «Батальон гарнизонный полагается теперь в 6 ротах, то есть: в 4 строевых, 1 инвалидной и 1 мастеровой, из которых 4 строевым, состоящим из отставных армейских солдат, отправлять всю военную службу по гарнизону, и инвалидные состоять имеют из отставных от строевых рот...».

И там же указывалась причина возникновения таких мастеровых рот: «К учреждению в каждом батальоне при крепости одной роты подало причину то, что прежде к крепостному строению всегда брались гарнизонные солдаты без разбору и по очереди употреблялись иные в столяры, иные в каменщики, в кузнецы, в дернокладцы, и для того всякая работа, будучи отправляема незнающими людьми, была не прочна: ибо ремесло сие хотя не чрезвычайно мудреное, однако требует к тому особой привычки и частого в том упражнения; тем не меньше отпускалось на них, как и на всех прочих мундир и вся амуниция напрасно, которая ныне, как ненужная, отпускаемая не будет, и сия рота непременно мастерами такими наполняться должна, которые всю помянутую крепостную работу с желаемым успехом отправлять будут, а прочие солдаты при своей по званию их гарнизонной должности останутся»¹⁸.

То есть фактически было признано, что гарнизонных солдат регулярно привлекают к различным ремонтным работам и что для этого нужны люди с соответствующими навыками. Скорее всего, именно ремонтные и строительные работы в крепостях в годы войны (и, главным образом, — именно в Санкт-Петербургской крепости, а также и в Выборге, где в годы были вынуждены перейти к такому варианту) подтолкнули к такому решению. А вот от практики использования вольных наемных людей стали отказываться (хотя для перевозки припасов, как строительных, так и боевых, их использовали и позже). Скорее всего, связано это с тем, что при более или менее масштабных работах нанять людей оказывалось сложно, особенно в условиях дефицита средств (а он был постоянно). Массовое использование вольнонаемных людей оказалось возможным лишь при выделении хорошей суммы денег и только в столице (где возможностей нанять рабочих было больше).

Поэтому использование гарнизонных солдат в строительных работах окончательно закрепилось. Период же Семилетней

войны интересен тем, что в те годы пытались использовать все возможные способы привлечения рабочих, вплоть до пойманных беглых крестьян и военнопленных.

И еще одно любопытное наблюдение в связи с упоминавшимися рапортами — в 1761 г. инженерная команда впервые стала сама составлять рапорты о тех работах, что надлежит, по ее мнению, осуществить в крепости. И такая практика утвердилась на последующие полтора столетия.

¹ Архив Военно-Исторического музея артиллерии, инженерных войск и Войск связи (далее: Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1258. Л. 36.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1756. № 14. 16 февраля.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1259. Л. 19 об.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1756. № 14. 16 февраля.

⁵ Там же. № 28. 5 апреля.

⁶ Там же. № 40. 17 мая.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1352. Л. 4, 12.

⁸ Там же. Д. 1330. Л. 1 об.

⁹ В таблице указано количество людей, работавших в крепости в 1756–1758 гг.

Дата	Солдат СПб. крепости	Мастеровых СПб. крепости	Гарнизонных солдат и каменщиков	Вольных наемных людей	Гарнизонных арестантов	Инженерных арестантов
Июнь 1756 г.	237	1102	774	7990	42	152
Июль 1756 г.	274	1355	1105	8178	51	156
Август 1756 г.	342	1135	884	6651	221	38
Сентябрь 1756 г.	195	1081	784	5896	144	26
Октябрь 1756 г.	105	1561	422	4018	272	52
Ноябрь 1756 г.	96	1250	Нет	2695	199	47
Декабрь 1756 г.	123	1076	Нет	2080	187	60
Январь 1757 г.	164	1291	Нет	3911	299	76
Февраль 1757 г.	137	798	Нет	3945	199	54
Март 1757 г.	165	550	Нет	1362	185	41
Апрель 1757 г.	215	499	Нет	Нет	314	62
Май 1757 г.	163	271	Нет	Нет	146	40
Июнь 1757 г.	173	306	Нет	Нет	Нет	42
Июль 1757 г.	198	382	Нет	343	Нет	Нет
Август 1757 г.	103	177	Нет	969	523	46
Сентябрь 1757 г.	80	136	Нет	1099	782	55
Октябрь 1757 г.	189	521	1192	275	672	117

Дата	Солдат СПб. крепо- сти	Мастеровых СПб. крепости	Гарнизонных солдат и ка- менщиков	Вольных наемных людей	Гарнизон- ных арестантов	Инженер- ных аре- стантов
Ноябрь 1757 г.	207	680	71	Нет	560	70
Декабрь 1757 г.	223	706	Нет	Нет	829	102
Январь 1758 г.	288	688	Нет	Нет	482	Нет

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1352. Л. 54.

¹¹ Там же. Д. 1423. Л. 55.

¹² Там же. Д. 1352. Л. 46.

¹³ Степанов С. Д. Застройка территории Петропавловской крепости гражданскими сооружениями (XVIII — начало XX века) // Краеведческие записки. СПб., 1998. Вып. 6. С. 89–90.

¹⁴ Архив ВИАМИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1409. Л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 51.

¹⁶ Там же. Д. 1457. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 1495. Л. 5, 12.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830. Т. 43. Ч. 1. С. 67, 72.

Д. А. Журавлев, Р. А. Панов

**РОЛЬ МЕДИЦИНСКИХ И НАУЧНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ЛЕНИНГРАДА
В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕЧЕНИЯ ОБМОРОЖЕНИЙ
В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ
1939–1940 гг.**

Климато-географические условия театра военных действий во многом определяли деятельность Красной армии в период советско-финляндской войны, влияя в том числе на масштабы потерь в войсках, а также на работу военно-санитарной службы.

Военная кампания 1939–1940 гг. была отмечена большим числом обморожений, удельный вес которых составил 6,7% от общего числа санитарных потерь и 9,4% от санитарных потерь хирургического профиля, т. е. почти каждый десятый из получивших холодовую травму нуждался в помощи хирурга¹.

Высокие показатели обморожений, наравне с негативным влиянием климатического фактора, были обусловлены также низким уровнем материально-технического оснащения Красной армии. Г. А. Митерев, нарком здравоохранения СССР, не считал создавшееся в начале боевых действий положение катастрофическим. По его мнению, солдат и командиров в условиях фронтовой полосы от обморожений спасали теплая одежда и обувь, а также спирт и водка, выдававшиеся с января 1940 г². Данный тезис является крайне субъективным и не отражает действительного положения дел. Только 29 декабря 1939 г. в Ставке Главного командования был обсужден вопрос об улучшении материального обеспечения войск, и лишь после этого заседания был сделан заказ секретарю Новосибирского обкома на изготовление 150–200 тыс. шапок-ушанок³. В войска они поступили к началу февральского наступления, однако

многие бойцы действующей армии не получили их до конца войны, продолжая носить буденовки, не спасавшие от холода. Массовый выпуск зимнего обмундирования ленинградскими предприятиями обеспечивал в значительной степени те армии, которые действовали на Карельском перешейке. Для обогрева раненых большей частью применялись химические грелки, водка и изредка горячий чай. Снабжение же северных армий было сопряжено с большими трудностями.

Основная часть обморожений приходилась на нижние конечности, особенно в области стопы, что являлось следствием плохого обеспечения военнослужащих теплой обувью⁴. Валенки довольно часто промокали, но и они встречались не у всех, многие бойцы были обуты в ботинки. Рукавицами и перчатками войска практически не были обеспечены к началу войны. Снабжение ими осуществлялось в большей степени за счет посылок, пришедших от советских граждан. Только ленинградцами в действующую армию было направлено около 200 тыс. единиц теплых вещей — валенок, свитеров, полушубков и пр.⁵.

Перебои с питанием также являлись фактором, предопределившим увеличение случаев обморожения. Негативным образом влияли на бойцов, прибывших из южных районов и не адаптировавшихся к условиям боевых действий, особенности Северо-Западного региона. Отрицательное воздействие оказала сильная усталость, которую испытывали военнослужащие вследствие большого объема выполняемых задач, а также отсутствия приемлемых помещений для обогрева и отдыха. Наибольшее число пострадавших бойцов, получивших обморожения, приходилось на время проведения наступательных операций, когда этот вид санитарных потерь особенно часто сочетался с ранениями. При этом все самые тяжелые и распространенные случаи обморожений приходились на тяжелораненых⁶. Немногим меньше было число пострадавших, у которых появление обморожений было связано с условиями транспортировки. Причиной тому являлись как необорудованный санитарный транспорт, так и низкий уровень первой медицинской помощи, главным образом, перевязок.

Командование предпринимало отдельные меры, призванные улучшить обстановку в действующей армии. Уже в период боевых действий на фронт были направлены 65132 утепленные

палатки, 2663 подвижных домика, 100 передвижных бань, 6517 печей-временок, 1383696 грелок с сухим спиртом⁷. Большая часть из названного перечня изделий была изготовлена на ленинградских предприятиях.

Универсального средства для лечения обморожений, которое можно было применять при любых степенях и стадиях для пострадавших, не существовало. Не было и широкой практики лечения обморожений, особенно у медицинского персонала, оказывавшего первую помощь на передовой. Подавляющему числу бойцов и командиров, получивших ранение, не оказывалось никакой специальной первой помощи. В отдельных случаях очаг поражения растирался снегом в целях предотвращения его разрастания. Как правило, квалифицированная медицинская помощь оказывалась на более поздних этапах.

В начальный период войны были созданы специальные санитарные формирования, укомплектованные личным составом, а также оснащенные специальными оборудованием. Они были направлены в действующую армию и предназначались для оказания оперативной помощи бойцам с обморожениями. Тяжелые условия работы и небольшое число таких групп не позволили существенно снизить уровень заболеваемости, хотя их роль для будущего развития медицинской службы была очевидной.

При лечении обморожений наиболее эффективным был признан препарат «АНГ-17», разработанный ленинградскими научно-исследовательскими институтами. С большим успехом он был испытан на Карельском перешейке.

Значительный вклад в разработку методик и приборов, предназначенных для лечения обморожений в 1939–1940 гг., внесли представители Ленинградского Политехнического института. На его базе по заданию Наркомата обороны были развернуты научно-исследовательские и производственные работы, для того, чтобы в короткие сроки создать и поставить в войска необходимые изделия и приборы.

Особо следует отметить работу для нужд фронта лаборатории Радиофизики, которая под руководством доцента В. В. Цимбалкина и ассистента Е. М. Каменева дала ряд ценных технических решений для Красной армии⁸. В первый месяц войны силами сотрудников лаборатории в кратчайшие сроки была сконструирована и изготовлена аппаратура для лечения гангрены и отогревания

обморожений ультразвуковой частотой (УВЧ), которая затем после испытаний была принята на вооружение⁹. По воспоминаниям супруги В. В. Цимбалина, работы велись практически круглосуточно, механики лаборатории спали по три часа в сутки¹⁰.

Отладка всей системы этой системы аппаратуры полностью проводилась на базе института. Экспериментальная палатка по лечению обморожений и гангренов была установлена между главным зданием и первым учебным корпусом Индустриального (Политехнического) института. В ней отрабатывалась технология медицинской помощи обмороженных в полевых условиях. В работе установок требовалась электроэнергия, которую вырабатывали 1–2-цилиндровые бензиновые двигатели «Л-3» и «Л-6» и передавали на генератор переменного тока. Для обслуживания двигатель-генераторных установок были привлечены студенты старших курсов энергомашиностроительного факультета, а для высокочастотных установок — студенты инженерно-физического факультета¹¹.

15 января 1940 г. на фронт была отправлена бригада студентов и сотрудников энергомашиностроительного и инженерно-физического факультетов: старший инженер кафедры Радиофизики Е. М. Каменев¹², партог И. А. Палей (назначенный 30.12.1939 г. заместителем начальника группы УВЧ-аппаратуры)¹³, студенты Т. Р. Брахман, И. С. Панасюк, Е. А. Белицкий, И. С. Ходос, Ю. Р. Кнаке (спец. «ДВС»), Н. Н. Попов, А. А. Лефаров, М. А. Гуревич, Р. М. Намлиев, Н. Б. Мартынов (спец. «Паровые турбины»)¹⁴ и другие.

Согласно письмам И. С. Панасюка от февраля 1940 г., отряд политехников (группа усиления УВЧ) была направлена в дивизионный госпиталь 133 (полевая почтовая станция 464). Условия работы И. С. Панасюк характеризовал следующим образом: «...наши аппараты установлены в дивизионном госпитале и лечение происходит полным ходом. Наши аппараты здесь уже завоевали к себе симпатию и мы чувствуем, что приносим некоторую пользу. Живем мы в утепленной палатке на территории Финляндии не так уже далеко от Выборга. Работать приходится много, но работа носит характер управления агрегатом, что не особенно трудно. Здесь образовался коллектив из физиков, врачей, механиков и санитаров. 9/II-40 г... Аппараты работают хорошо. Здесь я убедился в чудесном действии ультра-высоко

частотного электрического поля на обмороженные и гнойные части тела. Конечно, наша работа, по сравнению с колоссальной работой Красной Армии является ничтожной, но из маленьких дел складываются большие дела, поэтому не унываем. 20/II-1940 г.»¹⁵.

Деятельность группы в полевых условиях была эффективной. В результате удалось проверить на практике созданную аппаратуру. 19 апреля 1940 г. Е. М. Каменеву, И. А. Палею, В. В. Цимбалину были вручены денежные премии и объявлена благодарность «За проявленную инициативу и настойчивость в работе по выполнению в исключительно короткие сроки высококачественной аппаратуры для действующей Красной армии»¹⁶. Кроме того, были премированы девять сотрудников лаборатории и мастерской кафедры Радиофизики и четверо сотрудников Механической мастерской. Е. М. Каменев был награжден орденом «Знак Почета» за свою работу по оборонной тематике¹⁷.

Благодаря документам, обнаруженным в историко-техническом музее и архиве СПбГПУ, удалось установить, что в разработке установки УВЧ, имевшей огромное практическое значение, принимал участие выпускник Ленинградского Физико-механического института (1932), а позднее его сотрудник Алексей Игнатьевич Мержеевский.

Работа сотрудников Политехнического института позволила не только создать эффективные технические средства для лечения обморожений, но и внедрить их в практику, что позволило сохранить здоровье многим военным служащим. Это лишь один из примеров той обширной работы, которую проделала ленинградская промышленность и научные учреждения в период советско-финляндской войны для обеспечения обороноспособности Северо-Запада Советского Союза.

¹ Будко А. А., Киземасов С. Х. и др. Особенности оказания медицинской помощи при обморожениях в советско-финляндской войне // Военно-медицинский журнал. 2000. № 4. С. 73.

² Митерев Г. А. В дни мира и войны. М., 1975. С. 58.

³ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 140.

⁴ Гамов В. С. Клиника и лечение обморожений // Труды Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Т. XXIX. 1941. С. 237.

⁵ Книга Памяти. 1939–1940 гг. М., 2000. С. 29.

⁶ *Иоффе М. С.* Клиника и эффективность лечения обморожений // Сборник научных работ по лечению огнестрельных ранений и обморожений в госпиталях глубокого тыла. Свердловск, 1941. С. 418.

⁷ Книга Памяти. 1939–1940 гг. С. 28.

⁸ *Гурьев В. П.* Ленинградский Политехнический Институт в дни Блокады / Из серии очерков / Ленинградский Политехнический Институт в Великую Отечественную Войну / Ленинградский Политехнический Институт им. М. И. Калинина, Ленинград. 1945 г. Машинопись из собрания Историко-технического музея СПбПУ. С. 1–2.

⁹ *Смелов В. А.* Пионеры радиолокации из Политехнического института // Научно-технические ведомости СПбГПУ. № 2–2 (100). СПб., 2010. С. 263–266.

¹⁰ Воспоминания Л. Н. Цимбалиной. Рукопись // Историко-технический музей СПбГПУ. Фонд В. В. Цимбалина. Л. 2.

¹¹ *Мохов Р. М.* Моя война. Записки рядового необученного. СПб., 2011. С. 26.

¹² Архив Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (далее: Архив СПбГПУ). Ф. 15. Оп. 45. Д. 2001, учетная карточка аспиранта ЛИИ, б/н.

¹³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ). Ф. 88. Оп. 2. Д. 470. Л. 219 об.

¹⁴ Архив СПбГПУ. Ф. 15. Оп. 16. Д. 5732. Л. 8

¹⁵ Письмо И. С. Панасюка от 09.02.1940 г. // Из коллекции И. И. Елкина (Санкт-Петербург).

¹⁶ Архив СПбГПУ. Ф. 15. Оп. 50. Д. 495. Л. 74, об.

¹⁷ *Гурьев В. П.* Ленинградский Политехнический Институт в дни Блокады С. 2.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

А. А. Лебедев

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПОДРОБНОСТИ КОЛЬБЕРГСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА 1760 и 1761 гг.

К сожалению, несмотря на наличие целого ряда крупных успехов, Семилетняя война 1756–1763 гг. так и не стала по-настоящему популярной страницей отечественной истории. Особенно не повезло Балтийскому флоту, многие сюжеты, связанные с деятельностью которого, до сих пор остаются известными весьма поверхностно. Среди них — состояние корабельных сил флота.

В связи с этим хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота «дефектные ведомости» кораблей и фрегатов Кронштадтской эскадры конца 1760 г. представляются более чем важными. С одной стороны, они рисуют состояние эскадры по итогам неудачной Кольбергской экспедиции 1760 г., позволяя уточнить целый ряд связанных с ней подробностей, с другой — позволяют увидеть реальные возможности отечественных военно-морских сил на Балтике в двух ключевых кампаниях Семилетней войны — 1760 и 1761 гг.

Картина по их рассмотрению получается следующая. Во-первых, несмотря на довольно активное противодействие русским кораблям кольбергских батарей¹ выясняется, что реальный вред от их огня был более чем незначительным, что может объясняться либо качеством подготовки немецких артиллеристов, либо большой дистанцией. Последнее, кстати, в случае своего подтверждения, неминуемо влечет дополнительные вопросы уже к российской стороне, ибо в этом случае и огонь русской эскадры вряд ли можно рассматривать в качестве серьезной акции против Кольберга.

Во-вторых, и ранее не радовавшее русских моряков состояние большинства кораблей и фрегатов Балтийского флота к концу 1760 г. ухудшилось еще более. В частности, по возвращении в Кронштадт, «за появившимися при свидетельстве многими дефектами, которых в гавани исправить не возможно», определено было ввести в канал сразу четыре линейных корабля (66-пушечные «Северный Орел», «Св. Сергей», «Александр Невский», 54-пушечный «Св. Николай») и фрегат «Крейсер»². На пределе возможностей находились еще несколько кораблей: «Уриил» (планировался на 1761 г. как госпитальный), «Гавриил», Ингерманланд» (см. представленные далее выдержки «Ведомости о дефектах»).

Правда, за счет активной постройки новых кораблей и «затыкания дыр» на ветхих в 1761 г. в море все-таки удастся вывести 19 линейных кораблей (включая один госпитальный) и 2 фрегата³, но для подавляющего большинства судов, начавших войну, эта кампания станет все-таки последней, что, по существу, отметил в своем донесении и шведский посланник в Петербурге Поссе, написавший в 1762 г.: «...флот состоит из 31 линейного корабля, а с судами других названий число военных кораблей — 42, галер — 99. Старшие корабли в плохом состоянии и так гнилы, что едва можно их починить; вообще флот в дурном состоянии, потому что корабли строят неискусно: 99-пушечный корабль «Елисавета»⁴, построенный в 1745 г., не мог быть употребляем на море, потому что на бок валится; казанский дубовый и архангельский сосновый лес, употребляемые для кораблестроения, мягки и неплотны; Кронштадтская гавань не имеет соленой воды; семимесячное в году окружение корабля снегом и льдом очень много вредит им...»⁵.

В-третьих, качество постройки многих отечественных кораблей также оставляет немало вопросов, примером чему может служить вполне новый 80-пушечник «Андрей Первозванный». Вот что, в частности, значилось в дополняющем «дефектные ведомости» рапорте контр-адмирала С. И. Мордвинова: «(1) Имеются кранбалки для поднимания якорей коротки, от чего всегда якорною лапой задевает за бархоут, понеже противу выпуклости корпуса около ватерлинии кверху бак сужен, а когда случится подниману быть якорю с лювертовой стороны, то наипаче всегда задевает, для чего принуждены фок-нок-талями отво-

дить якорные лапы от борта и от того бывает якоря медление, и ежели случится в тесном месте поднимать якорь, то от оногo медления подвергнется корабль крайней опасности или надобность будет требовать скорого поднятия якоря, то за вышеписанным резонотом того исполнить будет не возможно и для того надлежит кранбалки сделать вновь длиннее... (2) на шканцах борты сделаны весьма низко, от чего в баталию рулевое колесо неприятелю совсем открыто, которое он всегда легко может отбить, хотя б случилось и в анлее быть, а ежели будет в люверте, то и все шканцы совсем явны, а людям уже никакого закрытия не имеется и от того оный корабль подвержен великому несчастью и для того надлежит на шканцах борты поднять выше...»⁶.

В общем, как говорилось, использованные материалы оказываются весьма полезным источником, наглядно показывающим, насколько быстро ветшали отечественные корабли, с завидной регулярностью превращая обычные морские переходы в мероприятия не менее опасные, чем столкновение с противником.

¹ Материалы для истории русского флота (далее: МИРФ). СПб., 1883. Ч. 10. С. 553–558.

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 212. Канцелярия II (1760 год). Д. 9. Л. 26об. — 27об.

³ МИРФ. Ч. 10. С. 613.

⁴ Речь идет о 99-пушечном линейном корабле «Захарий и Елизавет», построенном в 1745–1748 гг., но лишь один раз выходившем в море и разобранным в 1759 г.

⁵ Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XIII. История России с древнейших времен. Т. 25–26. М., 1994. С. 158–159.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 218. Оп. 1. Д. 310. Л. 5–5об. «Дефектную ведомость» линейных кораблей Балтийского флота конца 1760 г. см.: РГА ВМФ. Ф. 212. Канцелярия II (1760 год). Д. 9. Л. 1–15.

М. А. Партала

**РАДИОРАЗВЕДКА РУССКОГО ФЛОТА
НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ (1914–1917):
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Деятельность русской военно-морской радиоразведки на Балтийском море представляет собой одну из ярких и наиболее интересных страниц в истории Первой мировой войны. В последнее время (1996–2016 гг.) отмечается определенный всплеск исследовательского интереса к данной теме. Это нашло отражение в росте числа публикаций, рассматривавших тему как в прямой постановке, так и в рамках более общих (или смежных) тем и сюжетов. Библиографию темы дополнили многочисленные журнальные статьи, материалы конференций, монографии и даже одна докторская диссертация.

Специалисты, однако, констатируют, что историография радиоразведки Русского флота получила за этот период несравненно меньшее развитие, чем того можно было ожидать, исходя из формальных показателей опубликованных работ. Не претендуя в данной статье на рассмотрение всего перечня публикаций по теме, хотелось бы остановиться на наиболее значимых, на наш взгляд, моментах.

Общепризнанно, что проблематика радиоразведки носит весьма сложный и разноплановый характер, что предъявляет повышенные требования к уровню подготовки исследователя. С историей радиоразведки самым тесным образом переплетаются вопросы истории криптографии и криптоанализа, надлежащая разработка которых требует соответствующей квалификации. Отдельное направление исследований связано

с разработкой вопросов и сюжетов, затрагивающих историю развития технических средств радиоразведки. От исследователя требуются также определенные знания в области радиосвязи и общей организации военно-морских сил противника, без опоры на которые невозможна полноценная историческая «реконструкция» конкретных эпизодов боевой работы радиоразведки и оценка её эффективности.

Наблюдающаяся в рассматриваемый период активизация интереса к вопросам истории радиоразведки со стороны «профессионального сообщества» (специалистов в области радиотехники, радиоразведки, криптологии и др.) стимулировала углубленную и более детальную разработку этих и других узкоспециальных тем и сюжетов. При этом обозначилась выраженная тенденция к использованию для обсуждения и публикации полученных результатов специализированных «площадок» и изданий.

Так, вопросы истории развития средств и способов радиоразведки получили в этот период почти постоянную «прописку» в повестке заседаний исторической секции Научно-технического общества радиотехники, электроники и связи имени А. С. Попова, секций «Истории электроники, информатики и связи» и «Истории военной науки, техники и образования» годовых конференций Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники¹.

Статьи по истории радиоразведки, раскрывающие узкоспециальные и прикладные аспекты темы, печатались в специализированных журналах по радиоэлектронике, информационной борьбе, защите информации и других².

Наметившаяся тенденция к включению исторической проблематики в учебные программы специальных дисциплин профильных кафедр и вузов обусловила появление значительного числа публикаций, подготовленных в рамках разработки и написания соответствующих учебных пособий³.

Анализ всего массива известных публикаций по теме позволяет говорить о следующих результатах, достигнутых на данный момент отечественными исследователями.

Во-первых, в основном завершено воссоздание истории развития Службы связи Балтийского моря, в организационных

структурах которой зародился и развивался береговой компонент радиоразведки Балтийского флота (1914–1917)⁴.

Во-вторых, воссоздана история зарождения и развития разведывательных органов на Балтийском флоте⁵. Уточнены различные аспекты взаимоотношений разведывательного отделения штаба флота с соответствующими структурами Службы связи по вопросам организации и руководства ведением радиоразведки⁶.

В-третьих, выявлен существенный вклад «корабельной составляющей» в историю зарождения и развития радиоразведки Балтийского флота (само возникновение и основные достижения которой было принято ассоциировать исключительно с деятельностью Службы связи)⁷.

В-четвертых, определен основной круг лиц, непосредственно причастных (в том или ином качестве) к вопросам организации и ведения радиоразведки на Балтийском флоте. Уточнен (для известных ранее персоналий) и выявлен (для новых персоналий) их личный вклад в достижение конкретных результатов. В ходе разработки персоналий был выявлен целый ряд новых, неизвестных ранее, эпизодов в истории радиоразведки Балтийского флота⁸.

В-пятых, получили определенное развитие вопросы истории создания технических средств радиоразведки. Данные вопросы разрабатывались исследователями как в рамках более общих тем (по истории радиотехники, радиопромышленности и др.)⁹, так и в прямой постановке¹⁰. Благодаря расширению источниковой базы удалось снять существовавшие в отечественной историографии противоречия и «проблемные моменты» в освещении сюжета о первом береговом разведывательном радиопеленгаторе (конструкции И. И. Ренгартена).

В-шестых, впервые была начата (с опорой на документальные источники) разработка вопросов истории радиоразведки Балтийского флота, относящихся к проблематике дешифровально-разведывательной службы (ДРС)¹¹ и были достигнуты на этом направлении первые значимые результаты.

Можно в настоящее время говорить и о других, частных результатах, позволивших продвинуться вперед в изучении истории флотской радиоразведки. Однако, как уже было отмечено выше, несмотря на очевидный прогресс в разработке

темы, результаты исследований оказались скромнее, чем того можно было ожидать. Следует с сожалением констатировать, что только часть опубликованных работ, затрагивавших тему в прямой постановке, носила действительно исследовательский характер и могла реально претендовать на достижение новых результатов.

В качестве общих недостатков значительной части опубликованных работ можно отметить следующие:

1. Компилятивный характер публикаций, представляющих собой, по сути, «сборки» из доступных авторам работ по теме. При этом заимствованные из чужих работ сюжеты и фрагменты приводятся во многих случаях без их надлежащей проработки, осмысления (в том числе и критического) и проверки на непротиворечивость.

2. Слабая источниковая база.

3. Недостаточное знание авторами историографии темы.

4. Несоответствие заявленных авторами целей и задач исследований (и продекларированных научных результатов) реальному содержанию работ.

Указанные недостатки весьма наглядно прослеживаются, например, в работах В. Г. Кикнадзе¹². В наиболее концентрированном виде они присутствуют в его докторской диссертации¹³.

Так, историографический анализ проблемы подменен по сути библиографическим обзором с перечислением некоторого количества работ по истории радиоразведки, без серьезного анализа их содержания и научной значимости. При этом заявленный список работ по своей полноте и охвату не вполне соответствует даже уровню хорошей библиографической справки по теме диссертации. В результате вне поля зрения диссертанта оказался целый ряд существенно значимых для исследуемой темы работ. Достаточно отметить, что в библиографическом обзоре В. Г. Кикнадзе не оказалось даже диссертационных работ¹⁴ и монографий¹⁵ А. А. Глущенко и Т. В. Алексеева, безусловно «накрывающих» в части, касающейся проблематики его диссертационного исследования. Не оказалось там и целого ряда работ, непосредственно посвященных истории радиоразведки Балтийского флота¹⁶. Естественно, это не позволило автору учесть в своих публикациях и в диссертационном исследовании научные результаты, представленные в данных работах¹⁷.

В содержательном плане как отдельные статьи В. Г. Кикнадзе, так и его диссертационная работа (в части разделов 2.1 и 2.2) носят ярко выраженный компилятивный характер с многочисленными сюжетными и текстуальными заимствованиями¹⁸. Датировка событий в текстах статей и в тексте диссертации представляет собой смесь из дат по старому и новому стилю. При этом смена стилей (переход от старого стиля к новому и обратно) достаточно хорошо коррелируется со сменой автором источников заимствований.

Особую проблему представляет, на наш взгляд, отсутствие у ряда авторов даже элементарных попыток критического осмысления заимствованных из разных источников текстуальных фрагментов и описаний и проверки их на «внутреннюю непротиворечивость». Так, например, в статье В. Г. Кикнадзе в журнале «Вопросы истории», при описании обстоятельств аварии германского крейсера «Магдебург» 26 августа (по новому стилю!! — в указанной статье традиционно для данного автора применяется «смешанная» датировка событий) 1914 года, приведена заимствованная у М. Н. Алексеева версия о том, что информацию об аварии «Магдебурга» русское командование получило от своей радиопеленгаторной (радиокомпасной) станции на о. Гельголанд¹⁹. При этом автора не смутило ни то, что Гельголанд — это принадлежащий Германии остров в юго-восточной части Северного моря (с находившейся в тот период на нем германской военно-морской базой), ни то, что буквально страницей ранее он уже сообщил читателю, что установка радиопеленгаторных станций на Балтийском флоте началась в сентябре 1914 года²⁰. Следует, однако, подчеркнуть, что фактические обстоятельства аварии и захвата русскими моряками крейсера «Магдебург» известны отечественным военно-морским историкам еще с 1921 года, когда появилась первая публикация, посвященная этим событиям, базирующаяся на надежных архивных источниках²¹. Вполне доступные и хорошо известные современным исследователям архивные документы делают абсолютно излишним какое-либо гадание по данному вопросу и использование «экзотических» версий.

В своей монографии, изданной спустя несколько лет, В. Г. Кикнадзе счел все-таки необходимым хоть как-то прокомментировать эту странную версию с Гельголандом, указав,

что «скорее всего, речь идет о морской радиокompасной станции в Кильконде на о. Эзель»²². Одновременно он «передвинул» дату установки этой станции, сообщив, что испытания её начались на о. Эзель в августе 1914 года (со ссылкой на известную статью И. И. Ренгартена, в которой такая датировка в реальности отсутствует)²³.

В тексте своей докторской диссертации В. Г. Кикнадзе вновь вернулся к варианту сентября 1914 года (приведя ссылку на текст некролога И. И. Ренгартена), однако там же, в диссертации, указал, что на вооружение русского флота радиопеленгаторы И. И. Ренгартена «поступили лишь после усовершенствования в 1915 году»²⁴.

Отметим, что аналогичная «каша» наблюдается в работах В. Г. Кикнадзе (и некоторых других авторов) также по вопросу конструкции радиопеленгатора И. И. Ренгартена. Не имея опоры на собственные архивные изыскания и не представляя в полном объеме историографию темы, авторы не смогли «привести к общему знаменателю» многочисленные, но противоречивые описания радиопеленгатора, встречающиеся в известных публикациях. И если, например, в монографии В. Г. Кикнадзе описываются «32 антенных канатика длиной 100 м каждый», растянутых по радиусам (автор здесь просто воспроизвел соответствующий фрагмент из статьи И. И. Ренгартена)²⁵, то уже в его докторской диссертации сообщается, что в «радиопеленгаторах предусматривалось использование 16 плоских неподвижных однопроводных рамочных антенн с коммутацией их для подключения к приемнику»²⁶.

Между тем особенности конструкции первых радиопеленгаторов, как, впрочем, и точные даты вступления их «в строй», давно не являются «секретом» и неоднократно приводились в работах по истории радиоразведки²⁷.

Весьма показательным в этом плане является также пример с описанием истории создания радиостанции особого назначения (РОН) на мысе Шпитгамн. Сюжет подробно исследован в целом ряде работ, с приведением всех архивных ссылок, и даже с воспроизведением отдельных документов в качестве иллюстраций²⁸. Тем не менее некоторые авторы продолжают тиражировать ошибки, успевшие попасть в первые публикации по данной теме. Так, в работах В. Г. Кикнадзе начало строительства РОН

относится к январю 1915 года²⁹, хотя в это время вопрос о радиостанции еще не вышел даже из стадии предварительной проработки (на уровне идеи), а уж о выборе конкретного места речь и вовсе тогда не шла. Вызывают также удивление приводимые в некоторых публикациях сведения о численности РОН. В работах В. Г. Кикнадзе говорится о штате станции в 57 человек³⁰ (соответствующие фрагменты заимствованы автором из книги «Радиоразведка ВМФ. Краткая история. 1895–1945 гг.»³¹). Другие авторы продолжают ссылаться на монографию Т. А. Соболевой, приводя данные о штате РОН в 73 человека³². При этом тексты приказа об учреждении РОН с объявлением её штата (53 человека) публиковались уже неоднократно, в том числе в оригинальном виде (в качестве иллюстрации)³³. И что примечательно, ссылки на эти публикации формально присутствуют как в работах В. Г. Кикнадзе, так и в работах других авторов.

В этой связи уместным будет отметить еще один негативный момент — широкую практику использования заимствованных ссылок, то есть из работы другого исследователя заимствуется не только фрагмент текста или сюжет, но и соответствующие ему архивные или иные ссылки. Например, в упомянутом уже выше фрагменте про создание РОН в монографии В. Г. Кикнадзе наряду с книгой «Радиоразведка ВМФ» использована книга «Очерки о связистах Российского флота». Однако в тексте диссертации вместо «Очерков о связистах» появляются уже ссылки на РГА ВМФ... которые «странным» образом в точности соответствуют ссылкам из названной книги³⁴. Дело в том, что эти ссылки не только по своей последовательности и форме соответствуют источнику заимствования, но и по присутствующей в них случайной ошибке. Диссертант здесь ссылается на фонд 737 (опись 1, дело 137). Причем в разделе 1.2 диссертации и в «Списке источников» он четко указывает, что работал с документами этого фонда в РГА ВМФ. Фактически же здесь речь о фонде 736 и о случайной «технической» ошибке, допущенной в книге «Очерки о связистах» и вполне известной авторскому коллективу. Вместе с заимствованными ссылками этот ошибочный номер «автоматом» попал в текст диссертации. К сожалению, в тексте упомянутой диссертации и в других работах по теме встречается немало похожих сюжетов, позволяющих говорить о недобросовестном использовании заимствованных ссылок.

Проблема, однако, заключается в том, что такой «творческий метод», создавая у стороннего наблюдателя ложное ощущение большого числа научных публикаций по теме, в реальности не дает никакого развития источниковой базы исследований и не формирует необходимых предпосылок и условий для получения новых научных результатов.

Все эти недостатки существенным образом снижают уровень многих публикуемых работ, лишая их исследовательского начала и обедняя таким образом современную историографию по теме.

В завершение хотелось бы затронуть еще один важный момент. Как известно, основная ценность и преимущество военно-исторических исследований в области радиоразведки состоит в том, что они позволяют соотнести деятельность сил радиоразведки с фактическими действиями ВМС — объектов разведки, оценив *post factum* степень реального вскрытия силами радиоразведки фактической радиоразведывательной и разведывательной обстановки.

В этой связи возникает вопрос обоснованности и корректности вынесения некоторыми авторами за рамки своих исследований «проблемы эффективности ведения радиоразведки», то есть оценки современным исследователем её реальных результатов. Так, например, в докторской диссертации В. Г. Кикнадзе прямо указывается, что «проблема эффективности ведения радиоразведки не рассматривается»³⁵. Нам, однако, представляется не вполне понятным, как можно исследовать вопросы боевого применения сил и средств радиоразведки без учета его эффективности (оценки фактических результатов).

Примечательно в этом плане, что диссертант сам отметил в качестве недостатка существующих исследований по теме отсутствие аргументированных выводов о том, «насколько соответствовали задачам, стоявшим перед радиоразведкой ВМФ, ее состав и состояние, формы применения, способы и методы разведки»³⁶. Однако под эффективностью, как известно, и понимается степень соответствия поставленным задачам. Вместе с тем, как заявлено в работе, именно этот вопрос автор и вынес за рамки своего диссертационного исследования. Таким образом, диссертация В. Г. Кикнадзе не только не устраняла один из основных и наиболее серьезных недостатков предшествую-

щих работ по истории радиоразведки, но она, как следует из её материалов, даже и не нацеливалась автором на решение этой актуальной научной задачи.

На наш взгляд, указанные «самоограничения» не имеют под собой никаких объективных оснований, являются искусственными и могут быть объяснены только нежеланием того или иного автора утруждать себя проведением серьезных исследований по истории радиоразведки, предполагающих комплексную разработку весьма разноплановых архивных материалов и обязательную опору на двухсторонние документальные источники.

Говоря о перспективных задачах и направлениях в разработке темы можно, в числе ближайших и актуальных, указать следующие задачи. Во-первых, это завершение воссоздания исторической картины формирования и развития структур радиоразведки на Балтийском флоте. Дальнейшая разработка персоналий (включая нижних чинов) и определение их вклада в успехи службы. Во-вторых, дальнейшая разработка истории ДРС. Последняя включает целенаправленный поиск и выявление описаний немецких радиосвязных шифров и кодов, применявшихся на Балтийском море, также отчетных или рабочих материалов по их вскрытию (дешифровке); дальнейшее исследование вопросов русско-британского и русско-французского сотрудничества по линии ДРС; разработку «шведской линии» в истории радиоразведки и ДРС Балтийского флота и некоторые другие сюжеты. В-третьих, перспективно и актуально выявление и историческая реконструкция конкретных эпизодов боевой деятельности радиоразведки Балтийского флота.

Подводя на данном этапе определённую черту, можно констатировать, что воссоздание истории радиоразведки Балтийского флота (1914–1917) находится в процессе и пока отнюдь не завершено. Степень разработанности различных тем и сюжетов колеблется от уровня 70–80% до — «еще даже не начинали» (как, например, шведская тема). Претензии на успешное решение отдельных научных задач в докторской диссертации В. Г. Кикнадзе и в других работах носят декларативный характер и не подкрепляются на данный момент реальными материалами и результатами исследований.

Несмотря на устойчивую в последнее время тенденцию к увеличению удельного веса работ компилятивного характера, пред-

ставляется, на наш взгляд, возможным говорить о позитивных ожиданиях и некотором оптимизме в отношении перспектив дальнейшего исследования темы. Эти перспективы, по нашему мнению, просматриваются на путях более широкого вовлечения в исследовательский процесс «профильных» специалистов (как самостоятельно, так и в качестве консультантов по частным вопросам), а также максимально возможного расширения документальной базы исследований, включая ресурсы зарубежных архивов и возможности международного научного сотрудничества (успешный опыт использования которого в рамках исследований по данной теме уже существует).

¹ См. сборники трудов научно-технических конференций СПбНТОРЭС им. А. С. Попова, сборники материалов годичных конференций Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН.

² См. журналы: «Морская радиоэлектроника», «Защита информации. Конфидент», «Защита информации. Инсайд», «Петербургский журнал электроники», «Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ»», «Вестник РГГУ. Серия «Информатика. Защита информации. Математика» и другие.

³ Криптография: страницы истории тайных операций / Ю. И. Гольев, Д. А. Ларин, А. Е. Тришин, Г. П. Шанкин. М., 2008. 287 с.; Токарева Н. Н. Об истории криптографии в России // Прикладная дискретная математика, 2012, № 4. С. 82–107; 2) Симметричная криптография. Краткий курс // Учебное пособие: Новосибирский государственный университет. 2012. 234 с.; Информационная безопасность. История защиты информации в России: учебное пособие / А. В. Бабаш, Е. К. Баранова, Д. А. Ларин. М., 213. 736 с.

⁴ Глуценко А. А. Создание и деятельность службы связи Российского императорского флота (1900–1917 гг.): Исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1996; Биккенин Р. Р., Глуценко А. А., Партала М. А. Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998. 360 с.; Глуценко А. А. Деятельность государственных органов и общественных объединений по формированию информационного пространства России, 1900–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2002; Биккенин Р. Р., Глуценко А. А., Партала М. А. Служба связи Российского флота (к 100-летию образования) // Петербургский журнал электроники. 2007. № 4. С. 92–109; 2008. № 1. С. 112–137; 2008. № 4. С. 135–160; Партала М. А. «Осведомительное бюро» контр-адмирала А. И. Непенина: к истории Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи Балтийского моря (1915–1917) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 16-й ежегодной научной конференции (2–3 апреля 2014 г.). СПб., 2015. С. 109–120.

⁵ Партала М. А. Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну: вопросы организации // Санкт-Петербург и страны Северной Европы:

Материалы 8-й ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.). СПб., 2007. С. 325–337.

⁶Эти вопросы были впервые обозначены и частично освещены в статье: Саковиг А. Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914–18 гг. // Морской сборник. 1931. № 12. С. 46–62.

⁷Партала М. А. 1) Ведение радиоразведки кораблями Балтийского флота в 1912–1913 годах // Защита информации. Инсайд. 2006. № 1. С. 85–90; 2) Малоизвестные страницы истории радиоразведки Балтийского флота (1912–1914 гг.) // Морская радиоэлектроника. 2006. № 4 (18). С. 54–59; Партала М. А., Симонов Д. Н. Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. 2005. № 1. С. 90–96.

⁸Партала М. А. 1) Наградные документы офицеров и нижних чинов Русского флота (1914–1917) как важный источник по истории отечественной военно-морской радиоразведки // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 17-й ежегодной научной конференции (7–8 апреля 2015 г.). СПб., 2016. С. 160–166; 2) Рыфы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» в августе 1914 г. // Защита информации. Инсайд. 2007. № 2. С. 80–86; Биккенин Р. Р., Глушенко А. А., Партала М. А. Очерки о связистах Российского флота. С. 176–188.

⁹Алексеев Т. В. Создание и промышленное производство средств связи для армии и флота в 1900–1945 гг. (на материалах индустрии Санкт-Петербурга–Ленинграда). Дис. ... д-ра ист. наук: Специальность: 07.00.10 — история науки и техники. СПб., 2011.

¹⁰Партала М. А., Трибельский Д. Л. Первые разведывательные радиопеленгаторы в русском флоте // НТОРЭС им. А. С. Попова, 54-я НТК, СПб., 1999; Партала М. А., Трибельский Д. Л. Первый в русском флоте корабельный разведывательный радиопеленгатор (К истории создания) // 10-я МНТК, ч. 1. Петродворец, 1999; Партала М. А. 1) Первый корабельный разведывательный радиопеленгатор на вооружении русского флота // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXVIII международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (26–30 ноября 2007 г.) Выпуск XXIII. СПб., 2007. С. 127–129; 2) К истории создания разведывательного радиопеленгатора системы И. И. Ренгартена. // НТОРЭС им. А. С. Попова. 62-я НТК. СПб. 2007. С. 279–280; 3) Создание первого в Русском флоте специализированного разведывательного радиоприемника // НТОРЭС им. А. С. Попова. 67-я НТК. СПб., 2012; 4) К истории создания первой в Русском флоте сети разведывательных радиопеленгаторов // Сети и линии связи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Деятых научных чтений памяти А. С. Попова, посвященных Дню радио (6 мая 2016 г.). СПб., 2016. С. 118–122.

¹¹Партала М. А. 1) «Черный кабинет» на мысе Шпитгамн и его место в истории дешифровально-разведывательной службы ВМФ // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXXI международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (22–26 ноября 2010 г.) Выпуск XXVI. СПб., 2010. С. 394–396; 2) Радиосвязные коды и шифры военно-морских флотов России и Германии в Первую мировую войну (1914–1918) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXV международной годичной конференции

Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в Первую мировую войну» (24–28 ноября 2014 г.). Выпуск XXX. СПб., 2014. С. 96–97.

¹² Кикнадзе В. Г. 1) Образование на Балтийском море первой в Российском императорском флоте и армии береговой части радиоразведки // Флагман. 2003. № 3. С. 73–76; 2) Историография радиоразведки отечественного Военно-морского флота // Флагман. 2004. № 6. С. 54–55; 3) Радиоразведка Российского флота в Первой мировой войне // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 144–152; 4) Радиоразведка отечественного Военно-морского флота в войнах первой половины XX века // Военно-исторический журнал. 2005. № 9. С. 22–26; № 11. С. 13–16; 5) Отечественная морская радиоэлектронная разведка. 1895–1945 гг. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 74–84; 6) Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века: монография. М., 2011. 552 с.

¹³ Кикнадзе В. Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного военноморского флота в первой половине XX века: Исторический опыт и уроки. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.

¹⁴ Алексеев Т. В. Создание и промышленное производство средств связи для армии и флота в 1900–1945 гг. (на материалах индустрии Санкт-Петербурга–Ленинграда). Дис. ... д-ра ист. наук: Специальность: 07.00.10 — история науки и техники. СПб., 2011; Глуценко А. А. Деятельность государственных органов и общественных объединений по формированию информационного пространства России, 1900–1917 гг. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2002.

¹⁵ Алексеев Т. В. Индустрия средств связи Петербурга–Ленинграда для армии и флота в эпоху потрясений и модернизации. 1900–1945 гг. СПб., 2010. 643 с.; Глуценко А. А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900–1917 гг.). СПб., 2005. 718 с.

¹⁶ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993; Партала М. А. 1) Рифы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» в августе 1914 г. // Защита информации. Инсайд. 2007. № 1. С. 84–90; № 2. С. 80–86; 2) Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну: вопросы организации; и др.

¹⁷ Предпринятая диссертантом попытка (уже после представления текста диссертации на сайте МО РФ) включить наиболее значимые работы «задним числом» в текст автореферата заслуживает безусловного сожаления. Вызывает также серьезную озабоченность тот факт, что несоответствие текста автореферата тексту диссертационной работы (в данной части) не было выявлено при экспертизе диссертации (включая отзывы оппонентов).

¹⁸ По результатам изучения материалов диссертации в исторической секции СПбНТОРЭС им. А. С. Попова было отмечено, что диссертационная работа В. Г. Кикнадзе в части раздела 1.2 и разделов 2.1, 2.2 не только не содержит сколько-нибудь значимых для заявленной темы новых научных результатов, но, к сожалению, даже не соответствует современному состоянию исследований по истории радиоразведки ВМФ и не отражает достигнутого уровня разработанности данной темы в отечественной исторической науке.

¹⁹ Кикнадзе В. Г. Радиоразведка Российского флота в Первой мировой войне. С. 145.

²⁰ Там же. С. 144.

²¹ Авария германского крейсера «Магдебург» у о-ва Оденсхольм в ночь на 13-е августа 1914 г. // Морской сборник. 1921, № 1–2. С. 8–14.

²² Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. С. 67–68.

²³ Там же. С. 66.

²⁴ Кикнадзе В. Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного военно-морского флота в первой половине XX века. С. 90–91.

²⁵ Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. С. 66.

²⁶ Кикнадзе В. Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного военно-морского флота в первой половине XX века. С. 91.

²⁷ Фактически в радиопеленгаторе И. И. Ренгартена использовались направленные свойства Г-образных антенн. Информация о применении в нем рамочных антенн является ошибочной.

²⁸ Биккенин Р. Р., Глуценко А. А., Партала М. А. Очерки о связистах Российского флота. С. 178–185; Партала М. А. Радиостанция особого назначения на мысе Шпитгамн (1915–1917) и её место в истории радиоразведки Балтийского флота // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 7-й ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2006. С. 214–222; Партала М. А., Симонов Д. Н. Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания. С. 94–96.

²⁹ Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. С. 72.

³⁰ Там же.

³¹ Радиоразведка ВМФ. Краткая история. 1895–1945 гг. М., 1990. С. 27.

³² Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII — начала XX в.). М., 1994. С. 281.

³³ Федоров В. М. Военно-морская разведка: история и современность. М., 2011. С. 106; Партала М. А., Симонов Д. Н. Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания. С. 96.

³⁴ Биккенин Р. Р., Глуценко А. А., Партала М. А. Очерки о связистах Российского флота. С. 187.

³⁵ Кикнадзе В. Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного военно-морского флота в первой половине XX века. С. 10.

³⁶ Там же. С. 32.

П. В. Петров

**ФИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА БАЛТИКЕ
В ПЕРИОД «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» 1939–1940 гг.**

Тема, связанная с финскими военнопленными периода «зимней войны» 1939–1940 гг., лишь в последние годы получила своё объективное отражение¹. Связано это было, во-первых, со спецификой самой темы советско-финляндской войны, которая не пользовалась особым вниманием отечественных историков, а во-вторых, с тем, что документальные источники по данному вопросу были рассредоточены по разным архивам. Мы стараемся осветить достаточно узкую тему, связанную с захватом в плен силами КБФ финских военнослужащих и гражданских лиц в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Необходимо выяснить, во-первых, сколько финских граждан было в целом захвачено в ходе боевых действий. В целом, по финским данным, было захвачено в плен 867 военнослужащих, из которых 847 были возвращены на родину после окончания войны, а 20 человек выразили желание остаться в СССР.

За первый день войны, 30 ноября 1939 г., силами КБФ было захвачено в плен 20 финнов — как военнослужащих, так и гражданских лиц. Среди них — 7 человек из команды захваченной финской моторной шхуны «Ауво», 3 человека с затопленного финского моторного катера у острова Сейскаари, 2 человека были захвачены в плен на острове Сейскаари (Сескар), в том числе 1 офицер, и 8 человек захвачены на острове Лавенсаари (из них 3 были ранены).

Материалы базы данных по финским военнопленным «зимней войны», составленной в 2000-е гг. финским журналистом

и кинодокументалистом Рейо Никкиля, показывают, что в плен тогда попали следующие лица.

На судне шхуне «Ауво», захваченной у острова Найсаар возле Таллинна 30 ноября 1939 г., были взяты в плен члены экипажа (помимо капитана): штурман Малми Вяйнё, 2) матрос Яаакола Вихо, матрос Пули Эйно, рядовой Сеппяля Нестор, механик Кангасмяки Тойво, (повариха?) Уутела Естер. Всех, кроме Пулли, вернули 20 апреля 1940 г. Также, по финским данным, на острове Сейскаари и в его районе были захвачены: 30 ноября 1939 г. младший сержант Лайнио Кари Эйно Куурас и 1 декабря 1939 г. рядовой Невала Ууно. Они вернулись на родину из Грязовецкого лагеря 20 апреля 1940 г.

В дальнейшем боевые действия надводных сил КБФ приобрели характер артиллерийских обстрелов и несения блокады неприятельского побережья, которые уже не допускали возможности захвата неприятельских пленных. В конце января — начале февраля 1940 г. к боевым действиям подключились части Зимней обороны КБФ (по сути дела, морская пехота). Однако в ходе боев за архипелаг Биеркэ в конце февраля 1940 г. или за побережье в районе Ристиниеми — Котка 4–5 марта 1940 г. финских пленных взято не было.

Следующий документально зафиксированный случай захвата в плен финского военнослужащего произошел лишь 9 марта 1940 г., когда в ходе разведки на острове Койде, в районе островов Хаапасаари-Аскери, разведгруппа политрука Филимонова, войдя на остров, обнаружила финскую палатку. В результате кратковременного боя было уничтожено почти все сторожевое охранение острова, а один оставшийся в живых финский солдат А. Хонканен был пленён. Затем разведгруппа без потерь благополучно отошла и вместе с пленным вернулась на остров Гогланд². Финские данные подтверждают захват 9 марта 1940 г. в районе островов Хаапасаари-Аскери в плен рядового А. Хонканен. Он также вернулся в Финляндию из Грязовецкого лагеря 20 апреля 1940 г.

Далее, в течение ночи с 9 на 10 марта 1940 г. батальоны морской пехоты КБФ производили разведку в направлении островов Киускери, Хуовари, Аскери. В 2 ч. 17 мин. финские солдаты, двумя группами, по 30–40 человек в каждой, подошли к острову Киускери, но были отброшены разведчиками-балтийцами. Бой длился 2,5 часа. В итоге финны были вынуждены отступить

к береговой батарее Пуккио. На поле боя противником были оставлены 16 убитых (из них 3 офицера), а 2 финских солдата были захвачены в плен, причем оба раненые³.

Таким образом, документальными источниками подтверждается захват в плен силами КБФ в ходе «зимней войны» 23 финских военнослужащих и гражданских лиц.

Также важно отметить, какого рода информацию старались выяснить в ходе допросов финских военнопленных сотрудники разведывательного отдела штаба КБФ (далее: РО КБФ). Прежде всего, интересовали береговые артиллерийские батареи, различные укрепления, морские аэродромы, военные заводы и склады.

Поскольку основным участком военных действий был всё же сухопутный фронт, опрос пленных и местных жителей, естественно, не дал интересующих командование флота сведений. Тем более что военнослужащих финских ВМС в плен захвачено почти не было. Сведения же, полученные о береговой обороне от военнопленных, относились к времени до 1930-го года, то есть ко времени, когда опрошенные проходили действительную службу в частях береговой обороны. По мобилизации они были призваны в армию, а поэтому наиболее полные сведения могли сообщить лишь по армейским частям. Полученные сведения по береговой обороне от пленных, как правило, лишь подтверждали имевшиеся данные в РО КБФ.

Из общего количества финских военнопленных (867 человек⁴) Разведотделом КБФ был опрошен 181 человек, из которых около 20 человек унтер-офицеров. Характерно, что среди захваченных пленных не было военных моряков. Для опроса местного населения, во время десантных операций на острова восточной части Финского залива, в каждом десантном отряде был командир РО флота с переводчиком. За все время было опрошено 17 человек⁵.

В результате опроса удалось ориентировочно выяснить расположение минных полей противника, выставленных в восточной части Финского залива. Ведя работу с пленными и местным населением, был применен только элементарный метод опроса. Никаких других форм работы применено не было, что нужно считать одним из недостатков.

Проведенная работа по этой линии показала на необходимость специальной подготовки к данной работе, особенно во всех

ее видах, начиная от простого опроса. Дело в том, что неумелый опрос пленных мог не только не принести пользы, но и навредить. Имели даже место случаи, когда пленные занимали положение допрашивающего, беря инициативу в свои руки⁶.

¹ Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки; СПб., 2009. Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 т. СПб., 2003. Т. II. С. 285–310.

² РГАВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 34–35, 36–36 об.

³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 164. Л. 265–266. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 519. Л. 33.

⁴ Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. С. 444.

⁵ РГАВМФ. Ф. Р-2045. Оп. 1. Д. 17. Л. 107.

⁶ Там же. Л. 107–108.

Выявленные документы: «Инструкция по опросу пленных», опросный лист и письмо военнопленного, выдержки из разведывательных сводок с показаниями финских пленных, а также письмо финского военнопленного к своим соотечественникам, извлечённые из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота, имеют самое непосредственное отношение к работе разведывательного отдела штаба КБФ с финскими военнопленными во время советско-финляндской войны.

№ 1

27 ноября 19 [39] г.

№ Р/0408

г. Кронштадт

Команд[ованию] Ладужской флотилией

При этом препровождается Инструкция по опросу пленных, перебежчиков, выловленных с тонущих кораблей и раненых, в количестве «5» экз. с № 13 по № 17 включительно.

Помощник начальника отделения РО КБФ

Лейтенант /Зайков/

Для командиров соедин[ений], частей и кораблей.

«Утверждаю»

Командующий КБФ

Член Военного Совета

Флагман 2 ранга

Бригадный комиссар

/Трибуц/

/Яковенко/

ИНСТРУКЦИЯ

по опросу пленных, перебежчиков,
выловленных с тонущих кораблей и раненых

1. С целью добывания сведений о противнике командир[ы] соединений, кораблей и частей должны стремиться к захвату пленных.
2. У задержанных отбираются все документы, оружие, пояс, режущие и колющие предметы.

3. Командир каждого корабля, части обязан при захвате пленных произвести первичный опрос, по вопросам непосредственно интересующим его по задаче.
4. Все действия по опросу и содержанию пленных, перебежчиков согласовываются с представителем ОО НКВД.
5. Опрос нужно производить немедленно после захвата пленных.
6. При опросе пленного, перебежчика ни в коем случае не задавать прямых вопросов, вскрывающих планы и намерения наших частей и кораблей.
7. Опрос пленных должен производиться отдельно с рядовым, младшим офицером и офицером.
8. Опрос производят одновременно не более двух командиров. В присутствии опрашиваемого лучше не делать записей, особенно при первом опросе.
9. С пленными следует обращаться вежливо, но строго и настойчиво добиваться ответов на вопросы.
10. Офицеры, младшие офицеры и рядовой состав по возможности содержится раздельно.
11. При опросе задержанных осторожно подходить к оценке сообщаемых ими сведений, особенно это касается дезертиров и перебежчиков, среди которых будут специально посланные разведчики.
12. О наиболее важных сведениях немедленно сообщать в Штаб флота, особенно о местах минных полей, готовящемся вылете самолётов, позициях подлодок и др.
13. По окончании первичного опроса опрошенный под охраной направляется в ОО НКВД Ораниенбаума, одновременно сообщается об этом начальнику Развед[ывательного] Отдела, которому пересылается копия первичного опроса и отобранные документы.

Начальник Штаба КБФ

Военком Штаба КБФ

Капитан 1 ранга
/Пантелеев/

Полковой комиссар
/Сидоров/

РГАВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 12. Л. 31–32. Подлинник.

№ 2

Выписка из тактического формуляра эскадренного миноносца «Карл Маркс» КБФ /1939–1940 гг./

30.11.39 г. — Во время начала военных действий с Финляндией, корабль участвует в захвате о-вов: Сейскаари, Лавенсаари, Пенисаари, находясь в охране десанта, ходит, переменными курсами, периодически сбрасывая глубинные бомбы, осуществляя ПЛО. <...> Около 14 часов были замечены 2 моторных катера, направляющиеся от о-ва Сейскаари к финским берегам. Получив разрешение от командира 3 ДММ капитана 3 ранга Святова, находящегося на М «Володарский» — задержать один из катеров, увеличил ход до самого полного, направился в проход между Сейскаари и Пенисаари. Вскоре катер был задержан и на борт были взяты 3 граждан Финляндского государства. По приказанию ком-ра дивизиона, катер был затоплен. <...>

РГАВМФ. Ф. Р-654. Оп. 2. Д. 63. Л. 1. Подлинник.

№ 3

Хроника событий на море в войне с белофиннами 1939–1940 гг.

Книга 1. 1939 г.

Ноябрь 30 — <...> В 11.58 М «Володарский» потопил на Сескарском плесе финскую шхуну; три человека были взяты в плен (д. 1, л. 361, 372)

<...> В 14.00 на о. Сескар был поднят государственный флаг СССР. В 18.00 остров был полностью занят. Взято в плен 2 человека.

<...> В 14.40 под прикрытием артиллерийского огня кораблей началась высадка десанта. <...> К 16.30 закончилась высадка всего десанта во главе с командиром 3-го ОССБ капитаном Сорокиным. Противник не оказал никакого сопротивления. На острове было захвачено 8 пленных. <...>

РГАВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 63. Л. 79, 81, 82. Копия.

№ 4

Исторический журнал о боевых действиях КБФ. Часть 1.

29.11–06.12.1939 г.

30 ноября

<...> 19.20 В 18.40 М «Ленин» взял двух пленных, один офицер. <...>

1 декабря

<...> 02.35 Начштаба БО доносит, что в 18h 05m М «Грозный» привел финскую лайбу в порт Палдиски, 7 чел. интернировано. <...>

3 декабря

<...> 15.30 Командир ТЩ 21 т. Егоров на № 0015 сообщает, что финнов сдал в НКВД Усть-Луга 1.12. <...>

РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 23об., 26об., 56об. Подлинники.

№ 5

22/IV 40

№ 1636с

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
тов. ДЕКАНОЗОВУ В. Г.

На № 228/пб от 19. IV. 40.

Сообщаю, что финский пароход «Аува» был захвачен Советским Флотом 30 ноября 1939 г. после начала военных действий с Финляндией в Финском заливе, является военным призом и возвращению поэтому не подлежит.

Что касается экипажа парохода в количестве 7 человек, то таковой распоряжением Начальника Управления НКВД по Ленинградской области 12 января 1940 г. направлен в приемный пункт лагерей в Сестрорецке.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Союза ССР
флагман флота 2 ранга
/Н. Кузнецов/

РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 177. Л. 15. Подлинник.

ДАННЫЕ ПЛЕННЫХ

1. Подтверждается наличие морского аэродрома в Туркинсаари. Количество и типы самолётов неизвестны.
2. Город Котка получает электроэнергию от электростанции, расположенной на реке Кюмийоки /у деревни Аньяло или Ингеройнен/. Электроэнергия подается прямой воздушной проводкой. Котка с материка соединена двумя мостами. Железнодорожный — железной конструкции длиной 25 метров и автогужетранспортный длиной 25 метров, шириной 8 метров. Последний находится на расстоянии 20–10 метров от ж. д. моста. Западнее мостов расположен гидроаэродром, количество и тип самолётов неизвестны. Радиостанция расположена в 7 км на север от Котки в одиночном доме, который находится на окраине большой деревни.
3. Проволочная, телефонная связь с островом Гогланд прервана в 2-х км от Гогланда 3 года тому назад.
4. Наличие аэродрома и самолётов в Утти подтверждается.
5. Суперфосфатный завод расположен на юго-западной оконечности о. Котка. Количество рабочих 150 человек.
Справка: сведения заслуживают доверия.
6. Военный аэродром в г. Хельсинки дислоцируется северо-восточнее города, в 9 км. Количество самолётов не установлено.
Справка: сведения требуют проверки.
7. На о. Пукионсаари кроме арт [иллерийской] батареи имеются зенитные пулемёты, количество и калибр не установлены.
Справка: сведения заслуживают доверия.
8. Подтверждается наличие арт [иллерийских] батарей на сл [едующих] островах: Биорке, Сейвисте, Пукионсаари, Мустама, Ранко, Киркомансаари.
Справка: сведения заслуживают доверия.
9. В г. Лаппенранта расквартирована отдельная кав [алерийская] бригада 2-х полкового состава. В мирное время [она] насчитывала около 1000 сабель. Кав [алерийские] эскадроны имели на вооружении винтовки, ручные пулемёты и шашки. Большинство военнослужащих шведской национальности, а командный состав исключительно шведы. Бригадой командовал генерал-майор Палмаруд по национальности швед.
Справка: сведения заслуживают доверия.
10. На о. Гогланд в летнее время штабом военно-морского флота [Финляндии] на 3–4 месяца выбрасывалась разведывательная группа в числе 12–14 человек [из] низших чинов, которые проводили исключительно изучение военно-морских сил плавающих в Финском заливе, главным образом военно-морского флота СССР. Все разведчики были шведы. Для пересылки сведений услугами радио [они] не пользовались, а пересылают исключительно почтой.
Военнопленный Неваало Уно 1912 г. рожд., родился в семье крестьянина-середняка Бееринборгской губернии /Ботнический залив/, служил рядовым полицейским на катере «Веста» при восточном р-не морской полиции г. Котка. В показаниях говорит следующее: финские газеты и члены щюцкора распространяют самую неприкрытую ложь о Советском Союзе, а именно: [финнам] попавшим

в плен к русским выкалывают глаза, срезают ногти и впоследствии расстреливают. В СССР если рабочий имеет два костюма, второй немедленно отбирают большевики. Запрещено совершенно ношение часов, если у кого [-то они] появляются, большевики немедленно отбирают /финны имеют пристрастие к [ручным] часам и в первую очередь стараются приобрести часы/. Русских рисуют как самых злых собак. Такое понятие о Советской России у большинства населения, лишь некоторая часть рабочих знает правду о Советском Союзе. Народ хотел заключения договора с СССР, но правительство обмануло народ, заявляя, что переговоры будут продолжаться, правительство боялось заключения договора. Это облегчило финскому народу знать больше правды о СССР.

Передо мной раскрылась истина, я вижу здесь прекрасных людей, вежливых, тактичных, вижу заботу о военнопленных. Находясь среди командного состава и рядового состава я не могу понять, кто старше, кто младше [по званию] все как один. А в Финляндии, как только [человек] вылезает в маленький чин, так к нему не подходи близко. Учиться рабочие и крестьяне могут только в начальной школе и то не все, а дальше им двери закрыты независимо от способностей, а дети богачей с пустыми головами, но крупными деньгами в кармане не заканчивают обучения и становятся к рулю правления страной.

Начальник морской полиции острова Сейскар Лайно, прослуживший 20 лет в полиции, сын таможенного мелкого чиновника, заявил: я до сего времени по данным финской прессы представлял ужасы, издевательства над арестованными ГПУ, этого и ожидал, когда меня задержали. Сейчас [я] убедился в гуманизме советских людей.

РГВМФ. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 12. Л. 29–30. Копия.

№ 7

Краснознаменный Балтийский флот
Штаб Островного укреп. Района
10 марта 1940 г.
№ 1/0107

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМУ ОТДЕЛУ ШТАБА КБФ КОПИЯ КОМАНДИРУ ЗИМНЕЙ ОБОРОНЫ

Препровождается при этом опросный лист на военнопленного ХОНГАНЕН АЛВАР захваченного нашей разведкой 9.03.40 г. на о-ве КОЙДЕ, отобранные у него личные вещи, с описью.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.

Начальник Штаба ОУР»а

Майор:

/Кузьмин/

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ ВОЕННОПЛЕННОГО

Фамилия, имя, отчество, социальное положение, откуда родом, должность, чин или звание, национальность, партийность, мобилизован или доброволец, время службы в армии и скакого времени в боях.	Хонганен Алвар /отец Кео/; 1916 года рождения, рабочий родом из местечка Нокия. Рядовой Равило-батальона (самокатного), финн, призван по мобилизации с 13 октября 1939 года. На этом участке (Хапасари) две недели. Прибыл с острова Кемия (р-н Турку).
--	---

Какой части (опрашивать до установления высшего соединения (части), известного пленному).	Равило-батальон — две роты 4 отделения. К-р батальона — майор Равило. К-р роты фендрик Кантониemi. К-ры взводы — " — Маттила — " — Пехема
Расположение части (занимаемые районы или пункты), что находится на фронте, что в резерве, где и с кем фланги (сведения отметить по карте), задачи.	Батальон расположен на Хапасари. Отдельные взводы несут охранение на островах Аскери, Койдэ и др. к ю. от Хапасари. На о. Рейскарри стоят другие части. Какие я не знаю. Кто справа и слева не знаю. На Кильмансари есть артил. и войска, но какие не знаю.
Дальнейшие вопросы заполняются производящим опрос.	Смена дежурных отделений производится в 18 час и заступают на трое суток. Наблюд. пункты находятся на о Хапасари. Батальон вооружен новыми шведскими винтовками и автоматами.
Подпись производящего опрос.	

Настроение у солдат плохое. Ждут конца войны. Все твердо уверены, что конец Маннергейма близок. Кормят плохо: как пример указал, чем кормят 7 часов выдают чай, сахар и галеты

10 часов — " — овсяную кашу без масла

5 часов — " — овсяная каша, картошка и немного молока

Он воевать в армии финской не хочет, но если разрешат поступить в народную армию — то он воевать будет.

Жена его уроженка Карелии по имени Елена Романова в 1917 году вместе со своей сестрой осталась на границе с Финляндией. Женился на ней недавно в декабре м-це, [во] время отпуска из армии.

Жена работает на резиновой фабрике в Ноккиа. Зарабатывает меньше 200 марок.

Опрос производил

Майор

/Кузьмин/

9.03.40

РГАВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 44–45об. Копия.

№ 8

Письмо финского военнопленного А. Хонканена

Уваж[аемые] братья! Вы пост[упайте] так же, как и я, и переход[ите] сюда и освоб[ождайте] ф[инскую] зем[лю] и нар[од], чтобы народ не терпел нужды. Бросайте оруж[ие] и след[уйте] к Кр[асной] А [рмии] и тем освоб[ождайте] наше отеч[ество] от ига, потому что здесь отн[ошение] гораз[до] лучше...

Один из Вашей партии, попавший сюда.

Хонканен.

РГАВМФ. Ф. Р-1159. Оп. 2. Д. 8. Л. 48. Подлинник.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

В. Е. Возгрин

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДАТСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Очевидно, требуется уточнение — что называть «современной» литературой — конкретно в теме истории датской колониальной империи? Чисто условно остановимся на последней четверти XX — начале XXI в., в виде исключения упомянув об одной-двух более ранних работах, того заслуживающих.

Вначале приведём некоторые сведения о предмете исследований датских историков. Некогда славный король Кристиан IV (правил 60 лет) решил поднять свою державу до уровня колониальной империи, какими тогда являлись другие великие европейские державы, и в том же XVII в. выполнил свой план. Первая его колония была основана в 1620 г. в Восточной Индии (Транкебар), а в 1666 г. ещё одна, в Новом Свете, под именем Датской Вест-Индии. Затем последовали колонии в Западной Африке (побережье Золотого Рога) и т. д.

Настоящего расцвета индийские колонии и датская океанская коммерция в целом добились в XVIII в., когда в одном лишь Транкебаре находилось дело для более чем 200 купцов. С 1725 г. её важной частью стала работоторговля, призванная снабжать африканской рабочей силой вест-индские колонии. От импорта этого товара империя добровольно отказалась в 1803 г., но к тому времени датчанами в Новый Свет уже было переброшено около 120000 африканцев. Впрочем, XIX веку было суждено стать последним в истории датского колониализма. Европейские войны подорвали мощь имперского флота и в 1845 г. Транкебар, а вместе с ним вторая колония в Индии, Серампур, были проданы Ан-

глии. В 1851 г. империя рассталась с африканскими владениями, в 1916 г. с вест-индскими¹, а в 1918 г. — и с исландскими. Позже других в её составе «задержались» бывшие североатлантические колонии Гренландия и Фарёрские острова, но и они обрели самостоятельность во второй половине XX — начале XXI в.

Первые работы датских учёных, посвящённые истории колониальной политике Дании, появились, едва эта эпоха пришла к своему завершению — имеются в виду статьи Георга Нёррегорда в центральном Историческом журнале². Впоследствии тема истории датской колониальной империи не раз поднималась в выступлениях историков разных школ и поколений, но ни их труды, ни вялая дискуссия в исторической научной прессе особого внимания общественности на себя не обращали. Так, в межвоенный период XX в. датская историография колониального периода была представлена практически одним исследователем-самоучкой Каем Ларсеном, чьи взгляды отличались ярким идеологическим этноцентризмом³, так как в его работах, посвящённых Гвинее, места аборигенам вообще не нашлось, всё внимание было посвящено исключительно датскому меньшинству колонии.

В послевоенный период в историографии Дании произошла некоторая переориентация, заметно возрос интерес к неевропейской истории, прежде всего стран Африки, но не только⁴. В 1950-х гг. появился коллективный труд, превосходящий своей основательностью всё, что писалось о датских колониях до или после этого, хотя с тех пор было сделано и делается немало. Начало такому примечательному прорыву положил старейший датский археолог и историк Йоханнес Брёндстед (1890–1965). Он собрал вокруг себя группу исследователей истории колониального прошлого Дании, а впоследствии редактировал их сочинения, собранные воедино в восьмитомном издании⁵, интерес к которому был столь велик, что его пришлось через десять лет переиздать. Следующая работа сравнимого масштаба появилась почти через тридцать лет — ею стали два объёмных тома, первый из которых был посвящён датским колониям в Азии и Африке⁶, а второй — вест-индским владениям короны⁷. При этом обе работы заслужили признание — в том числе за рубежом — за объективность, внимание к аборигенному населению и полное отсутствие «данофилии»⁸.

Ситуация стала иной после завершения холодной войны. Изменившийся мировой порядок, в котором ранее доминировали

две супердержавы, новая картина мира не могли не отразиться в выборе тем и приоритетов военного и послевоенного поколения историков. Это сказалось, прежде всего, в том, что такие фундаментальные этические проблемы, как противостояние силы и права, свободы и принуждения, стали незримо присутствовать в исторических трудах, в общем посвящённых иным, вполне специфическим темам, в том числе и абсолютно не относящихся к новейшей истории.

И, конечно, интерес к колониальной истории усиливает реакция на всемирный процесс глобализации. В частности, датчане ощутили его в связи с большими возможностями передвижения — прежде всего материальными, но и объективно расширившимся выбором мест посещения или же более или менее длительного проживания. Но глобализация одновременно увеличила неуверенность индивида в отношении собственной идентичности. Люди стали задумываться: что означает быть датчанином в Дании, Европе и мире? Такого рода размышления неизбежно заставляют человека обратить внутренний взор на самого себя — и на проблему отношения личности к миру. Столь же неизбежным становится стремление узнать что-то о временах и местах на планете, где некогда датчане значили куда больше, чем теперь, где они обладали влиянием на другие племена и народы. Впрочем, это не перечёркивает сказанного о глобализации — реакцией на неё становится желание стать частью большого мира, ведь существовала же некогда такая реальность — или это преувеличение, простительное для историков-патриотов? В этом, возможно, и кроется источник не только общественного, но и исследовательского интереса к данной теме — ведь аналитики склонны, часто и не подозревая об этом, отвечать на вопросы публики. Да и, в конце концов, кто оплачивает деятельность историков, музеев и университетов, как не общество?

Впрочем, и сами исследователи — такие же люди, что и их окружение, им тоже хочется понять самих себя по отношению к большому миру, так внезапно приблизившемуся и, что не менее важно — широко открывшемуся. Отсюда и стремление обратиться к колониальному периоду истории в качестве ещё одной попытки представить мир в картине, придающей исторический смысл с датской точки зрения, а отсюда уже рукой подать до всех остальных решений проблем идентичности —

в том числе значения собственной, национальной культуры во всемирной истории. Эти предположения — не досужие вымыслы или догадки: они подтверждаются авторитетными датскими исследователями⁹.

В последние десятилетия шли дебаты о датской истории колоний — какой она должна быть и чьей. При этом выступавшие доходили в азарте спора до того, что характеризовали всю датскую историографию послевоенного периода как «местечковую традицию этноцентричной национальной истории», в которой колониальная история имела незавидный статус «экзотической локальной истории»¹⁰. Это привело историческую науку поначалу к ситуации, в которой само понятие «колониальная история» сменилось оценочно более низким, более узким смыслом — историей экспансии. Однако она по-прежнему была сфокусирована на европейских акциях и поэтому могла впоследствии смениться так называемой «заморской историей» — да и то лишь в случае, если соответствующие исследователи были культурно чувствительны и искренне интересовались культурными и социальными системами неевропейских стран¹¹.

При этом осторожность специалистов в остром вопросе о постколониальной этике превратилась в некий синдром, вызванный осознанием евроцентричности науки в прошлом и соответствующей рефлексией. Лучшим примером этого психологического перекося может служить ситуация, сложившаяся в копенгагенском Национальном музее. В этом культурно-этнологическом институте мирового значения существует научный отдел «Заморской исследовательской сети» (*Oversøiske Netværk*), сотрудники которого занимаются в музее бывшими датскими колониями. Но что показательно — их отдел не называется, скажем, «*Kolonihistoriske Netværk*», что гораздо более соответствовало бы действительным его занятиям. Причина здесь проста: это не было бы «политически корректно», как говорят в музее. Там существует буквально боязнь прикосновения к сущностям, неоднозначным в национально-этическом отношении, в чём признаются сотрудники отдела: «Мы ходим, как кошка вокруг горячей каши, и не смеем говорить о колониях»¹².

Между тем датская колониальная история на первый взгляд никак не относится к отраслям дисциплины, обиженным вниманием специалистов. Утверждают даже, что трудно найти ка-

кую-нибудь колониальную торговую инициативу, колониста-предпринимателя, миссионера или губернатора в заморских владениях Дании, которые не освещались бы в национальной историографии, причём в нескольких аспектах¹³. С другой стороны, уже давно сложилось мнение, что колониальная составляющая прошлого Дании с давних пор и поныне остаётся некой периферийно-экзотическим разделом «собственно» датской истории, так и не вошедшим в комплексное понятие национального самовосприятия¹⁴. В массе своей датчане убеждены в том, что их страна никогда не являлась «настоящей» колониальной державой. Уже по этой причине имеет смысл продолжить исследования — в том числе и остро критические — датских колониальный и постколониальных отношений (о датском неокOLONIALИЗМЕ здесь речь идти не может как о крайне ограниченном во времени и масштабе опыте, завершившемся ещё в начале XX в¹⁵). В этом отношении удачно заполняет работу Ларса Йенсена, посвящённая практически всем проблемам, бывшим актуальными в колониальный период и в некоторых смыслах остающимся таковыми сегодня¹⁶.

В то же время сохраняет своё значение неновый уже двухтомник с комплексной тематикой, основанный на многочисленных материалах Ригсаркива и рукописях Королевской библиотеки — основополагающий коллективный труд, на который опираются и ещё долго будут опираться все историки датского колониализма¹⁷. В 1980 г. вышли в свет дополнительные тома к многотомной «Истории Дании», подготовленной в издательстве Политикен¹⁸. Они были посвящены колониям в Азии, Африке и Вестиндии. Основной акцент в них делался на истории торговли — угол зрения, позволявший увидеть акции Дании в контексте мировой истории колониализма. Но когда через несколько лет стали выходить тома очередной большой «Истории Дании» (в совместном проекте двух крупнейших издательств страны — Гюльдендаль и Политикен), то места для отдельных монографических исследований об истории колониализма в этой серии не нашлось. Впрочем, издатели, понимая, что без «колониальной» страницы история королевства полной быть не может, попытались распределить этот материал в основном тексте¹⁹. Впрочем, не вполне удачно.

Следует заметить, что соответствующие главы оказались далеко не столь информативными, как тома предыдущего проекта — чего в научных кругах Дании и ожидали. Хотя всё, что в нём сделал Оле Фельдбэк, заслуживает высочайшей оценки — в особенности его выводы о культурно-исторических метаморфозах XVIII в. Но что касается столь значительной темы, как освобождение рабов — то в последовавших томах она вообще игнорировалась. И уже через несколько лет эта очередная «История Дании» подверглась уничтожающей критике — за неспособность её авторов взглянуть на тему с точки зрения колонизованных народов. Они смотрели на развитие событий в колониях в европейской перспективе часто в форме истории коммерции или экономики, а события в жизни колонизованных народов интересовали их крайне редко²⁰.

В этот же период некоторые историки и антропологи пошли по пути внедрения такого национального и этноцентричного подхода к колониальному прошлому Дании. Имеется в виду книга двух копенгагенских историков²¹, в которой они попытались раздвинуть классические рамки национальной истории Дании — для лучшего её понимания соотечественниками. Они видели Данию в форме империи до рокового 1864 г²², когда она превратилась в национальное государство, хоть и отягощённое имперскими аппендиксами в виде остававшихся при ней вест-индских и северо-атлантических владений. Эта книга преобладающе посвящена доминирующему политическо-административному уровню, но являет собой также интересную попытку представить Данию чем-то большим, чем национальное государство, остававшееся таковым с периода Кальмарской унии до завершения холодной войны.

В 2008 г. вышла книга, традиционно посвящённая не совсем точному юбилею запрещению Данией работорговли²³ — по некоторым исследованиям, эта судьбоносная для сотен тысяч невольников и белого населения колоний акция была осуществлена впервые в истории Европы²⁴. В этом труде Э. Гёбеля было приведено множество источников — в текстуальной форме, по которым автор провёл анализ действий датской колониальной администрации в Копенгагене и на местах. В основном исследовательское внимание уделено здесь инициативам министра финансов (1784–1813 гг.) графа Эрнста Шиммель-

мана — в результате которых и последовал столь необычный в ту эпоху односторонний отказ от практики работорговли. Разбираясь с источниками, имеющими отношение к этому решению, Э. Гёбель обнаружил немало причин к его разработке — как экономических, так и внешнеполитических. Однако он склонился в конечном счёте к тому, что основную роль здесь играли общегуманистические факторы — на пороге стоял либеральный XIX век. Собственно, здесь он продолжает линию уже упоминавшихся историков Оле Фельдбэка и Свенда Эрика Грен-Педерсена.

А если обратиться к истории вест-индских колоний, то обнаружится, что и здесь появились весьма значащие новинки — в 2010 г. Луиза Себро обнародовала свою докторскую диссертацию, посвящённую этнической идентичности и социальной ориентации африканских рабов на датских вест-индских островах в XVIII в. Этот труд, получивший исключительно высокую оценку, был подготовлен на не совсем обычном круге исходных данных — а именно на преданиях, фольклоре и модели жизни афро-карибского населения. Среди прочего, он был основан и на высказываниях и действиях потомков рабов, «чей голос вплетается в круг источников»²⁵. Эта диссертация являет собой попытку «написать датскую колониальную историю с точки зрения аборигенов» (что в наши дни уже перестаёт быть редкостью²⁶), имея в виду рабов Карибского моря. Соответствующее стремление вовлечь в датскую колониальную историю афроамериканских её участников лежит в основе проделанного Гунвором Симонсеном анализа положения рабов в отношении к правопорядку в Вест-Индии, а также необычного исследования Перниллой Ипсен в области интимных отношений между датчанами и африканцами в колониях Золотого берега Африки²⁷.

Никлас Тоде Йенсен, работая над проблемой здравоохранения и заболеваний среди рабов, подготовил в 2009 г. объёмную статью для тематического номера одного из изданий американского Института истории медицины Джона Гопкинса. В ней он рассмотрел комплексную историю противооспённых прививок в неевропейских странах в течение XIX в. Таким образом местные проблемы датских колоний в Вест-Индии были вписаны во всеобщую историю медицины²⁸. История датской колонии в Индии была основательно исследована в одном из отделов

копенгагенского Национального музея, известного под именем *Trankebarinitiativ* и руководимого Эстер Фил. Результатом этой работы стала публикация в индийском журнале «Review of Development and Change», в специальном номере которого датскими авторами был охвачен период с прибытия на восточно-индийское побережье первой датской экспедиции в 1620 г. до развития туристической отрасли индийской экономики и культуры в современности. При этом учёные не ограничились анализом ситуации на скромной датской торговой станции Транкебар на восточном берегу Индии, а обследовали население обширных областей всей южной части огромного полуострова²⁹.

Один из авторов специального номера, профессор известного этнологического САКСО-института Копенгагенского университета Карен Аста Вальлгорда, пять лет тому назад завершила докторскую диссертацию, посвящённую датским миссионерам во время британского управления колонией в конце в XIX в. Таким образом, хронологически её работа охватывает период, наступивший после эпохи датского колониализма, но до того, как Индия вступила в полосу постколониализма. Исходя из теории постколониализма К. А. Вальлгорда сосредоточила своё внимание на эмоциональных отношениях датских миссионеров к индийским детям, придя к выводам, в целом лестным для этих культуртрегеров. Второй темой исследовательница избрала повседневную жизнь Транкебара в более поздний период, уже под британской колониальной властью. Являлись ли датские, то есть «чужие» миссионеры послушным орудием этих властей или представляли собой группу, смягчавшую английский колониальный режим? Вопрос профессиональный и даже классический — в смысле выхода исследования из рамок узко национального исследования датской специалистки³⁰.

Гораздо большая тематическая и хронологическая перспектива выделяет книгу датских исследовательниц, посвящённую колонизации Гренландии, Золотого берега, островов Вест-Индии, ряда азиатских территорий³¹. Выгодно отличается этот объёмный труд и обилием приводимых к каждой главе текстуальных источников, а также редких (старинных) иллюстраций. Поставив перед собой задачу максимально широкого охвата материала, авторы удачно решили её, выстроив своё исследование по хронологическому принцип, «нанизав» тематически разнородные

сюжеты на единый композиционный стержень. Этот приём позволил им с тем большей убедительностью продемонстрировать, например, как идеи Просвещения далеко не одинаково воспринимались в датских колониях, разбросанных по всему свету. В данном случае компаративный метод оправдывает себя и в удавшейся попытке авторов оценить значимость и стойкость культурных, экономических и иных зримых следов, оставленных датчанами в их бывших колониях.

Интересные события развернулись в последнее время вокруг колониальных владений Дании в Северной Атлантике. Группа историков создала в 2002 г. исследовательскую организацию для раскрытия истории Северо-Запада (*Netværket Vestnordens historie* или в обиходе *VNHnetværket*). Учёные исходили в постановке своей задачи из того, что общая история северо-западных атлантических стран во всеединой цельности пока не создана и что до сих пор исследователи не охватили этот обширный регион анализом в широкой перспективе. Уже появились первые издания этого центра, привлёкшие внимание этнографов, антропологов, историков, экономистов и политиков разных стран, где имеются планы на развитие собственной научной и хозяйственной деятельности в регионе³². Среди более ранних публикаций можно назвать компаративное исследование Й. К. Манниха, в котором он сравнивает такие разнородные феномены истории, как датский колониализм в Гренландии и британский — в Индии³³.

В целом же в деятельности VNH-netværket явны попытки переосмыслить историю датских колоний в Северной Атлантике в новой, суженной и конкретизированной национально-датской рамке. Что представляется весьма перспективной установкой, учитывая уникальность датского «колониализма» в Гренландии.

Давно известно, что величайший остров мира, если углубиться в датско-гренландские экономические отношения, не только не принёс метрополии доходов, но и требовал начиная с XVIII в. и до настоящего времени затрат, несовместимых с бюджетом Дании как одной из самых небольших стран Европы³⁴. Причём эта ситуация не изменилась с выходом Гренландии из состава Датского королевства. Миллионные дотации продолжают ежегодно поступать из бывшей метрополии в независимый Нуук (бывший Годтхоб)³⁵.

К упомянутым трудам тематически близки работы научного сотрудника из упоминавшегося САКСО-института, адъюнкта Сёрена Руда, в которых действия датской администрации в Гренландии анализируются, исходя из различных взглядов на природу постколониализма, а также из известного понятия М. Фуко о *«gouvernementality»* — термин, для которого нам (и не только нам) крайне затруднительно найти более или менее адекватный эквивалент в русском языке³⁶. Таким образом, нельзя не признать, что гренландская действительность с 1945 г. до настоящего времени получила всестороннее научное освещение, главная заслуга в чём принадлежит датским исследователям различных специальностей.

Существует определённое место для продолжения культивирования ранее игнорированных социальных и экономических сфер. Это именно то пространство, о котором писал молодой историк Ларс Йенсен в книге «Дания — государственная общность, тропические колонии, постколониальное наследство». Для упомянутых сфер имеется определённый шанс на развитие и улучшение. Но это именно то поле, против которого выступает в своей книге Л. Йенсен.

Некоторые из трудов своих предшественников он использовал, другие — не называл, но в конечном счёте пришёл к выводу, что история Дании с её государственным единством, бывшими тропическими колониями и постколониальным наследством — никак не может быть частью длинного ряда штудий о колониальных и постколониальных отношениях. Л. Йенсен полагает, что в данном аспекте история Дании, как и её отношения к бывшим колониям сегодня совершенно атипичны. Главная задача этого труда — поставить диагноз современности. И автор стремится «отчасти спровоцировать поразумевающиеся личные и чужие точки зрения посредством иной, более резкой оптики, а отчасти показать, каким образом то, что мы воспринимаем как проблемы приспособления к глобализации в более открытом (по крайней мере, для нас), но и более сложном мире после холодной войны, есть не более, чем ветвь, отходящая от старого исторического ствола, который не только релевантен по отношению к собственно-историческим отношениям, но и связан с нашей глобальной современностью»³⁷.

Эта точка зрения прежде всего — пример репрезентативной истории. Главное внимание уделяется постколониальной действительности, хотя в обратной перспективе представлена Дания едва-едва получившая статус (современной) колониальной державы с отправкой экспедиции в Ост-Индию в 1618 г. Смысл здесь, очевидно, в демонстрации и анализе континуитета между нынешней активностью Дании в глобальном пространстве и её часто забываемом прошлом как колониальной державы. Л. Йенсен презентует себя как учёного, который действует в многоплановом пространстве «между культурологическими и постколониальными студиями»³⁸. Выражаясь его словами, он хочет подвергнуть историю Дании анализу, используя оптику постколониализма. Но что это за оптика?

«Постколониализм» — один из тех «измов», что плохо поддаются дефиниции. Но как-то приблизиться к пониманию сути явления всё же можно. А вот чего нельзя — так это связывать его с периодизацией. Речь идёт не о времени, наступившем после колониализма, а наоборот — о связях, сохраняющихся вопреки этому. Речь идёт скорее о том, как колониальное прошлое прочитывается снова в свете формальной деколонизации, но также и о том, как колониализм в некоторых областях и локальных обществах остаётся «в деле». «Колониализм не исчез, когда колонизаторы разъехались по домам. Уже поэтому постколониализм — не хронологическое понятие»³⁹.

Постколониализм несёт в себе разрыв с евроцентризмом и его теоретики критикуют западный взгляд на не-западный мир. Но он не верит аутентичным голосам аборигенов. Он не западный. Это гибрид с двусмысленной сутью. Вызвано это тем, что он — студия ситуации, которая доминирует в мире, где утратило смысл разделение на колонизаторов и колонизируемых. Постколониализм скорее заинтересован в способах, которыми понятия и институты выкристаллизовываются или изменяются в угоду (пост) колониальности. Излюбленная тема при этом — ах, как огорчительно, что субъекты колонизации переняли и усвоили элементы культуры колонизаторов!⁴⁰

Но вот возникает вопрос — когда Дания перешла от самоидентичности как обычная — разве чуть скромнее — колониальная держава-эксплуататор к пониманию себя как особо гуманной колониальной державы? Да приблизительно тогда же, когда

и все остальные, считает Л. Йенсен. Которые вовремя расстались с колониями — и тут же стали нападать на некоторых заправившихся и невнимательных⁴¹.

Недостаток книги Л. Йенсена и некоторых его коллег в том, что они ограничиваются критическим анализом других аналитических работ, часто не располагая источниковой платформой, на которой эта критика может строиться, и не тратя время на серьёзный анализ истории колониализма. Авторы используют материалы постколониальных институтов или крупных чиновников (напр., в Гренландии) с тем, чтобы их же и критиковать.

В последнее время начинают появляться и исторические анализы отношения Дании к постколониальному миру в целом. Наиболее значительным в этом смысле выступает всесторонний анализ датской дотационной политики, опубликованный под названием «Идеалы и реальность» в качестве тома-приложения к серии «История датской внешней политики». То, что эта книга вышла в качестве приложения к «настоящей» внешнеполитической истории — лишь непредусмотренная издателями иллюстрация той точки зрения, что колониальное и постколониальное исследовательские поля — лишь ответвления от майнстрима истории Дании⁴². Но столь же удивительно, что эта книга вообще увидела свет.

В этой связи необходимо вспомнить о труде, вышедшем в проекте-серии «Ютландский историк» под титулом «Истории о датской помощи развивающимся [странам]»⁴³. Один из материалов этой книги выявляет особенности мировоззрения датских работников по оказанию помощи Индии около 1950 г. и его источнику — миру колониальных представлений и убеждений. Сам автор признал в одной из своих статей, что он предпринял скромную попытку написать историю колоний, не обращая внимания на пропасть, разделяющую колониальный и постколониальный периоды⁴⁴. В том же номере «Ютландского историка» помещена статья с анализом результатов многообразной деятельности настоящего флагмана датской политики помощи развивающимся странам, а именно проекта, разработанного для Бангладеш⁴⁵.

Тех, кто подозревает, что автор этих работ и его коллеги по-прежнему слишком «национальны» в своих исходных позициях, можно отослать к двухтомнику «Движение помощи»

(«The Aid Rush»), посвящённому соответствующей активности в странах Северной Европы во время холодной войны. Хотя большинство анализов по-прежнему носят национальную окраску, выступают они в нескрываемо транснациональной и соревновательной форме⁴⁶. Ещё одним примером выхода из узконациональной перспективы может служить аналитический обзор осуществления весьма проблематичного и дискуссионного общескандинавского проекта внедрения кооперативных начал в Танзании периода правления Джулиуса Ньерере⁴⁷, к чему именно в Дании имелись солидные наработки ещё с середины XIX в.⁴⁸

Наконец, интересоваться современным отношением к колониальному прошлому и возможностями его «утилизации» ко всеобщей пользе стали не только историки, но и литературоведы, и антропологи, и представители туристического бизнеса. Последний, наряду с освоением богатств культурного наследия, вообще стал излюбленной темой в обсуждении перспектив будущего.

За примерами далеко ходить не нужно — выше уже говорилось об инициативах «Заморской исследовательской сети» копенгагенского Национального музея — добавим лишь информацию о статьях его сотрудницы Кирстен Тистед, посвящённых известному результату человеческого одиночества в Гренландии — так называемой «постколониальной меланхолии»⁴⁹. Этот психический недуг вызывается двумя непривычной для гренландцев факторами. Во-первых, это сравнительная материальная обеспеченность, которая оставляет массу свободного времени, ранее без остатка занятого постоянной борьбой за выживание. Во-вторых, это полярное одиночество — в молодых городах грандиозного острова живут далеко не все аборигены. Эти обстоятельства вкупе и служат источником особого вида меланхолии, лёгкая форма которой проявляется в общей неудовлетворённости существованием и бесплодных попытках его оптимизировать, а в тяжёлых — в агрессии, немотивированных убийствах и пр⁵⁰. Наблюдаются и другие проблемы в этой области, причём не только в Гренландии, но и в Индии.

Датская научная сотрудница Бирмингемского университета Хелле Йоргенсен заинтересовалась необычным вопросом: чью историю сегодня пытаются сохранить в Транкебаре и под чьим контролем идёт этот процесс? В её работах анализируется лю-

бопытное, проявившееся в постколониальный период поле напряжения между датскими интересами, — среди прочего представленными сотрудниками и руководителями таких негосударственных организаций, как Bestsellerfonden⁵¹ — и официальной Индией с её местным населением. Близкий к теме исследований Х. Йоргенсен проект был осуществлён доктором наук, сотрудницей датского Institute for International Studies Астрид Нонбо Андерсен. Она подвергла всестороннему анализу не практическое, ориентированное на сегодняшний день использование прошлого, а стратегическое применение исторических знаний в отношении проблемы рабства в датской Вест-Индии⁵². Ей же принадлежит труд с титулом, объясняющим его содержание: «Вернуть Транкебар на карту: культурные и физические конфликты в развитии ценностей транснационального наследия»⁵³.

В целом картина исследований вырисовывается довольно чётко. Жаловаться на неудовлетворительные условия публикации учёные не могут — их работы безотказно принимают датские и ещё более охотно — иностранные издательства. Эта ситуация ценна тем, что объективно отражает стремление к диалогу многонациональных исследователей колониальной истории — или истории колониализма. Но отчасти она нерациональна — зарубежные публикации утрачивают «своего» датского и скандинавского потенциального читателя, в общем, владеющего английским языком, однако всё же не поголовно.

Это поле характерно многочисленными публикациями в международных журналах, и легко представить себе, что оно отражает более общее желание вступить в диалог с транснациональным исследованием истории колоний. Явно проявляется интерес и желание понять колониальные отношения Дании в более широком контексте, чем национальный — ведь имели же место стремления создать социальную перспективу для колонизованных. Наконец, можно обнаружить растущий интерес в стремлении понять Данию в постколониальных контекстах. Например, является ли она донором бескорыстной помощи или всего лишь поставщиком туристов в Транкебар?

В 2004 г. в Национальном музее зародилась новая инициатива, на этот раз в рабочей группе *Ghana Initiativet*. Её сотрудники поставили себе задачей сохранить общее датско-ганское культурное наследие, сложившееся на Золотом берегу как один

из результатов основания датских укреплений в 1658 г. и дальнейшего пребывания датчан в этой колонии. То есть вплоть до 1850 г., когда датское государство по причине убыточности этого предприятия продало его Великобритании.

Музейные работники из *Ghana Initiative* разработали в этом направлении несколько проектов. Первый и, как показало его осуществление, самый универсальный концентрировался на главной датской крепости этого региона — Фредериксгаве. Именно здесь и в его окрестностях датским археологам удалось обнаружить самые богатые материальные источники, на основе которых они реконструировали ряд объектов инфраструктуры колониального периода. Это — материальная реплика к истории последней попытки датчан добиться положительного баланса в их стремлении сохранить свои владения на Золотом берегу после знаменательной отмены работорговли в 1803 г.

Но датчане использовали некогда этот берег и в рекреативных целях. Сюда приезжали поправлять здоровье зажиточные чиновники и знать. И, возможно, именно эта функция Золотого берега заложила (или укрепила) основы датско-ганского культурного обмена. В настоящее же время идёт речь о междисциплинарном проекте, инициатива и воплощение которого имели место в сотрудничестве с ганскими властями и университетами. В осуществлении его ремесленные изделия предоставляются для изучения (а новодельные — для дальнейшего сбыта) местным населением. Финансовое его обеспечение взял на себя датский Августинский фонд⁵⁴. А в 2007 г. был создан сайт *Frederiksgave Plantation and Common Heritage Site*, который стал не только научным фондом, но и, как утверждается, памятником датским служащим, долгое время жившим в этой колонии бок о бок с невольниками, работавшими на них⁵⁵.

В настоящее время историки датской колониальной империи возлагают немалые надежды на такого рода сотрудничество — не только культурно-просвещенческое, но и чисто историографическое. То есть позволяющее судить, как излагаемая для нас история ганской колонии вписывается в накопленную информацию — как ганскую, так и датскую. И это уже не говоря о роли, которую способен сыграть в истории этот неординарный проект. По крайней мере, уже сейчас в обществе Ганы активно проводится политика возрождения истории собственного про-

шлого — это необходимо для воссоздания истории страны и её народа⁵⁶. И на этой же почве — и ни на какой иной — можно продлевать перспективу до тех пор, когда из наших слабеющих рук её примут местные, ганские, говорят датчане. Одна из более конкретных задач — запустить ганскую политику воспоминания, и как она встроится в современное ганское общество на фоне всё более известных фактов о трансатлантической работорговле, и какую роль в возможном этом конфликте сыграет упомянутый фонд Фредериксгаве?

¹ Подробнее о распаде империи см.: *Возгрин В. Е.* История шведской и датской колониальных империй. СПб.: Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 2011. (далее: Возгрин, 2011).

² Подробнее см.: *Kryger Larsen H.* Splid, nedgang og nye impulser. *Historisk Tidsskrift* 1917–1942 // *Historisk Tidsskrift*. 2014. Bd. 114. H. 1. S. 164.

³ Под этим термином чаще всего подразумевается склонность использовать понятия и нормы собственной культуры для понимания и оценки инокультурных сущностей — в частности, с европейской точки зрения. В работах же, посвящённых колониальной истории Дании, нередко приходится иметь дело с конкретным «системным евроцентризмом в датской одежде» (*Snderholm-Jensen T.* *Fortiden er en by i Afrika?* København, 2010. S. 14).

⁴ *Steensgaard N.* *Universalhistorie, samfundshistorie og historisk strukturalisme* // *Historisk Tidsskrift*, 1980. Bind 14. række, 1. H. 1. S. 83.

⁵ *Vore gamle tropekolonier*. Bd. I–VIII. København, 1952–1953.

⁶ *Feldbæk O., Justesen O.* *Kolonierne i Asien og Afrika*. København, 1980.

⁷ *Hornby O.* *Kolonierne i Vestindien*. København, 1980.

⁸ *Willemoes-Jørgensen P. C.* «Ove Hornby. Kolonierne i Vestindien»; «Ole Feldbæk og Ole Justesen: Kolonierne i Asien og Afrika». *Danmarks Historie — uden for Danmark*. København, 1982. S. 349; *Hernæs P.* *Dansk kolonihistorie og Afrika. Et angreb på den «danofile» tradisjon innen historieskrivninge om Gullkysten (Ghana) Fortid og nutid*. Bd. 32, 1985. S. 73, 2. spalte, l. 3–5.

⁹ *Sebro Louise.* *Danmark og den koloniale fortid* // *Arkæologisk Forum* nr. 14, Maj 2006. S. 2.

¹⁰ *Green-Pedersen S. E., Willemoes Jørgensen P. C.* *Dansk Kolonihistorie — det globale perspektiv* // *Dansk Kolonihistorie. Indføring og studier*. Århus, 1983. S. 9–18.

¹¹ *Fihl E.* Some theoretical and methodological considerations on the study of Danish colonialism in Southeast India. *Folk*, 1984. Vol. 26. P. 51–66.

¹² *Jørgensen H.* *Tranquebar — hvis historie?* // *Tranquebar Initiativets skriftsserie*. Nr. 3, 2008. S. 7.

¹³ *Brimnes N.* *Dansk kolonihistorie mellem historievitenskaben og antropologi — et forslag til metode* // *Den Jyske Historiker*. 1992. Vol. 60. S. 183.

¹⁴ *Nonbo Andersen Astrid.* «We Have Reconquered the Islands»: Figurations in Public Memories of Slavery and Colonialism in Denmark 1948–2012. // *International Journal of Culture, Politics and Society*, 26:1, 2013, s. 57–76.

¹⁵ Об этом см.: Возгрин, 2011. С. 198–200.

¹⁶ *Jensen L.* Danmark — rigsfællesskab, tropekolonier og den postkoloniale arv. København, 2012.

¹⁷ *Vore Gamle Tropekolonier.* Bd. I–II. København, 1952–1953.

¹⁸ *Feldbæk O., Justesen O.* Kolonierne i Asien og Afrika, København, 1980; *Hornby O.* Kolonierne i Vestindien, København, 1980.

¹⁹ *Hvidt K.* Det folkelige gennembrud og dets mænd 1850–1900 (Politikens og Gyldendals Danmarkshistorie bd. 11), København, 1990. S. 20. См. также: *Feldbæk O.* Den lange fred, 1700–1800 (Politikens og Gyldendals Danmarkshistorie bd. 9), København, 1990; Claus Bjørn: Fra reaktion til grundlov 1800–1850 (Politikens og Gyldendals Danmarkshistorie bd. 10), København, 1990.

²⁰ Fog Olwig Karen. Hvad skal vi med dansk kolonihistorie? // Fortid og Nutid. Tidsskrift for Kulturhistorie og Lokalhistorie. Udgivet af Dansk Historisk Fællesforening. 1985. Bd. XXXII. S. 68–71.

²¹ *Bregnsbo M., Villads Jensen K.* Det Danske Imperium. Storhed og Fald. 2004.

²² Имеется в виду утрата Данией значительной части своей территории (Южный и Северный Шлезвиг) в результате поражения во Второй шлезвигской войне.

²³ *Gøbel E.* Det danske Slavehandelsforbud 1792. Studier og kilder til forhistorien, forordningen og følgerne. Odense: Syddansk Universitetsforlag 2008. Se især S. 139–142.

²⁴ Возгрин, 2011. С. 146.

²⁵ *Sebro L.* Mellem afrikaner og kreol. Etnisk identitet og social navigation i Dansk Vestindien 1730–1770. Lund. 2010. S. 19.

²⁶ Трудно удержаться от самоцитирования — но такие совпадения крайне редки: описание многовековой истории крымских татар было подготовлено автором этой статьи, тогда ещё не знакомым с трудом Луизы Себро, точно так же, с целью озвучить точку зрения на собственную историю самих аборигенов, а не учёных из бывшей метрополии (см.: *Возгрин В. Е.* История крымских татар. Очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырёх томах. СПб., 2013. Т. I. С. 6).

²⁷ *Simonsen G.* Legality outside the Courtroom: Practices of Law and Law Enforcement in the Danish West Indies at the End of the Eighteenth Century // *Quaderni Fiorentini. Per La Storia del Pensiero Giuridico Moderno.* 2004–2005. P. 933–934; *Ipsen P.* «The Christened Mulatresses»: Euro-African Families in a Slave Trading Town // *The William and Mary Quarterly.* 2013. Vol. 70. № 2. P. 371–398.

²⁸ *Thode Jensen N.* Safeguarding slaves: Smallpox, Vaccination, and Governmental Health Policies among the Enslaved Population in the Danish West Indies, 1803–1848 // *Bulletin of the History of Medicine.* 2009. Vol. 83:1. P. 95–124.

²⁹ *Cultural Encounters in Tranquebar: Past and Present* // *Review of Development and Change.* 2009. 14:1–2.

³⁰ *Vallgård Karen A.* A. Bringing Children Into the Fold. Danish Missionaries in Colonial South India, 1864–1918, ph. d-afhandling, Københavns Universitet 2012; *Vallgård Karen A. A., McLisky C. L., Midena D. R.* Emotions and Christian Mission: Historical Perspectives. London, 2015; *Vallgård Karen A. A.* Imperial Childhoods and Christian Mission. Education and Emotions in South India and Denmark. London, 2014.

³¹ *Rostgaard M., Schou L.* *Kulturmoder i dansk kolonihistorie.* København, 2010.

³² Одна из крупных коллективных публикаций VNNetværket такого рода: *Thór J. T., Thorleifsen D., Mortensen A., Marquardt O.* Naboer i Nordatlanten: Færøerne, Island og Grønland. Hovedlinjer i Vestnordens historie gennem 1000 år. Tórshavn, 2012.

³³ Manniche J. C. Den Store og Den Lille Kolonialisme — Grønlands Kolonihistorie i Internationalt Lys? // De Vestnordiske landes fælleshistorie. Nuuk: Direktoratet for Kultur, Uddannelse, Forskning og Kirke, 2003.

³⁴ Об этом см. в: Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. М., 1984. С. 142–144.

³⁵ Возгрин В. Е. Датский путь к деколонизации Гренландии: вызов современной колониальной идеологии и практике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2010. С. 259–274.

³⁶ Rud S. Colonialism in Greenland: Tradition, Governance and Legacy. L., 2016. Rud S. A correct Admixture: the ambiguous Project of Civilising in nineteenth-century Greenland. Itinerario, 33:2, 2009. P. 29–43; Rud S. Visse klasser. Samfundsorden og ledelse I 1800-tallets Grønland // Temp tidsskrift for historie. Vol. 3, 2011. S. 130–155.

³⁷ Jensen L. Danmark — rigsfællesskab, tropekolonier og den postkoloniale arv. S. 19–20.

³⁸ Ibid. s. 15.

³⁹ Bill Ashcroft: Post-colonial Transformation. London, 2001. P. 12.

⁴⁰ Brimnes N. Danmark i postkolonismens vridemaskine // Temp — tidsskrift for historie. Vol. 6. 2013. S. 189.

⁴¹ Jensen L. Danmark — rigsfællesskab, tropekolonier og den postkoloniale arv. S. 85–86.

⁴² Kaur-Pedersen S., Friis Bach C., Borring Olesen T., Pedersen J. Idealer og Realiteter. Dansk Udviklingspolitik Historie 1945–2005. København, 2008.

⁴³ Brimnes N. Historier om dansk udviklingsbistand / red. Per Vingaard Klüver, Helle I. M. Sigh // Den jyske Historiker. Vol. 120. Aarhus, 2008. 2008.

⁴⁴ Brimnes N. Dansk kolonihistorie mellem historievidenskab og antropologi — et forslag til metode // Den Jyske Historiker. 1992. Vol. 60. Aarhus, 2008. S. 187.

⁴⁵ Brimnes N. Pragt og elendighed. Forestillinger om Indien hos skandinaviske læger og sygeplejersker under og efter den internationale tuberkulosekampagne 1948–51 // Den jyske Historiker. Vol. 120. Aarhus, 2008. S. 18–35.

⁴⁶ The Aid Rush. Aid Regimes in Northern Europe during the Cold War. Vol. I–II. Oslo, 2008.

⁴⁷ Paaskesen K. R. A Bleak Chapter in Nordic Development Aid History?: the Nordic Cooperative Assistance Project in Tanzania // Scandinavian Journal of History, 35:4, 2010. P. 451–70.

⁴⁸ Подробнее о становлении, развитии этого движения и его уникальных результатах см.: Возгрин В. Е. Датское крестьянство в XVI — середине XIX в. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. М., 1986. С. 302–306.

⁴⁹ Thisted K. Where once Dannebrog waved for more than 200 Years. Banal Nationalism narrative Templates and post-colonial Melancholia // Review of Development and Change, 14:1–2, 2009. P. 147–172.

⁵⁰ Возгрин В. Е. Гренландия и гренландцы. С. 58–59.

⁵¹ Bestsellerfonden — независимая благотворительная некоммерческая организация, основанная в 1995 г. семьёй датских миллиардеров Поульсенов, помогающая группам из низших социальных страт Индии и Китая. Фонд имеет в этих странах предприятия, производящие одежду и самую необходимую утварь. Помощь оказывается в первую очередь сиротам и другим детям, необеспеченным заботой взрослых, а также хроническим больным. Поддерживает инициативы, касающиеся локальных общин, профилактики заболеваний, а также этнокультурных исследований, защиты окружающей среды; имеются и другие гуманитарные, просветительские, художественные и общекультурные проекты.

⁵² *Jørgensen H.* Remoteness and Development: Transnational Constructions of Heritage in a former Danish Trading Colony in South India // *History and Anthropology* Vol. 23:2. 2011. P. 169–186.

⁵³ Эта работа опубликована в коллективной монографии *Beyond Tranquebar: Grappling across Cultural Borders in South India*. Orient Blackswan. New Delhi, 2014.

⁵⁴ Августинский фонд (Augustinus Fonden) был основан в 1942 г. фирмой Chr. Augustinus Fabrikker A/S по инициативе табачного фабриканта Людвига Августинуса. Обладая совокупным капиталом, превышающим 15 млрд крон (2015), фонд расходует его на благотворительные, гуманитарные, культурные и научные цели. Подр. о нём см.: *De tjener på tobak og støtter kulturen med millioner* // *Berlingske Business*. 3. December 2005.

⁵⁵ *Sønderholm-Jensen T.* Fortiden er en by i Afrika? S. 4.

⁵⁶ *Ibid.* S. 5.

Б. С. Жаров

ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ДАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА БЕРЕГАХ ФОНТАНКИ

Общепринятый оборот «на берегах Невы» говорит о чем-то происходящем в Петербурге. Между тем в городе немало других рек, на берегах которых происходили интересные события. На набережной реки Фонтанки под современным номером 21 числится Шуваловский дворец, который с 1780-х гг. принадлежал различным владельцам, а в XX в. различным арендаторам. С 1965 г. и вплоть до начала нынешнего тысячелетия он был известен горожанам и гостям города как Дом мира и дружбы с народами зарубежных стран или, более кратко и понятно, «Дом дружбы». В нем трудился коллектив сотрудников, которым на общественных началах помогали многочисленные активисты. Среди обществ дружбы было отделение общества «СССР-Дания», где автор этих строк в 1960–1980-е гг. был сначала ответственным секретарем, затем заместителем председателя. Несомненно, что это время заслуживает внимания, поскольку позволяет представить наиболее яркие эпизоды пребывания некоторых видных деятелей датской культуры, бывших гостями «Дома дружбы».

В частности, в июне 1966 г. на целую неделю в Ленинград приехала делегация общества «Дания-СССР». Этот приезд по интенсивности и в особенности по последующим событиям намного превосходил рядовые приезды деятелей культуры. В состав делегации входил известный датский теоретик танца, автор книг и статей, основатель многих театральных коллективов, в тот момент директор труппы «Скандинавский балет» Аллан Фридеричиа (Allan Fridericia, 1921–1991), его супруга

знаменитая шведская балерина и хореограф Эльса Марианне фон Росен (Elsa Marianne von Rosen, 1924–2014), а также преподаватель Копенгагенского университета театровед Карен Крог (Karen Krog). Немногим гостям удавалось осуществить столь насыщенную театральную программу, какая была у них.

Группа провела почти целый день в Институте театра, музыки и кинематографии, где присутствовала на защите дипломных работ студентов этого института. Она также осмотрела Институт и учебный театр, встречалась с преподавателями, в частности с выдающимся историком искусств, крупнейшим специалистом по итальянскому Возрождению доктором исторических наук Матвеем Александровичем Гуковским (1898–1971), уделившим большое внимание гостям из Скандинавии.

Еще один день был посвящен Хореографическому училищу им. А. Я. Вагановой, где гости побывали на уроках будущих артистов балета, а кроме того, присутствовали на репетиции солистов балета Кировского театра в репетиционных помещениях театра, которые в тот период находились в этом же здании на улице Зодчего Росси. Константин Михайлович Сергеев (1910–1992) своим острым взором увидел с противоположной стороны репетиционного зала входящую группу и громко сказал стоявшей рядом Наталье Михайловне Дудинской (1912–2003): «Шведка — прелесть! Остальных не знаю». Оба сердечно поздоровались с каждым из пришедших и поговорили с ними. Потом гости стали благоговейно наблюдать за ежедневной будничной работой корифеев знаменитого балета.

По предварительной договоренности было организовано выступление приехавших гостей перед ленинградскими хореографами в театральном зале Дома художественной самодеятельности на улице Рубинштейна (в этом здании сейчас работает Театр «Зазеркалье»). К сожалению, июнь — весьма неудачный месяц для всех театральных деятелей, и немногочисленные хореографы были живописно разбросаны по большому залу. Аллан Фридеричиа подробнейшим образом рассказывал историю датского балета, а прима-балерина Шведской оперы Э. М. фон Росен добросовестно иллюстрировала все типы и виды танцев. Своего аккомпаниатора они не привезли, поэтому был использован местный аккордеонист, музыка которого большей частью совпадала с танцем. В роли переводчика выступал автор этой

статьи, который испытывал известные трудности, поскольку балетная лексика была ему не самой близкой. Присутствовавшие горячо благодарили выступавших.

Датские гости побывали в Эрмитаже, Театральном музее и музеях Петергофа, а также на балетных спектаклях в Кировском («Шопениана», «Жизель») и Малом оперном («Семь красавиц») театрах. К. Круг и автор этих строк отправились на спектакль «Карьера Артура Уи» в Большой драматический театр, остальные гости были приглашены, но испугались языкового барьера и не пошли. Но когда К. Круг вернулась в гостиницу, то не могла найти слов для выражения неописуемого восторга и в конце концов сказала, что надо отменить остальную программу и ходить только на спектакли БДТ!

На гостей все дни пребывания произвело сильнейшее впечатление. Потом в Москве они попали в высокие театральные сферы и сумели обговорить планы на будущее, в результате чего позже Э. М. фон Росен специально приехала в наш город, чтобы в Малом театре оперы и балета (ныне Михайловском) поставить балет «Сильфида» в точном соответствии с требованиями хореографии великого датчанина Августа Бурнонвиля (1805–1879) и музыкой Германа Левенсхольда. Постановка оказалась очень удачной, ее до сих пор можно увидеть на одной, а в некоторые годы сразу на двух главных балетных сценах Петербурга. А. Фридрихс был избран Президентом общества «Дания-СССР», позже перевод его большой книги о жизни и деятельности датского балетмейстера выпустило одно московское издательство¹.

В балетном искусстве есть свои трудности. Первый опыт освоения датской хореографии показался многообещающим. Э. М. фон Росен приехала еще раз и поставила балет Бурнонвиля «Неаполь» в Кировском театре, но мужская часть труппы работала над ним неохотно, танцовщики жаловались на непривычный стиль танцев и большую утомляемость, и этот красивый балет прошел всего несколько раз.

В июне 1968 г. в Москве прошел Международный симпозиум, посвященный влиянию творчества А. М. Горького на мировую литературу в связи со столетием со дня рождения писателя. Известный датский писатель Виллиам Хайнсен (William Heinesen, 1900–1991), направляясь из Москвы в Копенгаген, провел день

в Ленинграде, в частности, довольно долго был в «Доме дружбы». В. Хайнесен родился, вырос и за исключением короткого времени провел жизнь на Фарерских островах, автономной области Датского королевства в Атлантике. Его отец был фарер-рец, мать — датчанка. Он в принципе был двуязычным, владел и фарерским языком, и современным датским. Но ему, как он сказал, никогда не приходила в голову мысль писать стихи или прозу на фарерском языке, в лучшем случае он мог на этом языке написать газетную статью. Я рассказал ему, что у нас в городе есть человек, который знает несколько десятков языков, в том числе фарерский. Он тут же попросил найти его, и к концу встречи в «Дом дружбы» прибыл наш знаменитый полиглот Сергей Григорьевич Халипов (1936–2011), и они некоторое время беседовали по-фарерски ко всеобщему удовольствию.

В. Хайнесен — очень плодовитый писатель. За многочисленных произведений: 7 сборников стихов, 7 сборников рассказов и 7 романов — он был удостоен высшей литературной награды Скандинавских стран — Премии Северного Совета. Часть прозаических произведений переведена на русский язык: романы «Черный котел», «Пропавшие музыканты», «Башня на краю света». Кроме литературных произведений, он писал музыку и был скульптором.

Те дни в июне были прохладными, не более 13 градусов, шел мелкий дождь, и я погоревал по этому поводу. На что Хайнесен ответил: «Нормально, это наше лето. А когда наступает 17 градусов, люди на Фарерских островах томятся и жалуются на жару». Я сказал, что это, наверное, хорошо для написания романов, но плохо для стихов, поскольку известно, что поэты любят весну или жаркое лето, например, А. С. Пушкин любил осень. Хайнесен посмотрел в окно и сказал: «Как раз так мне очень хорошо». Каким было мое изумление, когда годы спустя я увидел в его книгах несколько стихотворений с пометкой «Ленинград, июнь 1966».

В мае 1974 г. в Ленинграде находилась великолепная «музейная четверка» — группа из четырех директоров датских музеев, которую возглавлял Петер Вильгельм Глоб (Peter Vilhelm Glob, 1911–1985), знаменитый не только в Дании, но во всем научном мире археолог, бывший в 1960–1981 гг. директором Национального музея Дании, обладавший существовавшим тогда, но позже

упраздненным замечательным титулом «Государственный Анти-кварий», т. е. хранитель всех исторических ценностей страны. Его авторитет в научных кругах был непререкаем. Впоследствии он был руководителем раскопок в странах Ближнего Востока.

В увлекательной встрече в «Доме дружбы» участвовали профессор Игорь Павлович Шаскольский и другие историки. Члены группы были с большим почетом приняты во всех музеях. Самое сильное впечатление произвело на них посещение Фарфорового завода им. Ломоносова и знакомство с его художниками. Правда, их поразила невероятно малая сумма вознаграждения за изумительные работы художников. Осмотрели они и раритеты фарфоровой коллекции завода за 200 лет. Пояснения давала директор завода Зинаида Игнатьевна Метелица, которая на протяжении многих лет выполняла также функции Председателя Правления отделения общества «СССР-Дания». Позже в заводской газете появился подробный рассказ о визите со множеством фотографий, номер газеты был послан в Данию.

В качестве забавной детали можно сказать, что П. В. Глоб увлекался созданием водочных настоек на датских травах и даже опубликовал об этом популярную в Дании книгу «Водочная книга Глоба»². Как раз накануне приезда группы в нашей стране прошла очередная волна борьбы за трезвость, и, узнав от автора о такой книге, все собеседники деликатно замолкали. Но З. И. Метелица не смогла удержаться и спросила Глоба: «Я не поняла, вы в этой книге за водку или против водки?» Ответ был кратким: «Абсолютно за!».

Были годы, когда двумя самыми знаменитыми датчанами в нашей стране были сказочник Андерсен и художник Бидstrup. Книжки с рисунками Херлуфа Бидstrupа (Herluf Bidstrup, 1912–1988) могли издаваться любыми тиражами и все равно молниеносно исчезали с прилавков магазинов. Бидstrup бывал в нашем городе много раз, в последний раз это было в апреле 1988 г. В «Доме дружбы» в один из вечеров студенческий коллектив ЛГУ «Датский драматический театр» исполнял, естественно, на датском языке, спектакль по книге известного в Дании писателя Лайфа Пандуро «Ой, мой золотой зуб!». Присутствовало около полусотни зрителей. Вышло так, что Бидstrup как раз в этот вечер заехал в Дом дружбы. Поскольку мое личное знакомство с ним идет с 1963 г., он, узнав про это, зашел на минутку, чтобы

поздороваться, но задержался и просидел весь спектакль. К концу спектакля с Ленинградской студии телевидения примчалась группа из передачи «600 секунд» А. Г. Невзорова, которая узнала о пребывании Бидструпа в городе. Группа довольно бесцеремонно ворвалась в зал и засняла часть спектакля, а потом интервью с художником, и все это было включено в ближайший вечерний выпуск. К большому сожалению, Бидstrup чувствовал себя в тот период плохо и вскоре скончался.

Заканчивая рассказ об сложившихся отношениях в области культуры, можно заметить то, что произошло гораздо раньше, в 1958 г., причем не на берегу Фонтанки, а на берегу Мойки. В Юсуповский дворец, который тогда был Дворцом культуры работников просвещения, прибыла датская делегация, на встречу с которой пригласили Марианну Петровну Ганзен-Кожевникову (1889–1974), преподавателя университета в нашем городе, самого первого преподавателя на самом первом в истории России отделении датского языка. Ей разрешили взять с собой двух студентов датского отделения, одним из которых был я³.

Слово «делегация» производило тогда ошеломляющее впечатление, всем нам было страшно. Студенты ждали в красивом, но почему-то очень плохо освещенном зале дворца, пока за дверью проходила встреча с Марианной Петровной. И вот наконец дверь распахнулась. Вышли двое датчан: мужчина и женщина, мужчина заговорил с нами. Этот был Фольмер Висти (Folmer Wisti, 1908–2000), человек, который в 1940 г. создал датское объединение, название которого было не совсем понятным: «Датское общество» (Det Danske Selskab). Из названия не очень видно, чем это общество занимается, поэтому совершенно справедливо в 1989 г. «Датское общество» сменило название на ныне существующее, уважаемое, в мире хорошо известное: Датский институт культуры (Det Danske Kulturinstitut).

Основатель этого замечательного учреждения в 1958 г. в Юсуповском дворце разговаривал со студентами датского отделения довольно долго. Фольмер Висти задал обычные вопросы: почему мы выбрали датский язык из всех языков мира и кем хотели бы стать. Я очень хорошо помню его восторг от того, что в мире есть люди, которые решили посвятить жизнь изучению датского языка, датской культуры и жизни датского общества. Ведь именно распространению сведений о Дании должно было

служить созданное им Датское общество, то есть Датский институт культуры. А я имел честь разговаривать с легендарным основателем общества, которое он в общей сложности возглавлял 43 года!

Гораздо позже, в другой исторической обстановке в Санкт-Петербург приезжал следующий генеральный секретарь Датского института культуры Пер Химмельstrup (Per Himmelstrup), возглавлявший его в 1983–1997 гг. Преподаватели Санкт-Петербургского университета участвовали в многочисленных встречах и беседах с ним, строили планы на сотрудничество, часть которых была реализована. Все мы сохранили самые теплые воспоминания об этом человеке, недавно ушедшем из жизни.

Третьим по счету генеральным секретарем Датского института культуры был Финн Андерсен (Finn Andersen, р. 1944), при участии которого были созданы новые филиалы Института, в частности, в Санкт-Петербурге, за что преподаватели и исследователи датского языка, а также студенты ему бесконечно благодарны. А после того, как Рикке Хельмс, энергично руководившая филиалом Датского института культуры, завершила свою миссию, он прибыл в Санкт-Петербург и успешно трудится на этом поприще.

¹ *Фридеригиа* А. Август Бурнонвиль. М., 1983.

² *Glob P. V. Globs brændevinsbog*. København, 1972.

³ Вторым студентом был Владимир Сергеевич Петров (1938–2014), впоследствии журналист ТАСС, работавший корреспондентом в Дании и Норвегии.

Д. Р. Лобанова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ФИНЛЯНДИИ 1918 г. НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННЫХ ФИНСКИХ ГАЗЕТ

Гражданская война в 1918 г. считается одним из самых ключевых моментов истории становления независимости Финляндии. Окончание войны открыло новый этап в истории этой страны. Тогда существенно изменился облик государства, его социальная структура, возникли новые политические институты. Трудно представить, чтобы события, связанные с историей гражданской войны в Финляндии, не исследовались. При этом очевидно, что в историографии Финляндии, в сравнении с отечественной, уже накоплен весьма богатый опыт изучения событий 1918 г.

В современных финских исследованиях уже явно наблюдается отчетливая эволюция взглядов на события гражданской войны. Финские ученые практически перестали использовать термин «освободительная война», и реально событиям 1918 г. присвоено название «гражданская война». Также сейчас на первый план выносятся исследования, затрагивающие эмоциональную составляющую случившейся трагедии. В большом количестве публикуются дневники и воспоминания заключенных лагерей, особое внимание уделяется проблеме участия в войне женщин и детей. Начинают появляться работы, рассматривающие какие-либо определенные боевые действия, а не всю войну в общем. При этом очевидно, что финские историки явно стремятся к более объективному восприятию случившихся событий¹.

В результате в Финляндии сейчас уже стали весьма открыто заявлять об ужасах не только «красного», но и «белого террора», говоря о неправомерных действиях пришедшего в результате

победы в гражданской войне нового правительства². Более того, в современных условиях некоторые финские историки, занимающиеся изучением гражданской войны, признают участников «белого движения» одними из главных организаторов «террора», прокатившегося по территории Финляндии в 1918 г.

Все эти изменения, естественно, находят свое отражение и на страницах финской печати, где в публицистических очерках, а также в журналистских статьях в той или иной степени тоже касаются весьма важного периода финской истории. Здесь, так же как и в научных кругах, опираясь на исторические факты, пытаются вслед за историками понять природу произошедшей в 1918 г. Показательным в этом отношении представляется мнение публициста Хейкки Айттокоски, который в мае 2014 г. заметил в своей статье в ведущей финской газете «Хельсинкин Саномат»: «История открыта для интерпретации, что делает ее еще более привлекательной. История возрождает переживания. Многие переживания жителей Финляндии связаны с гражданской войной 1918 г.»³.

Безусловно, что в финской прессе не обошли в дискуссии и отношение к прежней, официальной точке зрения о характере «освободительного» войны 1918 г. Причем следует заметить, что до сих пор среди жителей Финляндии остались явные приверженцы «освободительной» концепции войны. При этом, говоря об «освобождении», они подразумевают так называемое освобождение от русских войск, находившихся в Финляндии еще с царского периода, и от возможного установления в стране большевистского режима⁴. Это традиционная и весьма распространенная точка зрения, появившаяся после победы «белых». Но, как это можно заметить, она все реже встречается среди материалов печатной продукции у представителей средств массовой информации.

В целом, однако, обсуждение проблемы наименования войны 1918 г. явно не утихает. В этом отношении, в отличие от научных изысканий, на страницах финских газет можно заметить, что финское общество до сих пор довольно сложно отходит от общей идеализированной картины событий 1918 г. «Война за независимость» явно сохраняет образ героизма и отваги. Разумеется, эти факторы сильно влияют на сознание, поскольку очевидно, что благодаря этой борьбе независимость досталась

Финляндии нелегким образом, в ужасных и кровопролитных боях за свое отечество.

Но при этом явно уже намечаются определенного рода сдвиги. Судя по газетным материалам, общественность явно стремиться к тому, чтобы различные стороны гражданской войны все же не были забыты. Считается, что о них нужно обязательно хранить память с тем, чтобы «подобного больше никогда не повторилось». С другой стороны, пряча само понятие «гражданская война», существует утверждение, что теперь вообще следует отказаться от какого-либо «цвета» в определении достигнутой в войне победы. Так, на страницах газеты «Калева» прямо говорится, что победа 1918 г. была и ни «белой», и ни «красной», или даже ни «бледно-розовой»⁵. Более того, данные события этой войны, которые, несомненно, привели к реальным ужасным и трагическим последствиям для части финского общества, нужно принимать исключительно отдельно от идеологии⁶.

Тем не менее современные исследователи все же весьма часто обращаются к психологической проблеме послевоенных событий, к тем ужасам, которые принесла за собой эта война. На первый план выносятся то, что долгое время многие факты из истории войны были скрыты — особенно количество погибших, которое настолько велико, что даже уже воспринимается весьма абстрактно. Жители Финляндии, разделившиеся на два лагеря в 1918 г., в дальнейшем активно старались забыть ужасы войны, поскольку брать на себя ответственность за произошедшие события психологически было крайне сложно.

Действительно, гражданская война 1918 г. расколола финское общество, и, как это можно заметить, в результате анализа изданных в Финляндии в начале XXI в. публикаций следы этого раскола ощущаются в национальном сознании по сей день. Гражданскую войну, безусловно, нельзя назвать «освободительной», но сама идеология «освободительной» войны до сих пор прочно укоренилась в умах финского народа.

В этом отношении на страницах либеральной газеты «Этеля Суомен Саномат» статья о гражданской войне в Финляндии начинается известными слова М. В. Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»⁷. Данный эпиграф автор использует для оценки событий 1918 г., поскольку по сей день как научные, так и общественные круги явно еще не приш-

ли к единой точке зрения относительно характера гражданской войны. В результате этого финны никак не могут объективно начать воспринимать данную войну, а это, по мнению автора, является недопустимым, поскольку событиям из-за неустоявшегося мнения уделяют меньше внимания, а воспоминания о гражданской войне должны быть живы в памяти и никогда не могут забываться, поскольку, как он считает, нельзя допустить их повторение⁸.

Интересным для изучения современных публицистических оценок истории гражданской войны является также попытка главного редактора газеты «Илта Лехти» Туомаса Кескинена разобраться в ключевой причине этой войны. Он явно считает: это была не борьба безземельного крестьянства (торпары) и рабочих за свои политические и экономические права, определяющие их «светлое будущее». Главным в целях борьбы этой категории населения Финляндии он определяет стремление к достижению общей идеи социализма, которая, по его мнению, оказалась основной их задачей и тем самым идеалом «свободной жизни»⁹.

В следующей своей статье Т. Кескинен еще добавляет, что восставшие из всех сил начали «разрывать цепи», которыми их опутали так называемые хозяева, и если применять термин «война за независимость», то эта война, по его мнению, может быть борьбой за независимость именно в этом смысле. В целом все мотивированные войны, считает Т. Кескинен, являются вообще «освободительными», поскольку каждая из сторон в любом конфликте пытается в той или иной степени обрести свободу от сдерживающих ее факторов¹⁰. В этой же газете, но говоря уже о роли К. Г. Э. Маннергейма в гражданской войне, с некой долей иронии, пишут, что его всегда в Финляндии представляли как личность, отражающую образ некоего «сверхчеловека», который своими действиями смог объединить государство¹¹. Однако в современном финском обществе, по мнению автора данного материала, подобный стереотип явно изжил себя, а личность Маннергейма уже не представляется столь героической, поскольку теперь к его деятельности принято подходить с более критической точки зрения.

Не обходят стороной в финских органах массовой информации и обсуждение роли Германии в событиях 1918 г. На страни-

цах ведущих газет можно встретить самые разные точки зрения. В частности, говорится, что именно Германия с целью переворота и изменения финского правительства являлась главным подстрекателем «внутренней войны» в Финляндии¹², воспользовавшись «наивностью» молодого государства, превратила затем его в своего вассала¹³. Таким образом, здесь, несомненно, стараются снять ответственность за развязавшуюся войну с плеч самого финского народа и переложить всю вину на Германию.

Одной из животрепещущих тем является еще рассмотрение социальных последствий войны, а именно — «белый» и «красный» террор, а также существование на территории Финляндии специальных лагерей для пленных. Кроме того, из ранее не обсуждаемых в Финляндии вопросов также касаются рассмотрения специфической роли церкви в ходе гражданской войны. Теперь существуют мнения, что она не смогла в 1918 г. выполнить всех тех функций, которые возлагали на нее в обществе. В частности, священнослужители явно отказывались отпускать грехи «красным мятежникам» перед их казнью, даже если они были ранее крещенные¹⁴.

В большом количестве также публикуются воспоминания очевидцев репрессий, которые наблюдались в Финляндии в ходе гражданской войны и сразу после ее завершения. На страницах шведоязычной газеты «Хувудстадсбладет», в частности, были опубликованы воспоминания очевидца ужасных событий «белого террора». Конкретно в данной статье отмечается: «Наказания не избегал никто, вне зависимости от пола и возраста. Детей часто обвиняли за их родителей, братьев или родственников»¹⁵. Данную проблему, по понятным причинам, тоже долгое время старались умолчать, однако репрессиям карательных органов подвергались помимо взрослых немалое количество детей, которых также направляли в лагерь¹⁶.

Автор обращает внимание, что сведения о количестве детей, находившихся в заключении и приговоренных затем к расстрелу, начали открыто обсуждать в Финляндии лишь совсем недавно¹⁷ и приводимые объективные по этому поводу сведения могут только вызывать ужас. Но, конечно, весьма показательно являлось и то, что тогда дети, также как их родители, сами активно включились в гражданскую войну. Исследовательница, подготовившая свой материал в шведоязычной газете, обращает

особое внимание, что самому юному погибшему в бою красногвардейцу было всего девять лет¹⁸. Действительно, детское население также вынуждено было участвовать в гражданской войне, и в результате около 1500 детей затем оказались в лагерях, а двадцать из них, по соответствующему решению суда, были даже казнены¹⁹. При этом наиболее распространенным приговором против детей являлось обвинение их в измене²⁰. Однако поскольку приговаривать ребенка к смертной казни «напрямую» было нельзя, поэтому в документах данные обвинения были всячески завуалированы²¹.

В результате проведенных в Финляндии исследований, которые были опубликованы затем в печати, широкой финской общественности стало уже доподлинно известно, что во время войны детей до 15-летнего возраста погибло более трехсот человек²². Причем одной из первоочередных причин их смерти стали именно расстрелы, а также начавшиеся заболевания и голод, особенно после определения этих малолетних «красных пленных» в концлагеря²³. Более того, некоторые дети просто исчезли, поскольку об их местоположении и о судьбе не осталось затем никаких сведений. Причем $\frac{2}{3}$ убитых были детьми или родственниками «красных»²⁴, а остальные — либо «белые», либо вовсе не принадлежавшие ни к одной из противоборствующих сторон²⁵.

Следует учитывать, что к обсуждению общественностью проблем, связанных с гражданской войной в Финляндии, большую роль, наряду с газетно-журнальными публикациями, продолжают играть различные сайты интернет-ресурсов Финляндии. Так, в XXI в. в Финляндии начали свою работу еще ряд интернет-проектов. В рамках одного из них — «Финская освободительная война 1918 г.»²⁶, составлены, в частности, списки с краткими биографическими данными павших в бою, казненных и умерших в заключении как сторонников «красных», так и «белых». Кроме того, стартовал по инициативе премьер-министра Финляндии Пааво Липпонена в 1998 г. проект «Людские потери в Финляндии в военные годы 1914–1922 гг.», причем он был поддержан всеми фракциями парламента, а при канцелярии Государственного совета была даже сформирована дирекция проекта, которую возглавил профессор Хейкки Юликангас. Само же научное руководство проектом было поручено специали-

сту по истории государства и права, одному из руководителей архивной службы Финляндии, доктору Ларсу Вестерлунду²⁷. В рамках проекта были подготовлены и опубликованы несколько томов, посвященных людским потерям 1914–1922 гг., в том числе — три тома общим объемом свыше 800 страниц о потерях среди русского населения в этот период²⁸. Судя по количеству посетителей сайта (более 390 тыс. за четыре года), гражданская война 1918 г. и по сей день продолжает волновать финнов.

В результате можно утверждать, что события гражданской войны в Финляндии до сих пор вызывают своеобразный резонанс в обществе, где явно присутствует тенденция к более открытому и правдивому изложению событий самой войны. Авторы все больше задаются вопросом, насколько реально финский народ «отстоял свою независимость» или же победители в войне преследовали лишь свои сугубо личные интересы?²⁹ В целом очевидно, что пока говорить о признании и принятии всем финским обществом того, что последствия войны стали еще более ужасными, чем сама война, еще, вероятно, очень сложно.

¹ См.: Лобанова Д. Р. 1) Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториаллинен Айкаккаускирья» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014. С. 197–208; 2) Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (12). Тематический выпуск. Россия, Финляндия и Скандинавия: проблемы взаимовосприятия. Выборг, 2016. С. 139–145.

² Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб., 2013. С. 5.

³ Aittokoski H. Kansalaisvapaussota // Helsingin sanomat. 2014.22.05. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hs.fi>. Время обращения: 15.04.2015.

⁴ Kuisma M. Ihmeen kaupalla itsenäiseksi // Kaleva. 09.11.2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kaleva.fi>. Время обращения: 12.04.2015

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem

⁷ Joel M. Yhdessä vain erikseen? // Etelä Suomen Sanomat. 2008.20.07. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ess.fi>. Время обращения: 10.02.2014.

⁸ Rantonen T. Anteeksi, mutta mitä nämä punaiset ja valkoiset olivat? // Karjalainen 2015. 10.04. [Электронный ресурс] URL: <http://www.karjalainen.fi>. Время обращения: 10.04.2015.

⁹ Keskinen T. Historian tuomiolla // Iltalehti. 2008. 23.10. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iltalehti.fi>. Время обращения: 05.03.2015.

¹⁰ *Keskinen T.* Poliitiikan kulissit. Pahuuden alkulahteilla. // *Iltalehti*. 2008. 01.12. [Электронный ресурс] URL: http://www.iltalehti.fi_ko.shtml. Время обращения: 05.03.2015.

¹¹ *Tiinanen P.* Uutuuskirja esittää hurjia väitteitä: Mannerheim oli sairas, häijy ja turhamainen // *Iltalehti*. 2013. 05.09. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iltalehti.fi>. Время обращения: 05.03.2015.

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ 80 barn avrättades av de vit. hufvudstadsbladet // *Hufvudstadsbladet* / 12.03.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://hbl.fis>. Время обращения: 12.04.2015.

¹⁶ См. об этом: *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918. Hels., 2014. S. 245–250; *Tikka M.* Kenttäoikeudet. Välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Hels., 2004 S. 201–235.; *Tikka M.* Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1921. Jyväskylä, 2006. S. 110–147; *Turunen M.* Veripellot. Sisällissodan surmatyöt Pohjois-Kymenlaaksossa 1918. Jyväskylä, 2008 S. 105–106.; *Malminen U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaan. [Электронный ресурс] URL: <http://yle.fi/uutiset> Дата посещения. 15.03.2014; *Lindstedt R.* Kadotettiin järien kesä 1918. [Электронный ресурс] URL: <http://suomenkuvalehti.fi>. Время обращения: 22.03.2014.

¹⁷ *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918. S. 15.

¹⁸ *Ibid.* S. 148–149.

¹⁹ *Ibid.* S. 24.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.* S. 33

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.* S. 34.

²⁴ *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918. S. 35.

²⁵ *Ibid.* S. 41.

²⁶ Suomen varaussoita 1918. [Электронный ресурс] URL: <http://www.varaussoita.fi>. Время обращения: 20.04.2015.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ Venäläissurmat Suomessa 1914_22. Osa 1. Sotatapahtumat 1914_22. Lars Westerlund (toim.) // *Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja*. 2004. № 1. 283 s.; Venäläissurmat Suomessa 1914_22. Osa 2.1. Sotatapahtumat 1918_22. Lars Westerlund (toim.). // *Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja*. 2004. № 2. 285 s.; Venäläissurmat Suomessa 1914_22. Osa 2.2. Sotatapahtumat 1918_22. Lars Westerlund (toim.) // *Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja* 2004. № 3. 303 s.

²⁹ См.: *Peltonen U.* Muistaa vai unohtaa? Vuoden 1918 vaikea historia. S. 492–501; *Martikaianen E.* Maila Talvion kuvaus sota keväästä 1918. S. 139–151.

А. Б. Гехт

**МЕМУАРЫ У. АШБЕРГА
«EN VANDRANDE JUDE FRÅN GLASBRUKSGATAN»
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ БОЛЬШЕВИКОВ.
1917—1924 гг.**

Вот уже почти столетие события революции 1917 г. в России вызывают непреходящий интерес у отечественных и зарубежных исследователей. Невероятно обширная историография, представленная на различных языках, позволяет познакомиться не только с самими событиями, изменившими ход истории как в России, так и во всем мире, так и с эволюцией взглядов на метаморфозы 1917 г. Естественно, личная вовлечённость огромного числа людей в масштабные исторические процессы того времени привела к появлению массива мемуарной литературы, вполне сопоставимого по масштабу с трудами различных историков. Однако среди воспоминаний современников, принявших непосредственное участие в различных событиях, последовавших за захватом большевиками власти в Петрограде осенью 1917 г., есть книги, в силу разных причин не приобретшие широкую известность в исследовательских кругах. Одной из таких работ является книга шведского банкира Улофа Ашберга «En vandrande jude från Glasbruksgatan» («*Странствующий еврей с Гласбрюксгаты*»), представляющая собой несомненный интерес в связи с приближающейся столетней годовщиной изложенных в ней событий.

Настоящая статья — фактически первый шаг её автора в работе над книгой «красного банкира» У. Ашберга. В данной статье не ставится цели подвергнуть воспоминания шведского финансиста исследовательскому анализу, сопоставить приво-

димые в книге факты и суждения с другими источниками, попытаться определить степень достоверности изложенного или дать какую-либо научную оценку деятельности самого Улофа Ашберга. На данном этапе автор этих строк видит своей целью популяризировать мемуары Ашберга, попытаться ввести их в научный оборот как источник, описав его основное содержание.

Мемуары У. Ашберга могут оказаться полезны исследователям, которые изучают события революции в России, периода первых лет нахождения большевиков во главе страны, а также вопросы внешних и, в первую очередь, внешнеэкономических связей большевиков в период с 1917 по 1924 г. Ранее книга «Странствующий еврей с Гласбрюкскатан» не выходила ни на русском, ни, насколько известно автору данной статьи, на английском языках. Собственно, малая популярность владения шведским языком среди исследователей — одна из основных причин того факта, что первая публикация научной работы на русском языке, опирающейся на использование воспоминаний У. Ашберга, относится лишь к началу 1990-х гг. и непосредственно связана с именем известного отечественного историка Александра Владимировича Островского.

Именно перу А. В. Островского принадлежит статья «Между Россией и Западом. 1914–1924. Из воспоминаний “Красного банкира”»¹, вышедшая в 1993 г., в давно ставшем настоящей библиографической редкостью альманахе «Из глубины времён». А. В. Островский выступил также одним из авторов научного комментария к переведённым фрагментам книги Улофа Ашберга, опубликованным в том же издании. На сегодняшний день это единственная работа, посвящённая в целом и важнейшим вехам в биографии У. Ашберга и его деятельности в России и его взаимодействию как с дореволюционным политическим руководством государства, так и с лидерами большевиков уже после революции 1917 г. в частности. Собственно, именно Александр Владимирович весной 2014 г. и привлёк автора данной статьи к работе над переводом уже всей книги шведского финансиста; планировалось, что А. В. Островский подготовит комплексный научный комментарий к мемуарам банкира. К сожалению, тяжёлая болезнь и преждевременный трагический уход учёного из жизни не дали этим планам реализоваться. Поэтому в какой-то мере второй целью данной статьи может служить

желание её автора хотя бы частично воплотить в жизнь планы своего старшего коллеги и донести заинтересованной аудитории информацию о воспоминаниях У. Ашберга как исторического источника.

Книга «Странствующий еврей с Гласбрюкстаган»² — первая из трёх работ в литературном наследии Улофа Ашберга. Повествование в ней автор начинает с рассказа о своей семье. Его отец, достаточно успешный шведский коммерсант еврейского происхождения, был выходцем из Российской империи, так же как мать и другие родственники будущего банкира. Получив хорошее домашнее и гимназическое образование и сформировавшись в буржуазной среде конца XIX столетия, молодой Улоф был отправлен отцом в Европу постигать навыки успешной коммерческой деятельности под патронажем знакомых. Поработав на разных должностях в различных фирмах в Гамбурге и Лондоне, а также проведя немало времени в Париже, Ашберг не только свободно освоил основные европейские языки и приобрёл необходимую для будущего предпринимателя сноровку, но также обзавёлся рядом знакомств как в деловой, так и в артистической, богемной среде основных европейских столиц.

Вернувшись на родину и успешно занявшись коммерцией, У. Ашберг был вынужден взаимодействовать с представителями рабочего движения, набиравшего в последней трети XIX в. силу в Швеции. На страницах своих воспоминаний финансист писал, что он испытал симпатию к своим партнёрам по переговорам со стороны наёмных рабочих.

Симпатия и переросла в интерес к марксизму, с которым Ашберг познакомился в тот же период и, несмотря на своё буржуазное происхождение, пришёл к выводу о верности многих построений этого учения и необходимости развивать контакты с руководством рабочего движения в Швеции. Так на страницах мемуаров появляются имена Яльмара Брантинга, лидера Социал-демократической партии Швеции, и Хермана Линдквиста, председателя Центральной организации профсоюзов Швеции. Сумев преодолеть первоначальное недоверие с их стороны, У. Ашберг описывает, как он в 1912 г. обратился к предводителям рабочего движения с инициативой создания «Нового банка». Деятельность этого банка должна была быть направлена в первую очередь на улучшение условий жизни шведских рабочих. От-

метим, что рассказывая о перипетиях, связанных с основанием «Нового банка», и о своём сотрудничестве с организованным рабочим движением, У. Ашберг не упоминает о наличии у него каких-либо контактов и связей с представителями российских революционных организаций, многократно бывавших в тот период в скандинавских странах.

В то же время на страницах своих мемуарах банкир рассказал читателям о своём первом содействии в предоставлении российскому правительству займа со стороны ведущих американских банков в 1915 г. Именно к этому периоду относится его первая (согласно самому Ашбергу) встреча с Л. Б. Красиным и установление между ними как деловых, так и дружеских отношений. Однако никаких других сведений о наличии каких-либо связей с революционными политиками радикального толка, относящихся к этому периоду, Ашберг не приводит. Об установлении своих контактов с руководством партии большевиков он упоминает лишь применительно к весне 1917 г., когда шведский финансист посетил Петроград и побывал в редакции «Правды».

Вскоре банкир выступил сторонником созыва международной социалистической конференции в Стокгольме и даже был приглашён на неё в качестве экономического консультанта. В своих воспоминаниях Ашберг помещает текст проекта резолюции, разработанной им совместно с Я. Брантингом. Вот её ключевые тезисы:

- интернациональная социалистическая конференция обязана объявить себя временным мировым парламентом, возглавить единое мировое руководство;

- основные направления — самоуправление всех народов во внутренних делах, полная победа демократии, перемирие, всеобщее и полное разоружение, материальное возрождение, создание единой международной системы знаков, денег, мер и весов и т. д.³.

Не будет большим преувеличением заметить, что фактически Улоф Ашберг подготовил один из проектов мировой революции.

Кампания против большевиков летом 1917 г., публикация «документов Сиссона» в 1918 г. не прошли для банкира бесследно (как известно, представленные читателям как подлинные документы, выкраденные из секретных архивов, они рисовали картину тайного сотрудничества между советским правитель-

ством и Германией, а в качестве одного из посредников между ними называли У. Ашберга). А после выступления его на митинге в Швеции (10 февраля 1918 г.) в поддержку Советов, возобновления торговых шведско-российских отношений Новый банк попал в «чёрные списки» Антанты, а затем и Центральных держав⁴. Самого же финансиста, заявившего на митинге, что «капиталистический строй экономически и морально потерпел крах», посчитали «предателем, утончённым честолюбцем, а то и просто ненормальным»⁵. Весной 1918 г. он продаёт акции Нового банка и вскоре, при участии Я. Брантинга, создаёт на свои личные средства новое кредитное учреждение — Шведское экономическое акционерное общество, которое играло в целом ту же роль, что и Новый банк.

Рассуждая об этом периоде, представленном на страницах мемуаров Ашберга, следует отметить, что он не упоминает ни о возможном предоставлении займов левым социал-демократам в Швеции и Финляндии, ни хотя бы о поддержании контактов между ними и руководством большевиков в России. Отметим, что о их наличии все же предполагал известный скандинавист А. С. Кан в своём труде «Домашние большевики. Шведская социал-демократия, большевики и меньшевики в I мировую войну и революционные годы 1914–1920»⁶. Так же это видели возможным некоторые современники У. Ашберга.

В ноябре 1918 г. будущий «красный банкир» приезжает в Советскую Россию для установления контактов с новой властью, позднее вспоминая, что его так вдохновил «энтузиазм и вера в будущее» россиян, что он «почувствовал себя обязанным помогать им», воспринял как «почётное поручение» возможность работать в первом государстве, объявившем о строительстве социализма⁷. На свои личные средства он создаёт ещё три банковских учреждения для ведения дел с советской страной, руководит одним из них — Русским коммерческим банком.

Весть о смерти В. И. Ленина застала Ашберга в Риме. Он «понял, что это повлечёт за собой большие перемены», и поспешил в Москву⁸. 27 января 1924 г. У. Ашберг побывал на прощании с Лениным. Вскоре он отклонил предложение остаться в качестве консультанта на должности замдиректора Внешторгбанка, в который намеревались преобразовать Русский коммерческий

банк, продал свои акции и в апреле того же года навсегда покинул Россию.

Как можно заключить из приведенных выше суждений, Улофу Ашбергу довелось стать очевидцем и непосредственным участником событий, имевших большое историческое значение. Безусловно, книга «Странствующий еврей с Гласбрюксгата» является характерным образцом мемуарной литературы. О многих событиях её автор не упомянул, не коснулся иных своих знакомств, умалил или представил в нужном себе свете собственное участие в тех или иных финансовых операциях, об иных фактах предпочёл и вовсе умолчать.

Однако воспоминания умного и энергичного человека, вовлечённого в значительные исторические события, несомненно, могут помочь заинтересованным исследователям в их дальнейшей работе и, после тщательного научного рассмотрения, способствуют лучшему и более глубокому пониманию событий революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Хочется верить, что уже в первой половине 2017 г. первый полный перевод мемуаров Улофа Ашберга на русский язык выйдет в печать вместе с упоминавшимися фрагментами из книги А. С. Кана, а также работой А. В. Островского и станет доступен заинтересованным читателям.

¹ Ашберг У. Между Россией и Западом. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «Красного банкира» // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1993. Вып. 2. С. 3–94.

² *Aschberg O. En vandrande jude från Glasbruksgatan. Stockholm, 1946. 356 s.*

³ Ашберг У. Между Россией и Западом. 1914–1924 гг. С. 27–28.

⁴ Там же. С. 31–32.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ *Kan A. Hemmabolsjefikerna. Den svenska socialdemokratin, ryska bolsjevikerna och mensjevikerna och världskriget och revolutionsåren 1914–1920. Stockholm, 2005. S. 394–401.*

⁷ Ашберг У. Между Россией и Западом. 1914–1924 гг. С. 29, 56.

⁸ Там же. С. 55.

Т. А. Шрадер

ВИЛЛИ БРАНДТ О НОРВЕГИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В Лондоне в 1971 г. была опубликована на английском языке книга известного германского политического деятеля Вилли Брандта «В изгнании. Размышления и письма 1933–1947 гг.»¹. Через эту работу можно познакомиться с отношением и взглядами В. Брандта относительно Норвегии, которая стала его «вторым домом», и историю и культуру которой он хорошо знал.

В. Брандт родился в Любеке в 1913 г., воспитывался матерью Мартой Фрам и дедом. Его звали Герберт Эрнст Карл Фрам. В 1932 г., будучи гимназистом, вступил в организацию социалистической молодёжи, затем стал членом Социал-демократической партии Германии (СДПГ), позднее перешёл в Социалистическую рабочую партию (СРП). Жизнь и политическая карьера этого выдающегося немецкого политика прошлого столетия была посвящена делу борьбы с германским фашизмом и делу восстановления послевоенной жизни немецкого народа. Судьбе В. Брандта посвящено значительное количество изданий за рубежом и в России.

Указанная выше книга состоит из нескольких глав, в частности о фашистах в Германии, о нейтральной Швеции, где он провёл несколько лет, работая журналистом, и о Норвегии, оккупированной фашистскими войсками во время Второй мировой войны, боровшейся с оккупантами и в сопротивлении нацизму в которой принимала участие значительная часть населения страны.

Впервые он путешествовал по Норвегии в 1931 г., где любовался красотами её природы, также побывал он в Дании, где встретил дружеский приём. В. Брандт читал произведения скандинавских писателей, был знаком с большим количеством норвежских моряков и овладел норвежским языком. Сравнивая Социал-демократическую рабочую партию Германии с Норвежской рабочей партией, он писал об их определённом единстве, но и о различиях. В 1933 г. после прихода к власти Гитлера СРП была в Германии запрещена, и В. Брандту было поручено создать подпольную организацию партии в Норвегии. Эмигрировав в Норвегию, он поступил в Университет в Осло, где изучал историю. В 1934 г. он взял псевдоним — Вилли Брандт. В 1938 г. В. Брандт был лишён германского гражданства, и он обратился к своим друзьям в Норвегии, чтобы ему дали там норвежское. В 1940 г. во время оккупации Норвегии он был разоблачён и бежал в Швецию. В 1945 г., вернувшись в Германию корреспондентом скандинавских газет, он поселился в Берлине и только тогда опять обрел немецкое гражданство.

Сама книга — «В изгнании» открывается разделом посвященном рассказу о норвежской и германской рабочих партиях, их различии, включая процесс развития партии Норвегии в период после Первой мировой войны и далее в 1930-е гг². Из содержания работы явно чувствуется, что У В. Брандта было много друзей в Норвегии, как социалистических взглядов — Трюгве Браттели, Мартин Гранмель, Эйнар Герхардсен (в послевоенный период был премьер-министром страны), Халвар Ланге (министр иностранных дел Норвегии), так и с деятелями культуры: Арнильд Еверланд, Сигурт Хуль. При этом автор книги подчеркивает, что провёл в Скандинавии очень важные для него годы, овладел норвежским языком, и у него складывались довольно опасные ситуации в связи с политической работой в стране. В Швеции его окружали норвежские друзья, он как журналист писал правду о нацистских главарях, в том числе о Квислинге. Во время работы на собраниях различного уровня он всегда говорил с большим уважением о норвежском народе, с благодарностью вспоминал награждение его в 1960 г. Крестом ордена Святого Улафа, самой высокой наградой в Норвегии. Особую благодарность он выражал за предоставление ему в сложное для него время норвежского гражданства, подчер-

кивая при этом, что «мы не должны забывать прошлое, но мы должны учить его уроки».

Далее, рассматривая развитие Норвегии в ее демократических традициях³, В. Брант в своей работе заметил, что в 1933 г. он получил для себя в Норвегии «второй дом». Поэтому на страницах книги видно, что немецкий государственный деятель очень хорошо понимал, что он также должен служить этой стране, и при этом знал, что борется не против своей родины, а против режима, разрушившего Германию и Европу. При этом показательно, что Норвегия до того, как её 8 апреля 1940 г. оккупировали фашисты, была государством со старейшей конституцией. Страна была построена на законе и не была разрушена деспотизмом. Конституция 1814 г., созданная под влиянием Американской декларации о независимости и Французской революции, выросла на норвежских корнях. Закон во главе государства, ничто не изолировало страну от свободы, и оккупация не сломила народ⁴. На становление характера норвежцев также повлияли времена викингов, национальные крепости, четыре века господства датской короны. Но чувство свободы не покидало норвежцев. Ничто не могло помешать им сохранять тягу к независимости вплоть до разрыва Унии со Швецией в 1905 г. Мир был основой материального и культурного развития Норвегии.

В. Брандт с большой теплотой описывал природу Норвегии, трудолюбие народа, рассказывал об экономике — рыболовстве, лесной промышленности, сельском хозяйстве, о важности морского флота, о росте современной промышленности в стране, о культуре, музыке, художниках. Отмечал он и развитие образования. Кроме того, автор подчеркнул, что норвежский крестьянин всегда был свободным. В. Брандт отметил статус Норвегии после Первой мировой войны, участие страны в Лиге наций, в испанских событиях 1936–1939 гг. Особое место было выделено в разделе деятельности Фритьофа Нансена.

Особое место в книге также отведено периоду немецкой оккупации. В этом отношении даже был подготовлен отдельный раздел главы — «Вторжение и квислинговцы»⁵. В. Брант описал нападение Германии на Данию и Норвегию, которое автор назвал «преступлением против Мира», что было одним из направлений осуждения Норвегией немецких нацистов на Нюрнбергском процессе. Тем не менее известно, что после

9 апреля 1940 г. оккупация Норвегии в международной прессе освещалась как победа «пятой колонны». В стране существовали группы, симпатизировавшие нацизму, в основе которых был пангерманский фанатизм и антибольшевизм. В частности, Квислинг, действительно, играл большую роль в проведении операции оккупации. Его партия получала финансовую поддержку из Берлина. Квислинг считал необходимым вывести королевский дворец и правительство из системы сопротивления. Он предусмотрел план, по которому можно было легко лишить правительство силы. Когда немецкие войска вступили в Осло, Квислинг сам провозгласил себя министром обороны и распорядился арестовать короля и правительство. Но план ареста короля и правительства не осуществился. Действия Квислинга вызвали недовольство у германского посланника, он долго беседовал по этому поводу с Риббентропом, но Гитлер поддержал Квислинга. Фактически, по мнению В. Бранта, после 9 апреля Квислинг становится агентом Гитлера.

С другой стороны, в работе достаточно подробно рассматривается и движение сопротивления⁶. В. Брант писал, что оккупация для Норвегии была поначалу шоком, а затем вызывала большое удивление. Только немногие понимали, что случилось. Образованные люди и интеллигентные рабочие понимали, что их враги-националисты. В этой стране интеллигенция была всегда прогрессивно настроенной и демократичной. Школьные учителя на протяжении многих лет формировали в стране либеральную партию. Влияние социализма было широко распространено среди молодёжи.

В Норвегии сразу после ее оккупации образовался антифашистский фронт, создавался «домашний фронт» из небольших групп. В стране также существовали и политические партии, но «домашний фронт» опирался не на них. Позиция коммунистической партии характеризовалась более резкими действиями. В первую зиму оккупации ряд людей из прогрессивных партий являлись руководителями «домашнего фронта». Членами групп этого фронта были люди различных профессий. Вместе с организациями в Осло такие группы возникали по всей стране. Центральная группа издавала «бюллетень» («bulletin»), всего около 200 экземпляров. Печатались они согласно новостям, получаемым по лондонскому радио. Население страны было

хорошо информировано о всех событиях «дома» и за рубежом. Эти группы помогали семьям, члены которых находились в Гестапо. Средства на эту помощь получали от норвежских граждан, от норвежского правительства в Англии, из Стокгольма. Развивалась постоянная связь между «домашним фронтом» и Лондоном.

Далее, в разделе «Нацистская оккупация»⁷ автор писал, что формы развития оккупации в Норвегии зависели от местных условий. Поведение местной полиции было несколько мягче, чем в ряде других стран. Причины были различными, в основе были «расовые основы» норвежцев, внушавшиеся представителями фашистской философии. Норвежцы встретили подобную политику оппозиционно. Вначале создавались небольшие группы с выражением протеста и борьбой за свободу и за законность. В 1943–1944 гг. число военных увеличивалось, причём постепенно. В 1940 г. в стране было 100000 военнослужащих, в 1943 г. — 380000, что составляло более одной десятой части населения Норвегии. Вместе с этими военными в стране были полиция, администрация, техника и пр. В Осло в центральной команде большое число лиц из немецкого персонала говорили по-норвежски. В северном городе Киркинес норвежское население было в меньшинстве. Всё напоминало ситуацию иностранного контроля.

По мнению В. Бранта, норвежцы понимали, что немцы должны были быть в социальной изоляции, при этом население чувствовало, что многие из находящихся в Норвегии немцев не симпатизировали режиму Гитлера. Но все одетые в гитлеровскую униформу рассматривались как враги. Женщины, их большая часть, не вступали в контакт с немецкими солдатами. Многие норвежцы надеялись, что со временем немцы из страны исчезнут. При этом В. Брандт описал деятельность ряда немецких генералов и высшего командования Германии: Лейтеля, Рёдера, Дёница. Кроме того, он дал представление о судьбах сотен тысяч борцов против фашизма, посаженных в лагеря Германии.

Представляет интерес описание В. Брандтом боёв у берегов Норвегии, участия норвежского сопротивления и союзников в ряде операций. В начале 1945 г. Англия и восточное побережье Америки подвергались жестоким атакам самолётов, подводных лодок и нового вида авиабомб германцев. В норвежских фьордах

было сосредоточено множество подводных лодок немцев. Определённую часть раздела автор посвятил деятельности одного из ведущих немецких генералов Николауса фон Фалкенхорста.

В разделе «НАЦИ уходят»⁸ автор писал, что осенью 1944 г. у берегов Швеции погиб немецкий корабль «Вестфален» с 50 норвежскими борцами с фашизмом. При этом автор отметил, что генерал Фалкенхорст приостановил активное уничтожение норвежских патриотов. Квислинг поддерживал тесную связь с Гитлером, при этом последний рассуждал об очень секретном оружии, а Квислинг о той угрозе, которую несёт Швеция. При последней встрече этих двух персон Гитлер утверждал, что все города Швеции будут разгромлены, Квислинг считал, что Норвегия поднимется «к свободе и независимости».

Представляет интерес, как В. Брандт характеризует поведение Квислинга и его команды в мае 1945 г. 5 мая Квислинг выступил по радио Осло. Он остался в этом городе, хотя ему советовали переехать в Испанию. Делегация Квислинга предлагала встречу «шведского фронта» с «домашним фронтом» и правительством Норвегии. Но это предложение принято не было. 8 мая в Лиллехаммере генерал Бёме провозгласил, что Гестапо и СС, оккупационные части сдаются Союзным войскам. Члены Гестапо были арестованы. Твердыня нацизма рушилась. В. Брандт приводил эпизоды кончины немецкого офицерских корпусов: Тербовена, Редисса, Фелиса. Начался процесс разоружения германских военных сил. Норвежцы радовались выводу германских солдат. Всё же отношение норвежцев к Германии было умеренным. Многие участники борьбы с фашизмом вернулись из концентрационных лагерей, там они напрямую соприкоснулись с нацистской Германией. Но всё же ожидалось, что норвежцы будут в какой-то степени благоприятно расположены к Германии. Они всё же рассчитывали дать шанс на развитие новой, свободной и миролюбивой Германии.

Во время войны 1940–1945 гг. в Норвегии пострадали 10000 жителей страны: более 1000 погибли при вторжении немецких войск, погибли 4000 моряков, около 1600 убиты в концентрационных лагерях, 600 приговорены к смертной казни в Норвегии, более 700 участников морских боёв, 300 лётчиков и представителей других видов войск пали на фронте. Кроме того, нельзя забывать о членах гражданских организаций, по-

гибших в результате военных операций. Десять тысяч человеческих жизней — это много для небольшой нации, считал В. Брант.

Во время Второй мировой войны Норвегия боролась не за материальные блага, а за право существования, свободу и независимость. В начале 1946 г. норвежец Трюгве Ли был приглашён в ООН Генеральным секретарём. Его помощник министр иностранных дел Халвальд М. Ланге утверждал, что не существует вопроса в выборе Востока и Запада. Мир и будущее нации зависит от международного сотрудничества через ООН.

В разделе «Норвегия в Нюрнберге»⁹ указано, что Норвегия присоединилась к Августовской конвенции 1945 г. о проведении Нюрнбергского трибунала. В норвежском документе указывалось, что фашизация страны была наихудшей политикой: «Это было злодеянием против демократической основы страны». Конец Третьего Рейха был суровым уроком и могильным предостережением. Норвежцы полагали, что конец одной из темнейших эпох в истории принес новую основу для европейской и международной кооперации.

В следующей части «Борьба за Университет»¹⁰ В. Брандт пишет о том, каким образом проходило сопротивление в Университете Осло. В ноябре 1943 г. в большом зале Университета случился большой пожар. Квислинг и руководство города обвинили в этом коммунистов. Все нацистские силы окружили Университет, все студенты и администрация свезены в здание университета, где должны были выслушать генерала СС Рудисса и Рейхскомиссара Терволена. Из 3000 студентов (кроме женщин) 1500 арестованы, значительная часть отправлена в Германию. Многие учёные поддерживали борьбу с нацистами. Норвежский антифашистский «фронт» состоял из различных слоёв населения: от учёных до рабочих. Работа борцов в стенах Университета — тому доказательство.

После войны Норвегия быстро восстановила стандарты жизни, многие направления экономики, культуры быстро развивались. Это происходило, как писал В. Брандт, благодаря духовному единению норвежцев. Норвежцы хотели единения европейцев, включая Германию.

В последнем разделе «Берлин и Осло после войны»¹¹ В. Брандт проводит сравнение между двумя странами. Автор книги считает, что Норвегия восстановила свои силы после оккупации,

война для норвежцев была жестоким актом агрессии, она приносила не только страдания, но и была источником постоянного сопротивления. Атака на их страну с устоявшимся конституционным строем, глубоким национальным ощущением демократии были основой победы свободы и правовой юриспруденции. Люди Норвегии, писал автор книги, хотят контакта с Европой. Трудно предсказать, каким образом будут складываться отношения между страной и Германией. Автор рассуждает о возможностях отношений норвежцев с германцами, перечисляя различные сложности в воспоминаниях норвежцев в послевоенный период. В заключение большой политик Германии написал, что люди во многих местах борются за лучшее будущее в мире и за свободу; они будут ближе друг к другу, если узнают больше друг о друге.

¹ *Brandt W. IN EXILE: Essays Reflections and Letters 1933–1947. London, 1971.*

² *Ibid. P. 161–165.*

³ *Ibid. P. 165–169.*

⁴ См.: *Воззрин В. Е., Гонзарова Т. Н., Пленков О. Ю. Соколов О. В. Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время. СПб., 2015. 353 с.*

⁵ *Ibid. P. 169–174.*

⁶ *Ibid. P. 174–177.*

⁷ *Ibid. P. 177–184.*

⁸ *Ibid. P. 184–190.*

⁹ *Ibid. P. 190.*

¹⁰ *Ibid. P. 191–193.*

¹¹ *Ibid. P. 194.*

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. В. Востров

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ в 1899–1918 гг.: ФИНСКИЙ, ШВЕДСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Фридрихсгамский мирный договор 1809 г. стал переломным моментом истории Великого княжества Финляндского. Император Александр I получил еще один титул, перешедший к нему от шведских королей, а Финляндия — герб, датированный еще XVI веком, но не использовавшийся долгое время. Великое княжество получило реальную автономию, которая подкреплялась первыми проблесками национальной идеи, зарожденной еще во время русско-шведской войны 1741–1743 гг. Вместе со шведскими законами сохранилась и тесная связь со Стокгольмом, а также доминирующий шведский язык, принадлежавший аристократии и чиновничеству. Утопические идеи о внедрении русского языка (например, Г. М. Армфельдта и Я. Грота) не имели под собой почвы и, главное, отчетливой стратегии из Петербурга.

Лояльность финляндцев, особенно ярко проявившееся во время Крымской войны 1853–1856 гг., позволяла достаточно долго существовать «симбиозу» российских императоров и Великого княжества. Однако рост европейского радикализма, начавшийся с середины XIX в., постепенно затронул и Финляндию, все еще соединенную идеей единого прошлого со Швецией — правда, уже намного слабее, чем в начале века. Рескрипт Александра II от 1863 г. о внедрении финского языка (финский язык уравнивался в правах со шведским языком в течение двух десятилетий, то есть должен был стать официальным) и возобновление заседаний сейма, не собиравшегося больше полувека,

лишь подкрепило рост финского национального самосознания — на волне культурных импульсов, заложенных «Сказаниями фенрика Столя» и «Калевалой».

Строительство Сайменского канала, открытого в 1856 г., и особенно Финляндской железной дороги, законченной в 1870 г., прочнее привязало экономику Великого княжества к метрополии. Однако сближения финляндцев с империей, за исключением Карельского перешейка, в целом так и не произошло: Гельсингфорс оставался за границей для русскоязычных подданных империи — в вопросах законов, ментальности и языка. А существовавшая таможенная политика вызывали все больше противоречий между двумя столицами, особенно ввиду быстрой индустриализации России.

Националистические круги Финляндии стали активно высказываться против русификации Карельского перешейка, на что обратила внимание русская печать во время громкой полемики вокруг автономного статуса Великого княжества. Но Карельский перешеек стал, по сути, единственной большой точкой языкового соприкосновения Финляндии и России — безуспешные попытки насильственной русификации финских чиновников стали разочарованием Петербурга времен Александра III и Николая II. Так или иначе, пограничное русскоязычное влияние являлось вторичным по отношению к главному языковому контрапункту «шведский-финский-русский», ставшего поворотным моментом истории Финляндии начала XX в.

Петербург времен Александра II с помощью генерал-губернатора Н. В. Адлерберга (в должности 1866–1881) стремился внедрить русский язык в Финляндии без излишнего давления: язык метрополии должен был вытеснить заграничный шведский на волне народного финского, не имевшего к тому моменту большого культурного багажа. Этого пытались достичь «культурными методами»: в частности, организацией в Финляндии русского театра и обширной поддержки культуры в целом. Однако эта стратегия была обречена на провал из-за непонимания быстрых перемен (процесса формирования Stat¹), происходивших за финской «полуграницей».

Усиление фенномании привело к появлению ответного движения — свекомании², которое позже неоднократно влияло на радикализм фенноманов. Позиция свекоманов представ-

ляла собой смесь скандинавизма и антирусской ориентации; их стремление к шведскому языку и союзу с близкой по духу Швецией вызывала в обществе (в первую очередь, в радикальном студенчестве) брожения и ответные действия русских властей. Например, короткое введение цензуры и запрета печати книг на финском языке, что не могло не вызывать неприятие финноманов.

Й. В. Снелльман, наблюдая разрастающийся языковой дуализм Финляндии, выразил надежду, что языковая революция не перерастет в общественную³. В результате образованный класс разделился на сторонников финского и шведского языков, что в дальнейшем породило расслоение общества на финские и шведские семьи. Однако при этом чувство национального единства между ними не терялось.

Спор на страницах газет о статусе Финляндии (консервативные «Московские ведомости» М. Н. Каткова, критиковавшие автономию Великого княжества в 1860–1880-е гг., и либеральные «Голос» и «Вестник Европы», большей частью поддерживавшие автономию⁴) лишь подчеркивал двойственную позицию столицы империи по финляндскому вопросу в целом и по русификации Финляндии в частности. Критике, в первую очередь, подвергались собственные законы автономии и статус русских, имевших серьезные ограничения в правах по сравнению с подданными Великого княжества — по сути, приравненных к иностранцам. Иллюстрацией «диспропорции прав» была ситуация финляндцев в Петербурге, которые одновременно имели два статуса: подданных империи и подданных княжества (с припиской к родному приходу), что сильнее привязывало их к родным землям, несмотря на постоянное проживание в столице империи⁵.

Поэтому политика Александра III, взошедшего на престол в 1881 г., претерпела изменение в сторону унификации законов финляндской автономии с законами империи. Политика русификации Финляндии началась при генерал-губернаторе Ф. Л. Гейдене (в должности 1881–1897) в конце 1880-х — начале 1890-х гг. Но она предполагала постепенную реализацию, несмотря на желание статс-секретаря по делам Финляндии В. фон Дена (имевшего более тесный контакт с императором), который предлагал оставить шведскому языку только статус

«дозволенного местного». Идея была настолько радикальной, что даже Ю. С. Юрье-Коскинен (1830–1903), лидер фенноманов, ее не поддержал.

Противостояние свекоманов и фенноманов в Сенате и ошибочное представление о полном принятии фенноманами российского правления подтолкнуло Ф. Л. Гейдена к поддержке последних, что позволило в том числе реализовать школьную реформу 1883 г. (введение финского в средних школах) и поднять статус финского языка, что позднее способствовало вытеснению прошведских и прорусских настроений.

Серьезное наступление на юридический статус Финляндии началось после публикации в 1886 г. работы финляндского сенатора Л. Мехелина, который пытался доказать, что Финляндия имеет особый государственный статус. Но эта работа послужила лишь катализатором процесса по законодательному упразднению финляндской «государственности» — существовали иные, более серьезные, факторы, которые беспокоили Петербург. Так, финляндский пример мог подтолкнуть к проявлению сепаратизма другие окраинные территории: в первую очередь, в соседней Прибалтике. Нельзя было сбрасывать со счетов и все увеличивающуюся экономическую конкуренцию России и Германии в Финляндии и военную конкуренцию в регионе Балтийского моря.

Первым принятым постановлением стал почтовый манифест 1890 г. (не считая закона о всеобщей воинской повинности 1878 г., во многих отношениях особого), за которым последовал устав 1898 г. об исполнении в Финляндии решений российских гражданских судов. Февральский манифест о порядке издания законов 1899 г., изданный 3/15 февраля, на первый план выдвинул вопрос о роли общегосударственного русского языка в Великом княжестве и окончательно закреплял за финляндским сеймом только консультативную роль: его несогласие теперь не препятствовало введению законов на территории Велико-го княжества.

Таким образом, начало XX в. стало кульминационным моментом в языковой истории имперской Финляндии. Начало политического и языкового давления на Великое княжество связано с уже упомянутым Февральским манифестом, а в 1900 г. издается манифест о введении русского языка в делопроизвод-

ство, который предписывал поэтапное введение языка в Сенате, центральных учреждениях и губернских управах в течение 5 лет. Тем самым было выполнено обещание, данное Александром II в 1863 г⁶. Кроме того, был в 1901 г. принят закон о воинской повинности, упразднявший финляндские войска (основная цель издания Февральского манифеста), а в 1902 г. издается положение об окончательном уравнивании в правах финского и шведского языков.

Генерал-губернатор Н. И. Бобриков (в должности в 1898–1904 гг.) стал олицетворением новой политики, ревностно реализовывая политическую линию столицы империи. В частности, еще перед изданием Февральского манифеста он представил Николаю II свою программу, в которой предлагал ввести русский язык в сенате, учебных заведениях и в администрации, а также издавать русскую правительственную официальную газету и облегчить русским жителям процесс издания газет на русском и местном языках⁷.

Введение чрезвычайного положения на три года в 1903 г. (т. н. «режим диктатуры») подчеркивало серьезность намерений генерал-губернатора и подтолкнуло радикально настроенных финноманов к решительным действиям. Смертельное ранение Н. И. Бобрикова в здании сената в 1904 г. чиновником Э. Шауманом стало первым актом активного сопротивления финляндцев. Надвигавшимся репрессиям помешали стремительно развивавшиеся революционные события 1905–1907 гг. — решение проблем окраины империи было отложено. Из-за революционного давления, которое не миновало и Финляндию, Николай II был вынужден подписать т. н. «ноябрьский манифест» 1905 г., который приостановил действие Февральского манифеста, закона о воинской повинности и некоторых других постановлений.

На основе указанного манифеста к 1906 г. сословный сейм был заменен однопалатным парламентом, избираемым на основе всеобщего и равного избирательного права. Не имевшие финляндского подданства (то есть большая часть русскоязычного меньшинства Великого княжества) не получили права голоса — так же как и при выборе сформированной в этом же году российской Государственной думы первого состава. Напротив, финляндцы, постоянно проживавшие в Петербурге и имевшие достаточный доход, имели право выбирать представителей

в оба учреждения. Выборы в новый финляндский парламент прошли в марте 1907 г.

«Первый период угнетения» (1899–1905), окончание которого совпало с началом Первой русской революции, ощутимо сказался на русскоязычных жителях Великого княжества, в первую очередь Гельсингфорса. Носители русского языка достаточно быстро стали восприниматься как угроза финскому национальному самосознанию, и лишь наличие русских военных частей в Свеаборге поддерживало хрупкое равновесие. Русскоязычное меньшинство без подданства (0,2–0,3% в период 1900–1920 гг.) стало жертвой неприятия всего русского большинством жителей Великого княжества, чему способствовали и активные публикации в прессе — как шведоязычной (*Hufvudstadsbladet*, *Nya Pressen*, *Helsingfors Dagblad*), так и финноязычной (*Uusi Suomentar*, Finland).

Вопреки предпринятым генерал-губернатором мерам языковая реформа, которая должна была ввести обязательный русский язык в систему образования, провалилась из-за ее неподготовленности (в первую очередь, нехватки преподавателей русского языка), протестов, а временами и бойкота русскоязычного обучения финскими преподавателями, учениками, студентами. Кроме того, в Петербурге не было единого мнения о методах проведения языковой политики, что не способствовало принятию четкой стратегии. Пункт программы Бобрикова, который касался введения обязательного русского языка в образовании, соответствовал идее Г. М. Армфельта, представленной им еще в первые годы присоединения Финляндии к Российской империи, но не воплощенного из-за своей утопичности.

Одновременно тенденция увеличения роли финского языка становилась все более ощутимой. В первую очередь из-за большого эффекта, даваемого школьным и частично университетским финноязычным образованием, активно развивавшимся после школьной реформы 1883 г. Появление частных школ и лицеев, поддерживаемых администрацией Великого княжества, вырастила в 1880–1890 гг. новое поколение студентов и чиновников, «думающих по-фински»⁸. Их оппозиция свекоманам, ориентированным на Швецию и на «вечный шведский язык», становилась все более мощной и вела в том числе к уменьшению роли шведского языка в повседневной жизни.

Эту картину иллюстрирует постоянное увеличение финноязычной составляющей в школах. Так, если в середине 1880-х гг. количество финноязычных учеников было меньше шведоязычных (1885 г. — 41,5%), то к 1900 г. оно повысилось до 61,7%, а к 1915-му — до 70,4%. Напротив, университеты еще сохраняли шведоязычную традицию (во многом из-за большей инертности высшего образования): к началу Первой мировой войны лишь 29–33% студентов были финноязычными⁹.

Шведская народная партия, организованная консервативными свекоманами в 1906 г., стала противовесом фенноманам (финской и младофинской партиям), сохраняя традиции шведского языка. Поддержка ее шведоязычным населением была прогнозируемой: в период с 1907 по 1917 г. за нее голосовали 11–13% населения, что практически совпадало с количеством носителей шведского языка в Финляндии. Основными ее сторонниками являлись сельские жители Эстерботнии и Ньюланда, а также шведоязычные горожане из Гельсингфорса, Або и Выборга.

В тот же временной отрезок поддержка Финской партии составляла от 27 до 17% (она постепенно уменьшалась к 1917 г. за счет увеличения поддержки социал-демократической и аграрной партий), а младофинской партии колебалась от 12 до 14% населения. Несмотря на ощутимый перевес фенноманов в парламенте, их влияние на шведский язык не было подавляющим: нужно учитывать то, что большинство парламентариев говорило по-шведски, а также единение партий в вопросах противодействия русскому языку. Но разница в подходе к литературе, культуре и к определению финляндской идентичности все равно оставалась.

12 мая 1906 г., в день столетнего юбилея со дня рождения национального идеолога Й. В. Снелльмана, почти 25 тысяч жителей Финляндии сменило иностранные фамилии (в первую очередь, шведские) на финские. Шведский день, впервые отпразднованный 6 ноября 1908 г., поднял новую дискуссию о ситуации шведского языка в Финляндии и его связях со Швецией. Особенно остро она проходила в 1912–1913 гг. и породила новое понимание терминов финляндцы («finländare») и финляндские шведы («finlandssvensk»). Радикальные свекоманы требовали, чтобы обе группы именовались единым термином *finländare*. Однако слова *finländare* и *finländsk* считались непа-

триотическими и долгое время не применялись в официальной жизни¹⁰. Термин *finlandssvenska* стал официально применяться по отношению к шведоязычному населению Финляндии позднее, с 1945 г. и уже без связи со Швецией.

«Второй период угнетения» (1908–1917) связан с принятым в 1910 г. законе об общегосударственном законодательстве (касающемся Финляндии), на основе которого в 1914 г. сформировалась «Большая программа русификации». Началом «периода» стал новый порядок представления финляндских дел: от генерал-губернатора через Совет министров к императору. Таким образом, была разрушена персональная уния государя и Великого княжества, существовавшая с 1809 г. Жаркие дебаты о Финляндии возникли в III Государственной думе в 1910 г., предвзятое принятие закона об общегосударственном законодательстве, который, по мнению большинства депутатов, должен был положить конец финляндской автономии.

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., помешала воплотиться программе русификации, оставив практически неизменным автономный статус Финляндии. Одним из немногочисленных последствий закона 1910 г. стал закон об уравнивании в правах финляндских граждан и других русских подданных, принятый в 1912 г., наделавший «много шума» в Великом княжестве, но не принесший коренных изменений ввиду тревожной предвоенной обстановки. Еще одним «больным» финляндским вопросом стал проект обратного присоединения части Карельского перешейка к Санкт-Петербургской губернии, который разрабатывался в 1911–1912 гг. Его внедрение также остановила мировая война.

Впечатления генерал-губернатора Ф. А. Зейна (в должности в 1909–1917 гг.), который многократно объезжал Финляндию с инспекционными поездками, иллюстрируют последствия «периодов угнетения». Генерал-губернатор не составил положительной картины преданности финнов¹¹, что сильно отличалось от впечатлений его предшественников, руководивших Финляндией во времена Александра I, Николая I, Александра II.

Тем не менее до 1909–1910 гг. в финляндском обществе вопрос о возможности выхода из состава Российской империи практически не обсуждался. Администрация Великого княжества лишь пыталась сохранить автономный статус, но после

подавления Первой русской революции появились первые реплики о разрыве с империей, постепенно укреплявшие мечты о будущей независимости¹².

Таким образом, к 1917 г. шведский язык, чуждый большинству жителей княжества, терял позиции, но сохранял достаточно «силы», чтобы оставаться языком аристократии и культуры. Шестисотлетняя традиция административного и культурного шведского языка; небогатый культурный опыт финского языка (который зачастую был вынужден находить новые слова для описания культурных и научных явлений); ведущая роль шведского языка при обучении в университете; активная позиция свекоманов и широкие их контакты с Швецией и Германией — все это способствовало сохранению шведского языка в его прежней роли. Или, по крайней мере, не слишком серьезному ее снижению.

Негласной защите шведского административного языка от процесса русификации способствовали глубокая религиозная граница, пролегавшая между лютеранством и православием, объединявшая финноязычных и шведоязычных лютеран, а также широкие культурные контакты России и шведоязычной Финляндии.

Набирающий силу финский язык ощущал давление русского языка, однако оно было второстепенным — главной целью Петербурга являлись свекоманы и их шведский язык (их называли шведами, приравнивая языковой признак к национальному), который в столице империи считали чуждым как финнам, так и русским. Единение финляндцев в вопросах защиты своей автономии в столице метрополии практически не учитывалось.

Поэтому громкие реплики фенноманов о тотальной русификации были скорее политическим приемом или паникой: целью царской администрации было лишь введение русского языка в сферу государственного управления Великим княжеством и, частично, в университет, как это было осуществлено в Прибалтике. Сами замыслы по русификации княжества не могли реализоваться в полной мере, так как не язык связывал Финляндию, изначально двуязычную, а конституционные законы, которые защищали обе языковые группы.

Исходя из этого, русский язык может лишь условно находиться на вершине языковой пирамиды (см. рисунок), которую также можно назвать пирамидой национального самосозна-

ния — из-за прочной связи самоидентификации большинства жителей Великого княжества с языком, что особенно ярко проявлялось во второй половине XIX в. Однако на рубеже веков эта связь стала постепенно уменьшаться, а пирамида стала переворачиваться: финский язык, поднимаясь на ее вершину, целенаправленно вытеснял административные шведский и русский языки на второй план, делая положение пирамиды все более неустойчивым. Данная ситуация проявлялась на всех уровнях: парламентском, школьно-университетском, профессиональном, бытовом. Быстрые темпы индустриализации, «спровоцированные» появлением финляндской железной дороги, подтолкнул финноязычное сельское население в города. Это значительно изменило языковой ландшафт городов и, конечно, финской столицы, в которой до начала 1900-х гг. доминировал шведский язык.

Неустойчивое положение языковой пирамиды проявлялось до 1930-х гг., когда по внешнеполитическим причинам ее положение стабилизировалось: Финляндия видела в Швеции союзника, и языковые разногласия лишь мешали контактам.

Рисунок. Языковая пирамида (перевернутая пирамида национального самосознания) в конце XIX — начале XX вв.

¹ Со шведского *Stat* переводилось не только как «государство», но и как «провинция, область». Финский термин *Valtio* появился только в середине XIX в. По мнению О. Юссилы, финляндская государственность существовала в период

с 1863 по 1891 г., когда финляндский сейм охранял сферу своей государственной компетенции.

² Оплотом свекоманов оставались многонациональный Выборг и Або, приближенный к Стокгольму в географическом, историческом, языковом и идеологическом планах.

³ Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 344.

⁴ См.: Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 89–142.

⁵ См.: Энгман М. Финны и шведы в Санкт-Петербурге в XIX — начале XX в // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб., 2004. С. 270–271. Это сильно сказалось во время революционных событий, когда большинство финляндцев вернулось на родину и, несмотря на изменение идентичности после долгого проживания в России, все-таки ощущали себя финляндцами.

⁶ Оно имело силу вплоть до 1922 г., когда был принят закон о языке независимой Финляндии, и оказало существенное влияние на становление языковой ситуации в стране.

⁷ Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. С. 649.

⁸ Клингс М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 339.

⁹ Engman M. Språkfrågan. Finlandssvenskhetens uppkomst 1812–1922. Helsingfors, 2016. S. 181–182, 187.

¹⁰ В XIX в. данное слово использовалось в основном для обозначения русских войск, размещенных на территории Финляндии. В России же все финны (особенно образованные) именовались шведами. Шведоязычные простолудины (в основном из Эстерботнии) также называли себя шведами.

¹¹ Лунтинен П. Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского (1809–1917 гг.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX в. М., 2006. С. 61.

¹² Рогинский В. В. Российские представления о Финляндии и финнах XIX–XX вв. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX в. С. 78.

Т. Г. Фруменкова

**П. Г. ГАНЗЕН И ПРОЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ
(1905–1917 гг.)**

П. Г. Ганзен (1846–1930) — датчанин, больше половины своей долгой жизни, с 1871 по 1917 г., проживший в России. Он стал олицетворением связи между русской и датской культурами и известен, прежде всего, как переводчик на русский язык Г.-Х. Андерсена, но переводил также К. Гамсуна, Г. Ибсена, а на датский язык — И. А. Гончарова и Л. Н. Толстого. Десять лет он проработал в Сибири «агентом датской телеграфной компании». Позднее в Петербурге П. Г. Ганзен руководил школой телеграфистов, состоял преподавателем «телеграфного искусства и английского языка» в Электротехническом институте¹. С конца XIX в. важной сферой его интересов становятся вопросы организации социальной помощи и призрения детей, оставшихся без попечения родителей.

После Февраля 1917 г. руководители Петроградского воспитательного дома получили срочное задание начальства: им было приказано подготовить проект преобразования сиротских учреждений. Главный врач воспитательного дома И. А. Климов, исполнявший обязанности директора, в основу своего краткого проекта положил документы, скорее всего, хранившиеся в правлении дома, под заголовком «К проекту преобразования воспитательных домов». Так был назван целый комплекс материалов, подготовленных П. Г. Ганzenом, чиновником по особым поручениям. Его формулярный список в архиве Мариинского ведомства обнаружить пока не удалось. П. Г. Ганзен занимался анализом состояния воспитательных домов более 10 лет — с 1905

до 1916 г. Последние его бумаги датированы 14 декабря 1916 г. Документы очень эмоциональны. Чувствуется, что их автор безуспешно пытался пробить стену бюрократического равнодушия. Характерно, что внедренный ещё императором Николаем I в воспитательные дома сословный подход к детям в его проектах вовсе не упоминается.

Автор сам рассказал историю появления материалов. В 1904 г. главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии граф Н. А. Протасов-Бахметев, ознакомившись с печатными трудами П. Г. Ганзена по призрению детей, пригласил его в ведомство на службу. Графа заинтересовала книга «Опыт оздоровления деревни»², включавшая главу о яслях-приютах и анализ «опытов по борьбе с детской смертностью путем их устройства, так как его беспокоила огромная смертность в сельских округах»³. Н. А. Протасов-Бахметев признался П. Г. Ганзену, что за 16 лет службы главноуправляющим мало уделял внимания воспитательным домам. Он решил «хоть бы перед смертью» исправить свою ошибку, поэтому поручил новичку поближе ознакомиться с их организацией и наметить план необходимых реформ.

П. Г. Ганзен решил обследовать деревенские округа, менее «знакомые известным лицам, чем столичные воспитательные дома». Существование деревенских округов определялось особенностями организации воспитательных домов, которые появились еще во времена И. И. Бецкого и Екатерины II и окончательно были закреплены императрицей Марией Федоровной (1797–1828). Принятых в дом младенцев в возрасте примерно 6 недель отправляли на воспитание в крестьянские семьи за плату. Те деревни и сёла, в которых проживали воспитанники, и объединялись в деревенские округа. Весной 1905 г. с разрешения директора Петербургского дома Н. П. Брока в течение двух месяцев П. Г. Ганзен объехал 22 округа вместе с начальником округов Д. Г. Щербачёвым или с заведующими лазаретами (в каждом округе Петербургского дома имелся лазарет для заболевших детей. — Т. Ф.), окружными врачами, а также надзирателями. Свои наблюдения чиновник изложил в отчетах, которые пока не обнаружены.

В комментариях к отчетам, названных «соображениями», П. Г. Ганзен поведал: «Общественное мнение, давно уже сло-

жившееся не в пользу воспитательных домов, подготовило меня к тому, что я встречу много крупных и мелких недочетов, как в самой их организации, так и в ведении всего дела». Однако свою задачу исследователь видел «не в ревизии администрации, а в освещении положения питомцев, и сосредоточил внимание на условиях их быта... Важнее всего было выяснить, во-первых, в какой мере могут (здесь и далее подчеркнуто автором. — Т. Ф.) при данных условиях удовлетворяться нужды питомцев... во-вторых, что препятствует их удовлетворению, и, в-третьих, как можно устранить эти препятствия». Он утверждал, что старался избегать «личной критики» и обвинений по адресу тех лиц, которые отвечали за деревенское воспитание. По убеждению П. Г. Ганзена, недостатки «в постановке дела должны быть отнесены на счет устарелой, пережившей себя системы, а не на счет руководящих делом лиц, до известной степени стесненных в своих действиях этой системой».

Посланник главноуправляющего был убежден, что члены правления немедленно приступят к реализации предложенных им временных мер и подготовке коренных преобразований. Автор считал, что его отчеты дадут толчок реформам, тем более что наряду с темными сторонами жизни воспитанников он указал и светлые, привел «отрадные примеры беззаветного служения делу со стороны окружных врачей и надзирателей, и со стороны воспитателей из крестьян», что укрепляло надежды «на благоприятный результат трудов». К письменным отчетам он приложил альбом фотографий, который члены правления называли даже рекламой для воспитательных домов, а сам фотограф считал средством привлечения внимания к будущей реформе.

По итогам обследования П. Г. Ганзен представил краткий устный доклад Н. А. Протасову-Бахметеву в присутствии ряда высоких чинов Мариинского ведомства и Петербургского воспитательного дома. Граф слушал докладчика внимательно, прерывал меткими замечаниями. Н. А. Протасов-Бахметев выказал неодобрение действиями своих подчиненных, которые никогда не ездили по округам для выяснения положения питомцев, а интересовались только их администрацией. «Вы же, — обратился граф к П. Г. Ганзену, — стали на верную точку зрения, исходя от самого питомца»⁴. Эти слова автор, по его словам, часто вспоминал, изучая официальную литературу о воспита-

тельных домах, в которой трудно найти сведения о питомцах и их дальнейшей судьбе.

Почетный опекун, управляющий Петербургским воспитательным домом, ознакомившись с отчетом П. Г. Ганзена, пригласил его для беседы. Он заявил, что не нашел ничего нового в информации чиновника, а «недостатки не устранены по недостатку средств». Это вызвало удивление П. Г. Ганзена, потому что предложенные им «временные меры» не требовали дополнительных расходов. Он не включил в число срочных мероприятий даже повышение платы крестьянам-воспитателям, хотя она была установлена еще в середине XIX в. и являлась, по его убеждению, одним из «главных тормозов улучшений». Однако почётный опекун с негодованием воскликнул: «Нельзя прибавить этим... ни гроша, — всё в кабак пойдет!»⁵. Замечание почетного опекуна вызвало негодование собеседника: подобным людям нельзя было доверять воспитание детей, но их вывоз в деревни увеличивался, другие способы вскармливания младенцев не предусматривались, и, следовательно, нужно было менять отношение к крестьянам-воспитателям. К тому же среди кормилиц он встречал немало таких женщин, которые исполняли свои обязанности «с удивительным самоотвержением и бескорыстием», так что плату им необходимо было повысить. Из-за низких тарифов кормилиц приходилось искать «среди беднейших и часто наихудших крестьянских семей», что и являлось причиной громадной детской смертности. По данным отчета за 1904 г., до совершеннолетия доживали всего 11,3% воспитанников, о чем почётный опекун даже не знал, а директор Петербургского дома П. А. Богданович смотрел на эти страшные цифры «попросту как на стихийное явление» и отказался обсуждать назревшие преобразования. П. Г. Ганзен с горечью отметил, что, знакомясь с общественным призрением за границей, узнал многих деятелей в области благотворения и привык встречать в них людей, по призванию «отдающихся служению ближнему», то же самое ожидал встретить и в воспитательном доме, но, к несчастью, ошибся. Он сожалел, что не смог представить полный отчет Н. А. Протасову-Бахметеву, который уехал на лечение за границу и вскоре скончался. Его преемники недолго занимали пост и «не могли продвинуть вопрос»⁶.

Весной 1906 г. П. Г. Ганзена командировали в Москву. Почетный опекун, управляющий Московским домом, ушел в отставку, и столичному чиновнику пришлось иметь дело «с одним правлением: директором Московского воспитательного дома И. Н. Белкиным, главным врачом А. Н. Устиновым, начальником сельских округов А. В. Нишевым и его помощником. Директор еще в Петербурге ознакомился с отчетом П. Г. Ганзена и пожелал провести в Московском доме одну из рекомендованных им мер — устроить ясли для воспитанников. Он сделал по их поводу запрос окружным врачам и надзирателям и предложил им изыскать другие меры по борьбе с детской смертностью. А. В. Нишевов пригласил столичного гостя сопроводить его в объезде округов. П. Г. Ганзен восторженно отзывался об этом чиновнике. Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, А. В. Нишевов участвовал во всех четырех объездах и оказался человеком «редким по знанию своего дела и преданности ему». Главным препятствием для улучшения положения в сельских округах он считал непомерно низкую плату за воспитание. Его особенно возмущало понижение платы до 1 руб. в месяц по достижении воспитанником 8 лет: «Подумайте! Рубль серебром как раз тогда, когда ребенка надо посылать в школу!»⁷. Ссылки главногоуправляющего на отсутствие средств А. В. Нишевов решительно отвергал: как раз в то время нашли деньги на непредусмотренное уставом воспитательного дома вскармливание детей родными матерями, которым стали платить вдвое больше, чем крестьянкам-кормилицам.

Эту точку зрения разделяли и другие члены правления. По их сведениям, двойная и тройная плата матерям за вскармливание детей, которые числились питомцами воспитательного дома, ошеломила деревню. Правление выслушало много жалоб от приезжих деревенских кормилиц. Во время объездов к чиновникам часто являлись депутатки от кормилиц с просьбами доложить начальству о необходимости прибавок и «крепкими словечками по адресу считанных гулящих соперниц. Тон кормилиц в московских округах более решительный, чем в петербургских». Деревенские старухи приговаривали: «Гуляйте, девки! Начальство за это награду даёт!»⁸

По мнению П. Г. Ганзена, проблемы сельских округов обоих воспитательных домов были сходными. Поближе к центрам,

в тех местностях, где спрос на труд был больше и заработки, особенно летом, выше, крестьянки перестали брать питомцев. Окружные надзиратели в поисках кормилиц вынуждены были забираться в глушь, где отсутствие других источников дохода заставляло крестьянок победнее браться за такое подспорье к скудному семейному бюджету как «питомнический промысел». В начале XX в. воспитательные дома выручала «голь перекатная» и высокая смертность питомцев-младенцев.

П. Г. Ганзен в своих «соображениях» вновь и вновь обращался к проблемам деревенского воспитания: «Мало проку отдавать питомцев в такие ненадежные руки. Полунищие, лишенные даже самых примитивных понятий о правильном уходе за детьми, такие деревенские женщины могут только морить детей, своих и чужих: "...Уроди, Господи, скотинку с приплодом, а детей с приморцем!"». По сведениям окружных надзирателей, высокая летняя смертность детей объяснялась тем, что крестьяне в начале лета, особенно в Петровский пост, хронически недоедали. Запасенные с осени овощи, даже соленья и квашеная капуста, к июню успевали испортиться. Основную пищу составлял толченый зеленый лук, залитый «водянистым прокислым квасом» и заедаемый черным хлебом. Нездоровая еда кормилиц вызывала желудочно-кишечные расстройства у их воспитанников. К тому же с ранней весны до осени женщины работали в поле, и деревня оставалась на попечении древних стариков и нянек 6–8 лет: «Всякому, кто жил в деревне, очень хорошо известна такая картина: лишь только вы входите в избу, как ваше обоняние поражается удушливым зловонием. Это означает всегда одно и то же. Перед глазами висит одна или две люльки, а обитатели их буквально задыхаются в своих экскрементах. Если приподнять занавеску, то около ребенка... валяется соска, часть огурца, огрызок яблока, смотря по времени... Пришедшая мать... прикладывает его к груди. Наголодавшееся дитя жадно оттягивает молоко, и не проходит двух минут, как тут же начинается явление острого детского катара желудка, и нередко тут же начинаются просьбы матери помочь ребенку. "Нет ли, — говорит, — каких капель, а то вот уже третий день, как пососёт, так и вырвет всё обратно". Ошеломлённый посетитель часто не знает, что делать... Лечить каплями такого ребенка? Это будет профанацией медицины как науки, и с горечью в сердце...

молчишь и видишь, как совершается величайшее преступление в России, — массовое детоубийство»⁹.

Московские окружные надзиратели делили всех деревенских кормилиц на «1) нормальных, 2) сомнительных и 3) совершенно не удовлетворяющих требованиям вывоза». К нормальным они относили тех женщин, у которых оставалось грудное молоко, но не было грудного ребенка и в хозяйстве имелась корова, так что питомец мог попасть в сносные условия. Из 186 «его» кормилиц, вывезших детей, только 20–25 можно было отнести к нормальным. Остальные — женщины с собственными грудными детьми, — относились к сомнительным. Надзиратели колебались: разрешать такой женщине ехать в Москву за ребёнком или нет. Если не давать ей питомца, переполняется воспитательный дом. Если дать, можно быть почти уверенным, что через несколько месяцев она явится за разрешением на следующего воспитанника, так как предыдущий умер. При этом кормилица доказывала, что ухаживала за приёмным хорошо, и в доказательство приводила тот факт, что её ребёнок тоже умер. Окружные надзиратели считали, что ненормально высокая смертность грудных питомцев вызывалась усиленным их вывозом, а усиленный вывоз в свою очередь определялся чрезмерным скоплением младенцев в воспитательном доме. Анализируя эти материалы, П. Г. Ганзен пришел к выводу, что основная причина проблем состоит в том, что «еще недостаточно осознана и выяснена роковая ошибка, допущенная при организации воспитательных домов». По его словам, «инициаторы дела сочли возможным осуществить в стенах дома обе поставленные новому учреждению задачи — сохранение жизни и воспитание детей, и усугублена она была тем, что, напуганные почти поголовной смертностью младенцев, они не нашли лучшего выхода, как переложить оказавшиеся им не по силам задачи на неподготовленную к тому деревню... Нельзя не удивляться тому, что государственное дело призрения превращено в промысел»¹⁰. Сказано было сильно, хотя и не совсем точно.

Из положительных фактов в Московском доме П. Г. Ганзена поразила постановка ремесленного образования. Энергичный начальник московских сельских округов «скорбел о плохом выполнении первой задачи (сохранение жизни), но находил некоторое утешение в результатах выполнения второй зада-

чи — подготовки питомцев к самостоятельной трудовой жизни». В Московском доме число воспитанников, обучающихся ремеслам, приближалось к 3000, тогда как в Петербургском таких обнаружилось только 66. Некоторые из московских выпускников стали впоследствии хозяевами мастерских и охотно брали к себе на выучку малолетних воспитанников. П. Г. Ганзен посетил одну из таких мастерских и вынес хорошее впечатление как от личных успехов их владельцев, так и от их отношения к ученикам из питомцев. Наконец, чиновник по особым поручениям провел сравнительный анализ организации обоих воспитательных домов, причем особенности Московского дома показались ему более предпочтительными.

Закончив обследование Московского дома, П. Г. Ганзен представил тогдашнему главноуправляющему С. В. Оливу новый доклад с фотоальбомом. По распоряжению С. В. Олива под председательством его товарища князя Д. П. Голицына была создана подкомиссия по улучшению положения питомцев в сельских округах. Результаты ее работы были изложены в докладной записке 1912 г., подготовленной по поручению занимавшего в то время пост главноуправляющего князя А. А. Ливена. Подкомиссия приняла только одну меру — решила увеличить в сельских округах число летних детских яслей, организация которых предусматривалась действовавшими законами. В ходе обсуждения Д. П. Голицын поинтересовался у главного врача Петербургского дома М. Д. ван Путерена, почему положение об организации яслей не выполнено. Доктор ответил, что работать в яслях должны были ученицы училища нянь, но отправляли туда не наиболее пригодных, а своих любимцев, которых хотели пристроить на каникулы «на лоно природы», причем объяснения были даны в непринуждённом тоне, «с игровой усмешкой», как забавный анекдот, что произвело на автора тягостное впечатление. Впрочем, он оговорился, что доктор лично был вовсе не причастен к истории с яслями.

Итак, надежды П. Г. Ганзена не оправдались, никаких изменений в жизни питомцев не произошло. Между тем датчанин продолжал работу «по приведению воспитательных домов в соответствующий современным условиям вид». Начиная с 1907 г. он несколько раз был в заграничных командировках. Часть собранных материалов он представил главноуправляющему князю

Д. П. Голицыну в виде докладных записок. С 1911 г. П. Г. Ганзен был участником международных конгрессов по вопросам материнства и детства и рассчитывал, что их материалы будут использованы на практике, однако этого также не случилось из-за ведомственной разобщенности и отсутствия преемственности в работе многочисленных комиссий и подкомиссий. В 1911 г. состоялось совещание «по пересмотру тарифов сельским воспитателям», признавшее необходимым повысить плату. В поисках средств его участники обратили внимание на «институт родных матерей» и некоторые из них, в том числе товарищ главноуправляющего В. К. Кистер, высказали сомнения в его целесообразности. П. Г. Ганзен разделял их точку зрения, особенно в тех размерах, в которых он действовали в столичном доме, где плату в 1912 г. получали 11095 женщин. Чиновник заявлял: «Значение вскармливания матерью несомненно, но вызывает сомнение долг воспитательного дома обеспечивать его детям, ему переданным». Поддерживая и развивая выплаты родным матерям за вскармливание питомцев, правление Петербургского дома ссылалось на одного из зарубежных авторов. Однако на письмо П. Г. Ганзена этот неназванный специалист ответил, что «такое пособие (двойное и тройное против приемных матерей) не применяется ни в одном государстве, в Германии же... наблюдается как раз обратная разница... а именно: пособия, выдаваемые родным матерям, кормящим грудью своих внебрачных младенцев у себя на дому, не превышают 10 марок в месяц, тогда как назначенное прочим матерям... составляет от 20 до 25 марок в месяц»¹¹.

Подводя итоги, П. Г. Ганзен вновь остановился на замораживании тарифов на услуги деревенских воспитателей, в отличие от всех прочих статей расходов. Кормилицы, которые служили в самих домах, получали в 10 раз больше, чем приёмные матери-кормилицы на селе, а на содержание ребёнка в воспитательном доме — передаточном институте — расходовалось в 8 раз больше средств, чем в деревне, где ребёнок жил постоянно. При этом автор учитывал, что в дом поступали истощённые и часто больные дети, требовавшие больших затрат, а сельская жизнь была дешевле, но перекос всё равно был налицо. Кроме того, первое правило ухода за детьми — отсутствие резкого изменения режима, особенно важное для младенцев. Это правило нарушал переход к деревенскому воспитанию.

Плата крестьянкам-воспитательницам была увеличена в 1912 г., но это уже не могло изменить ситуации. После начала войны вся деревенская работа легла на женские плечи, цены на товары резко возросли, и тарифы вновь оказались очень низкими. В 1916 г. оба воспитательных дома опять потребовали повышения выплат. Снова была созвана особая комиссия под председательством В. К. Кистера, в работе которой принимал участие и П. Г. Ганзен. Он признал необходимым ещё раз увеличить тарифы, но заявил, что при создавшемся положении это едва ли что-либо изменит и повторил основные положения своей критики системы призрения¹².

«Схема проекта» преобразований, предложенная Н. Г. Ганзеном, в отличие от резких оценок современной ситуации, хотя и содержала революционные элементы, но в целом не отличалась радикальностью. По его убеждению, естественное право на жизнь, признанное за каждым ребенком, который был рождён в браке или вне брака, требовало, во-первых, «признания безусловного права на государственное или общественное призрение каждого ребёнка, лишившегося попечения взрослых». Во-вторых, естественное право на жизнь, по его убеждению, требовало установления «обязанности государства немедленно принять такого ребёнка на попечение». Эти права и обязанности государства и общества в некоторых странах уже были установлены законом, в первую очередь, по отношению к внебрачным детям. П. Г. Ганзен утверждал, что в Европе тогда руководствовались принципом: «Родители первые обязаны иметь попечение о детях». Центральные воспитательные учреждения широко открывали двери нуждающимся, но тщательно проверяли право на государственное и общественное призрение каждого ребёнка, принуждали нерадивых родителей к исполнению долга или, по крайней мере, к участию в расходах на детей.

В соответствии с этими представлениями «безусловный приём» в воспитательные дома «на полное своё попечение» предполагалось сохранить только за *«подкидышами и круглыми сиротами, доставляемыми через полицию»*. Остальные дети, в основном внебрачные, попавшие в заведение с неимущими матерями или от их имени, должны были приниматься на определённых условиях. Вариант А предусматривал их приём в воспитательное заведение за известную плату, внесённую

полностью или на льготных условиях по частям для возмещения части расходов государства и общества на воспитание ребёнка до 15 лет. Согласно варианту Б, разрешалось принимать ребёнка бесплатно в тех случаях, когда «установлены: 1) полная *имущественная несостоятельность матери* и 2) невозможность взыскания денежной помощи от отца ребенка (по добровольному соглашению или по суду)»¹³. Для подтверждения бедности матерей и привлечения отцов к содержанию детей при воспитательных домах следовало учредить юридические кабинеты «по образцу венских».

Бесплатный приём детей несостоятельных матерей обуславливался, во-первых, поступлением матери «в грудные отделения кормилицей своего ребёнка на срок, определяемый его здоровьем». В таком случае мать находилась на полном содержании дома и должна была оставаться в доме по меньшей мере ещё на такой же срок вольнонаёмной кормилицей с жалованием, из которого по её выходе из дома следовало производить вычеты на содержание ребёнка. Во-вторых, мать с ребёнком могла отправиться за счет воспитательного дома на срок кормления грудью в крестьянскую семью, которая давала ей приют, содержание и помощь по уходу за ребёнком, пользовалась её посильным трудом и получала «приплату» от воспитательного дома. Мать с малышом могла также поступить в «трудовой приют для матерей». Там во время кормления ребёнка она получала содержание, помощь по уходу за ним и отрабатывала их в мастерской или на молочной ферме, где приготавливали молоко для искусственного вскармливания. Эти трудовые приюты следовало размещать рядом с молочными фермами для неизбежной организации искусственного вскармливания детей¹⁴. От кормления ребёнка мать освобождали только болезни. Очень редко, лишь по самым серьёзным уважительным причинам, мать могла кормить ребёнка у себя дома под строгим контролем и с небольшой помощью от воспитательного дома.

Главным условием существования грудных отделений воспитательного дома, по убеждению автора схемы, являлась децентрализация. Их следовало устроить за городом в виде колоний, состоящих из небольших отдельных хозяйств: «Только при помощи таких филиальных отделений... воспитательного дома можно выйти из... заколдованного круга — вывоза в сель-

ские округа от скученности и повышенной смертности, приводящего к большей смертности в сельских округах». В грудных отделениях и детских питомниках на первом месте должен был находиться «естественный способ питания грудью», предпочтительно «грудью матери». Ради обеспечения ребёнка следовало установить рекомендованные автором суровые правила бесплатного приёма питомцев. Возражения против них отпадут, если признать, что в России, как в «передовых западных странах», главным предметом «общественного призрения является сам ребёнок», а не мать, как это было раньше. В крайнем случае, предполагалось использовать кормилиц. Для них нужно было установить строгие правила гигиены, «рациональный пищевой режим», избегать в нём резких перемен, вредно сказывавшихся на питомцах. Контроль над кормилицами требовал увеличения персонала грудных отделений «подготовленными нянями и надзирательницами».

Для детей постарше планировалось использовать смешанный способ кормления (грудью и коровьим молоком) в качестве перехода к отнятию от груди. Искусственное вскармливание коровьим молоком и питательными смесями в начале XX в. применялось преимущественно для «детей-сифилитиков во избежание заражения кормящих их грудью». П. Г. Ганзен считал, что при нехватке кормилиц оно может занять «более видное место», а искусственное вскармливание с использованием козьего молока «дает хорошие результаты при образцовой постановке». Это казалось автору чрезвычайно важным «при кормиличном кризисе». Следовало совершенствовать молочные фермы и создавать при них «школы молочного хозяйства для питомцев». Для улучшения ухода за младенцами, матерями и кормилицами нужен был «более значительный» и хорошо обученный «низший персонал» домов, потому предлагалось расширить училище нянь¹⁵.

Впрочем, схема П. Г. Ганзена не предполагала отказа от деревенских округов и предусматривала в этом отношении лишь паллиативные меры. К вывозу без матери допускались только младенцы, переведённые на смешанное вскармливание и самые крепкие из искусственников. Вывоз в холодное время отменялся — статистика показала, что большее число детей умирало в округах в течение первой недели после привоза, простудившись

в дороге. «Рамки выбора» городских и сельских воспитательниц для детей, отнятых от груди и приученных к искусственной пище, могли быть расширены. Плату им предполагалось значительно увеличить, можно было предъявлять и повышенные требования к их «культурному уровню, грамотности, удовлетворительности домашней обстановки». Они должны были представлять рекомендации, для них предусматривались просветительские меры (печатные наставления «об уходе и кормлении детей», книги по гигиене и об оказании первой помощи, включение курсов по детской гигиене в программу сельских школ воспитательного дома, устройство их учителями и заведующими округов бесед для воспитателей и др.). Для просвещения воспитателей предполагалось использовать детские ясли, а лучших приемных родителей награждать памятными знаками и деньгами. За питомцами, помещёнными в семьи крестьян и горожан, планировалось усилить наблюдение и контроль, для чего уменьшить размеры округов, увеличить их персонал и материальные возможности.

Предполагалось также устранить недочёты в школьном образовании деревенских воспитанников и в «подготовке их к трудовому существованию». Необходимо было содействовать «более правильному посещению сельской школы». Для этого следовало выдавать воспитателям деньги на зимнюю одежду и обувь воспитанников, обеспечить питомцев зимой «даровым горячим приварком в школах». Предполагалось также расширить программу школ (включить в них практические курсы по ручному труду, огородничеству, гигиене, уходу за детьми и домоводству для девочек), обращать внимание на ребят с «выдающимися способностями» и художественными талантами, содействовать получению ими среднего и высшего образования. Нужно было открыть новые специальные учебные заведения для воспитанников, которые стали бы готовить их «к труду педагогическому, врачебному, ремесленным и заводским упражнениям», а действовавшие учебные заведения — Мариинскую учительскую семинарию и училище нянь Петроградского дома — преобразовать.

Следовало также улучшить призревание безместных и увечных питомцев. Безместными, как правило, становились трудные дети и подростки, от которых отказывались приёмные роди-

тели. Для них необходимы были «временные испытательные приюты», а также постоянные исправительные приюты для детей младшего возраста под наблюдением врачей-психиатров и «исправительные колонии земледельческого типа» для подростков. От увечных воспитанников предполагалось отделить трудоспособных, а остальных содержать «в специальных учреждениях ведомства». Кроме того, П. Г. Ганзен предполагал ряд «добавочных мер к улучшению положения питомцев воспитательных домов». Они сводились преимущественно к предложениям создать различные комитеты и отделы по делам воспитательных домов, проводить съезды и совещания чиновников, отвечавших за содержание питомцев¹⁶.

Проект П. Г. Ганзена, как уже отмечалось, был завершён к концу 1916 г. Его «соображения» и «схема проекта» содержат факты, доказывающие, что реформирование воспитательных домов запоздало, по крайней мере, на несколько десятков лет в значительной степени благодаря равнодушию, неспособности и нежеланию руководителей Мариинского ведомства улучшить положение сирот. Чиновник резко критиковал сложившуюся к 1917 г. систему призрения, но серьёзно изменить предлагал только организацию призрения новорождённых. Исполнявшему должность директора Петроградского дома И. А. Климову, который воспользовался его материалами, пришлось действовать в другой, революционной обстановке. Опираясь на сведения П. Г. Ганзена и отталкиваясь от них, доктор И. А. Климов занял пессимистическую позицию. Революционные события, затронувшие и Мариинское ведомство, привели его к убеждению о недееспособности системы воспитательных домов. И. А. Климов склонялся к необходимости её радикального реформирования¹⁷. Вскоре революционная волна смыла и самого доктора с поста руководителя воспитательного дома. Прежняя система в 1917 г. начала очень быстро разваливаться и преобразования стали неизбежными.

¹ Ганзен П. Г. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 8. С. 85.

² Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни. СПб., 1902.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2339. Л. 41.

⁴ Там же. Л. 42–44.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 51–52.

⁷ Там же. Л. 53.

⁸ Там же. Л. 56–57.

⁹ Там же. Л. 60–62.

¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹ Там же. Л. 94.

¹² Там же. Л. 97–113.

¹³ Там же. Л. 19, 24.

¹⁴ Там же. Л. 25–26.

¹⁵ Там же. Л. 27–30.

¹⁶ Там же. Л. 31–36.

¹⁷ Там же. Л. 4–6 об.

В. И. Мусеев

ПРЕДЫСТОРИЯ КАЛЕНДАРНОГО КОНФЛИКТА В ФИНЛЯНДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Вопрос о введении в церковной практике григорианского календаря, который ещё в период автономии использовался в гражданской жизни в Финляндии, оказался причиной серьёзных разногласий внутри и вокруг Православной церкви в независимой Финляндии. «Календарный конфликт», кульминация которого пришлась на середину 1920-х гг., имел свою предысторию. Уже до провозглашения независимости Финляндии сторонники преобразований внутри Финляндской церкви начали предпринимать попытки ввести новое летоисчисление и в церковной жизни. В первый раз вопрос о праздновании церковных праздников по новому стилю был поднят в 1905 г. на епархиальном съезде на Валааме представителями северо-карельских приходов¹. В апреле 1917 г. на собрании православного духовенства в Выборге было принято решение обратиться к Святейшему Синоду с ходатайством о переходе на григорианский календарь в тех приходах, которые изъявляют такое желание². 3–6 (16–19) октября 1917 г. вопрос о новом летоисчислении обсуждался на съезде православного духовенства и мирян в Валаамском монастыре. В протоколе съезда было записано: «О введении нового стиля в православных приходах Финляндии. После всестороннего освещения этого вопроса, когда выяснилось, что этого требует сама жизнь в целях удержания православных от перехода в лютеранство, в принципе признано возможным перейти к празднованию всех праздников по новому стилю». Это предложение не вызвало возражений со стороны епископа Серафима, который заявил, что «он вполне

сочувствует введению празднования православных праздников по новому стилю в тех приходах епархии, где большинство прихожан найдет это необходимым». В результате, как было далее записано в протоколе, «после прений подавляющим числом голосов собрание постановило перейти к празднованию праздников по новому стилю свободно, по желанию каждого прихода в отдельности и спешно, и просить епархиальное начальство, чтобы оно по утверждению протокола Преосвященным Епископом Серафимом спешно уведомило бы об этом приходы для осуществления вышесказанного постановления съезда, предписав, чтобы приходское собрание для решения вопроса о переходе к празднованию праздников по новому стилю было назначено на такой праздничный день, когда в церкви бывает больше богомольцев и постановление совершилось бы при возможно торжественной обстановке»³.

Руководство РПЦ не высказало принципиальных возражений против этого решения. На имя епископа Серафима⁴ поступил указ Синода от 4 (17) декабря 1917 г.: «Святейший Синод определяет: предоставить Вашему Преосвященству, по ближайшему Вашему усмотрению, разрешить духовенству тех приходов, где это окажется неизбежным, в праздничные дни по новому стилю совершать положенное по уставу праздничное богослужение для желающих из прихожан, о чем и уведомить Вас указом»⁵. Серафим, находившийся в тот момент в Москве, отправил в Выборг телеграмму, в которой приходам Сортавала, Иломанси, Суйстамо, Кителя, Йоэнсуу, Тайпале и Корписелькя разрешалось совершать праздничные богослужения по новому стилю. По получении этой телеграммы, названные карельские приходы перешли на новый стиль⁶. По утверждению авторов «письма Валаамских иноков», данное патриархом и Синодом разрешение касалось только неподвижных праздников. О Пасхе и других подвижных праздниках речь не шла. Однако приходы, перешедшие на григорианский календарь, вопреки данному разрешению, стали праздновать по новому стилю не только неподвижные праздники, но и подвижные, в том числе и Пасху⁷. Епископ Серафим, дав согласие на введение нового стиля в карельских приходах, в то же время отверг соответствующие ходатайства приходов Турку (Або), Лаппеенранта (Вильманstrand) и Кексгольм, в которых среди прихожан преобладали

русские. Туркусский приход позднее, впрочем, всё же получил разрешение на использование нового стиля⁸.

В начале 1918 г. приходы Салми, Суоярви, Аннантехдас, Тиурула и Палкеала также более чем тремя четвертями голосов членов приходских собраний вынесли постановления о переходе на новый стиль и получили соответствующее разрешение епископа Серафима. Однако в каждом из этих приходов значительная часть населения, в первую очередь старшее поколение, стала противиться переходу на новый стиль. Как отмечал в своей книге «Введение нового стиля в Финляндской православной церкви и причины нестроений в монастырях» эконо́м и наместник, а позднее игумен Валаамского монастыря Харитон, «начались разделения, раздоры, враждебные выступления, доходившие до насильственных действий»⁹. В 1919 г. конфликты по поводу летоисчисления снова имели место в Салми, Суоярви и Мантсинсаари. На общих приходских собраниях был одобрен переход на новый стиль, однако сторонники сохранения старого стиля не признали этих решений. В Салми, Манссила и Орусъярви в том году Пасха отмечалась и по старому, и по новому стилю¹⁰. В сентябре 1919 г. в Салми, в соответствии с решением приходского собрания от 1 сентября, было возвращено старое летоисчисление. В Мантсинсаари соответствующее решение было принято в апреле 1920 г. В Суоярви и Аннантехдас приходские собрания, проведенные в конце февраля — начале марта 1921 г. (накануне церковного собора в Сортавале, на котором обсуждался вопрос о летоисчислении), большинством голосов (203 против 55 в Суоярви и 57 против 7 в Аннантехдас) также приняли решения о возвращении к старому стилю (за новое летоисчисление выступали в основном учителя, торговцы и лесопромышленники)¹¹.

В 1921 г. был также сделан новый решительный шаг в сторону перехода Финляндской церкви на григорианский календарь. Правительственные круги уделяли этому вопросу всё более пристальное внимание. 26 января 1921 г. Министерство просвещения и церковных дел впервые внесло вопрос о церковном календаре на заседание Государственного совета. 9–10 марта 1921 г. в Сортавале состоялся чрезвычайный Собор ФПЦ, на котором основным предметом обсуждения был именно календарный вопрос. В качестве правительственного представителя на съезде

присутствовал директор Сортавальской семинарии К. Реландер¹². В зачитанном на Соборе докладе предсоборной комиссии проводилась мысль «о необходимости введения одного нового стиля для всей православной церкви в виду того, что одновременным существованием двух разных времяисчислений создается в приходах много несогласий, споров и враждебных выступлений, чем, между прочим, пользуются и противоправительственные элементы страны, что может вредно отразиться во всем государстве, и что при этом тяготение к старому стилю имеют, главным образом, пограничные районы, где большой наплыв беженцев иной национальности или даже красные»¹³. После ожесточённых прений с пространной речью выступил архиепископ Серафим, который также говорил о необходимости принятия единого стиля, призывал «отнестись к этому мероприятию спокойно и мирно» и высказался в пользу того, что «постановление, которое вынесет настоящий собор, нужно принять всем как закон». Затем было проведено закрытое голосование, в результате которого члены Собора большинством голосов (48 против 12) высказались за переход на новое летоисчисление¹⁴.

В рапорте, направленном церковно-учебному министерству, было записано: «Чрезвычайный Собор Финляндской Православной Церкви... постановил: во всей церкви ввести общий стиль; общим стилем в праздновании праздников признать григорианский стиль, и это должно соблюдать во всех приходах и монастырях; переход на новый стиль имеет состояться 5 октября 1921 г. (по старому стилю); постановление представить на одобрение и утверждение Правительства Государства и в то же время просить у Патриарха благословение на перемену стиля». Правительство утвердило это постановление Собора предписанием от 9 июня 1921 г. По получении правительственного утверждения постановления церковного собора, Церковное управление издало циркулярное распоряжение от 7 июля 1921 г. о переходе на новое летоисчисление. 19 (6) октября 1921 г., по словам иеромонаха Харитона, «все приходы и монастыри без всякого колебания и смущения перешли на новый стиль»¹⁵.

27 июля 1921 г. архиепископ Серафим отправил письмо патриарху Тихону с просьбой благословить переход Финляндской церкви на григорианский календарь. В этом письме он, в частности, писал: «При действии в стране нового гражданского стиля

празднование православных праздников отдельно от преобладающего лютеранского населения встречает большие затруднения и неудобства во всех отношениях... Православные, везде и всюду находящиеся в меньшинстве, окруженные лютеранами, при действии юлианского календаря должны лишаться своих праздников, т. к. во время праздников по юлианскому календарю везде и всюду работают, а оставлять работу ради праздников — дело рискованное и иногда прямо невозможное: люди могут лишиться заработка и средств к жизни. Поэтому, ради пользы православия в лютеранской стране, теперь необходимо стало ввести в этой стране единый григорианский календарь»¹⁶. Патриарх, однако, отказался дать на это своё благословение. В послании на имя архиепископа Серафима от 31 (18) октября 1921 г., которое было получено в Финляндии в ноябре, он писал, что не может благословить переход на новый стиль, ссылаясь на то, что этот вопрос он не вправе решать единолично и что подобное решение является прерогативой всей Вселенской церкви¹⁷. По решению Церковного управления, меморандум патриарха не был опубликован в Финляндии, но его копии появились в приходах и вызвали у части православных недовольство реформистскими мероприятиями. Архиепископ Серафим и Церковное управление решили отправить в Москву к патриарху Тихону депутацию в составе священника М. Михайлова, секретаря Церковного управления К. Репо и иеромонаха Харитона для разъяснения ситуации, сложившейся в Финляндии в связи с вопросом о летоисчислении. Однако поездка депутации не состоялась, так как советское правительство отказало её членам в визе¹⁸.

С этого времени взгляды архиепископа и членов Церковного управления, поддерживаемых гражданскими властями Финляндии, относительно календарного вопроса коренным образом разошлись. Серафим считал себя обязанным подчиниться предписанию патриарха Тихона и принять меры к возвращению старого летоисчисления. На основании данного архиепископом разрешения, богослужения по старому стилю совершались в Хельсинки, в приходах Котка, Красное Село (Кююрёля), Новая Кирха (Уусикиркко), Келломяки, Терийоки, Райвола, в Сорвальском приписном приходе, в Линтульском женском монастыре и в Крестовой церкви архиепископа в Выборге¹⁹ (то есть в приходах,

полностью или преимущественно русских по составу прихожан). Группа прихожан Выборгского православного прихода на своем собрании 17 (4) декабря 1921 г. приняла следующее обращение к архиепископу Серафиму: «На приходском собрании, созванном в текущем году для обсуждения вопроса о введении нового стиля в церковную жизнь православных приходов в Финляндии, большинство прихожан Выборгского Православного прихода вполне определенно высказалось за необходимость неизменно сохранять в православно-церковной жизни древнее православно-церковное времяисчисление до тех пор, пока это времяисчисление не будет изменено решением Собора Восточной Православной Церкви <...>. Ввиду вышеизложенных обстоятельств мы, местные Православные Христиане, обращаемся к нашему Епархиальному Архипастырю со смиренной просьбой не вовлекать нас в схизму, отсекая нас от единения с Восточной Православной Кафолической Церковью, но оказать Архипастырское содействие к предоставлению Церковным Управлением нам, Православным Христианам в городе Выборге, церкви для совершения в ней церковных служб по древнему православно-церковному времяисчислению, да и впредь пребываем в единении со всею Восточною Православною Кафолическою Церковью»²⁰.

В ответ на правительственный запрос по делу о церковном календаре архиепископ Серафим обращал внимание на то, что решения Сердобольского собора не получили благословения патриарха Тихона, и утверждал, что «решение Собора о введении нового стиля во всей Церкви не дает и формальных оснований запретить совершение праздничных богослужений в праздники по старому стилю частным образом, без нарушения общего порядка». При этом он ссылаясь на пример Эстонии, где «при общем действии в Церкви нового стиля церковная власть разрешила частное совершение праздничных богослужений и служб по старому стилю для желающих прихожан» (Эстонский архиепископ Александр сообщал об этом архиепископу Серафиму в своём письме от 17 ноября 1921 г.)²¹.

Гражданские власти Финляндской республики тем временем всё активнее вмешивались в дела ФПЦ. Министром просвещения и церковных дел в сформированном в апреле 1921 г. новом кабинете премьер-министра Й. Х. Веннола стал член Аграрного союза Н. Лиакка. Для него было характерно более

жестокое отношение к проживавшим в стране русским. Вопрос о церковном календаре Н. Лиакка считал политическим и полагал, что он окончательно решён и ставить его снова на повестку дня нет оснований²². Министерство церковных дел и просвещения в письме архиепископу Серафиму от 31 декабря 1921 г. предостерегало его от каких-либо насильственных мер против сторонников нового стиля и предлагало решить календарный вопрос мирным путем. По утверждению авторов письма, лица, которые противились введению нового стиля, ссылаясь на канонические основания, в действительности руководствовались стремлениями к политиканству и интриганству²³. Серафим в ответе министерству аргументировал свою позицию тем, что для православных недопустимо праздновать Пасху одновременно с иудеями или даже раньше них, что иногда получается у католиков и лютеран при праздновании Пасхи по григорианскому календарю. Утверждения о склонности сторонников старого стиля к политиканству и интриганству, о том, что «старый стиль служит признаком русофильства, опасного для Финляндии, и есть одно из средств политической борьбы монархистов и русофилов против ее самостоятельности» он отвергал как несостоятельные. «Отступление от общих православных канонических порядков будет осуждено всеми Православными Церквями и историей», — писал архиепископ²⁴.

Церковное управление, со своей стороны, в марте 1922 г. обращалось в министерство, указывая, что решение собора должно было вступить в силу немедленно после утверждения его правительством, и благословения патриарха для этого не требовалось. Серафим же, разрешив богослужения по старому стилю, действовал вопреки решениям собора и управления. Отмечалось также, что «самыми горячими противниками нового стиля являются прежние обрусители Финляндии, которые теперь всеми способами противодействуют стремлению Церкви к самостоятельности». С. Солнцев в статье, опубликованной в первом номере епархиального издания «*Aamun Koitto*» за 1922 г., по поводу письма патриарха Тихона писал: «Постановление Московского Церковного Собора 1917–1918 гг., на которое ссылается московское письмо, ни к чему не обязывает нашу Церковь по той причине, что вопрос о стиле не есть канонический, а только церковно-гражданский». Он утверждал,

что «известные круги» интригуют в Москве против автономии Финляндской церкви²⁵.

Несколькими днями позже в другом номере «Aamun Koitto» появилось официальное разъяснение по делу о церковном календаре архиепископа Серафима. В нем, в частности, было записано: «Хотя вопрос о реформе календаря и не имеет догматического значения и не касается существа нашей веры, однако он принадлежит к числу важнейших вопросов церковной жизни, почему он и не мог быть разрешен самостоятельно автономной Финляндской Церковью, и последняя обязана была представить его на каноническое одобрение высшей церковной власти, т. е. Святейшему Патриарху... Если, таким образом, вопрос о стиле не дерзнула разрешить своей властью ни одна автокефальная Церковь, то тем более не в праве этого сделать какая-либо автономная Церковь... Реформу церковного календаря имеет право произвести только вся Вселенская Церковь»²⁶. В апреле 1922 г. в Валаамском монастыре было получено «Особое мнение архиепископа Серафима». Финляндский архиепископ утверждал, что «Финляндская Православная Церковь во всех своих делах должна прежде всего руководствоваться канонами, которые являются основными законами для всей Вселенской Православной Церкви», и что «без канонического одобрения Высшего Церковного Управления автокефальной Церкви все постановления Церковных Соборов автономной Церкви по указанным делам не могут быть проводимы в жизнь и не воспринимают силы церковных законов». Решение Сердобольского собора он называл ошибочным и преждевременным²⁷.

В очередной раз календарный вопрос обсуждался на соборе ФПЦ в июне 1922 г. Было оглашено заявление представителей монастырей, которое зачитал наместник Валаамского монастыря иеромонах Иоасаф. В заявлении отмечалось, что «государственное счисление» (григорианский календарь) употребляется церковью «в гражданском быту и во всех гражданских сношениях». Однако, по мнению авторов заявления, во внутренней вероисповедной сфере вопрос должен был решаться иначе: «Нельзя допускать в православном церковном употреблении смешанного календарного распорядка, чтобы неподвижные праздники устанавливались по григорианскому стилю, а пасха с подвижными праздниками располагалась по юлианскому. На-

до избрать непременно какой-нибудь один стиль, но григорианский совершенно неприемлем для православной пасхи Христовой, между тем, соборные узаконения о ней не могут быть изменены помимо равного авторитета во вселенском церковном определении»²⁸. Архиепископ Серафим предложил отмечать праздники и по юлианскому, и по григорианскому календарю, в зависимости от предпочтений конкретного прихода. При голосовании Собор, однако, не утвердил предложение архиепископа и принял решение сохранить новый стиль. Архиепископ Серафим отказался утвердить это решение²⁹.

Противостояние сторонников и противников введения нового стиля внутри Финляндской церкви было обусловлено отнюдь не только противоречиями между различными группами православных в самой Финляндии. В зарождении и обострении этого противостояния немалую роль сыграл внешний фактор. Попытки решения календарной проблемы предпринимались в масштабах всего мирового православия, и Русская православная церковь также не оставалась в стороне от этого процесса. Православные иерархи ещё с начала XX столетия обращали внимание на неточность юлианского календаря, традиционно применявшегося в православных церквях. Однако в одночасье отказаться от него и перейти на астрономически более точный григорианский календарь, использовавшийся уже в течение долгого времени в западных церквях и в гражданской жизни большинства европейских стран, было для них неприемлемо, так как ломало бы каноны и традиции, веками устоявшиеся в православной церковной жизни. По инициативе Константинопольского патриарха Иоакима III с мая 1901 г. происходил обмен мнениями всех автокефальных церквей по различным вопросам, в том числе и по вопросу о церковном календаре. В своих официальных заявлениях все православные церкви высказались против принятия григорианского стиля, и в заключительной грамоте от 12 мая 1904 г. патриарх Иоаким объявил, что для реформы юлианского календаря нет серьезных оснований ни церковных, ни научных³⁰. В то же время большинство поместных церквей выражали мнение о принципиальной возможности реформирования календаря, хотя и считали это практически неосуществимым из-за опасности внутрицерковных нестроений. В «Послании Вселенского Патриарха Святейшему

Всероссийскому Синоду о взаимоотношении поместных церквей по вопросу о об изменении юлианского календаря» в начале 1906 г. патриарх Иоаким признавал насущную необходимость реформы юлианского календаря, но с обязательным сохранением принципа православного исчисления дня празднования Пасхи³¹.

В 1910-е гг. календарный вопрос вновь был поставлен на повестку дня в Православных церквях. И теперь уже ряд церквей, включая Вселенский патриархат, склонялись к принятию нового летоисчисления. В значительной степени это было связано с активизацией, особенно после окончания Первой мировой войны, экуменического движения. В выпущенной в январе 1920 г. энциклике (окружном послании) Константинопольского патриархата, возглавляемого тогда местоблюстителем митрополитом Брусским Дорофеем, «К церквам христианским, во всем мире обретающимся» («Πρὸς τὰς ἀπαντάχου Ἐκκλησίας τοῦ Χριστοῦ»), выражалась надежда на продуктивный экуменический диалог, имевший целью сближение христианских деноминаций, что в конечном итоге должно было стать средством для «подготовки и облегчения дела полного, со временем, при помощи Божией, благословенного воссоединения всех церквей»³². В число мер, призванных способствовать сближению христианских церквей, было включено предложение об установлении общего календаря³³. В ноябре 1921 г. патриархом Константинопольским был избран Мелетий (Метаксакис). Этот иерарх и прежде в качестве предстоятеля Элладской (Греческой) церкви в должности митрополита Афинского (1918–1921) проявлял себя как деятельный сторонник сближения с западными церквями (в первую очередь, с Англиканской) и реформаторских преобразований в церковной жизни³⁴. Между тем в 1910–1920-е гг. и в гражданской жизни европейские государства, использовавшие ранее юлианский календарь, стали переходить на календарь григорианский.

На протяжении 1919 г. в Константинополе работала специальная синодальная комиссия, имевшая задачей научное и каноническое изучение календарного вопроса. Комиссия пришла к заключению о необходимости выработки нового календаря³⁵. Окончательное решение о переходе на новое летоисчисление было принято на «Всеправославном совещании» (Πανορθόδοξον

сυνέδριον) представителей Православных церквей в Константинополе, созванном по инициативе патриарха Мелетия в мае 1923 г. Однако эти решения были признаны не всеми поместными Православными церквями. Каноничность «Всеправославного совещания» и полномочия его участников вызывали серьёзные сомнения в православных странах³⁶. О несогласии с решениями совещания заявили, в частности, двое других восточных патриархов — Александрийский Фотий и Антиохийский Григорий IV. Архиерейский Синод Русской Православной церкви за границей в Сремских Карловцах в Сербии в постановлении от 7 августа (25 июля) 1923 г. выразил своё отрицательное отношение к решениям совещания³⁷. В некоторых поместных церквях (Сербской, Кипрской) введение нового летоисчисления было решено отложить до одобрения календарной реформы всеми Православными церквями. Сразу после проведения «Всеправославного совещания» на новый календарь перешли только Константинопольская, Элладская и Румынская церкви, причём в Элладской церкви это вызвало раскол, когда часть клира и верующих принять новое летоисчисление отказалась³⁸.

Календарный вопрос рассматривался и на Поместном Соборе Русской православной церкви 1917–1918 гг. В обращении патриарха Тихона к священнослужителям и верующим РПЦ от 14 (1) октября 1923 г. об обсуждении вопроса в ходе собора было сказано следующее: «Хотя и признавалось, что “не будет никаких с догматической точки зрения препятствий к тому, чтобы Православная церковь, по согласию всех своих членов, иным образом, в соответствии с истинными результатами науки, установила свой календарь”, однако к вопросу этому подходили с большой осторожностью, и церковная власть на местах не спешила менять календарь, освященный полуторатысячелетним употреблением во всех православных церквях»³⁹. 19 (6) апреля 1918 г. Соборный совет принял постановление «о сохранении старого стиля для церковного летоисчисления до времени решения вопроса о реформе календаря всею Православной Церковью»⁴⁰. В послании к Константинопольскому патриарху Герману V от 13 февраля (31 января) 1919 г. патриарх Тихон писал: «Григорианский стиль, астрономически хотя и точнее Юлианского, однако абсолютной точностью не обладает, и, следовательно, в свою очередь, оставляет желать другого более точного стиля,

другой более совершенной календарной реформы. Представляется поэтому более целесообразным выждать, пока выяснится вопрос об этой новой и окончательной реформе календаря, чем колебать установившийся церковный порядок для реформы не- совершенной и, может быть, кратковременной»⁴¹.

7 октября (24 сентября) 1923 г. «Малый Собор епископов» РПЦ во главе с патриархом Тихоном принял решение о введе- нии нового летоисчисления начиная с 2 октября ст. ст. (15 ок- тября н. ст.). Вопрос о праздновании Пасхи в постановлении предписывалось «решить в согласии с Православными Церк- вами по постановлениям бывшего в Константинополе в сем году Православного Собора»⁴². Однако, как патриарх писал в своём воззвании от 21 (8) ноября того же года, «по неза- висящим от нас обстоятельствам послание о введении ново- го времяисчисления вышло из печати лишь в начале ноября, когда удобное время для перехода на новый стиль уже про- шло. Во время печатания послания стало известно, что другие православные церкви, с которыми Российская церковь всегда была и должна быть в единении, временно введение нового стиля отложили. Поэтому и мы признаем необходимым по- всеместное и общеобязательное введение нового стиля в цер- ковное употребление временно отложить»⁴³. Наконец, 23 (10) декабря 1923 г. увидело свет ещё одно обращение патриарха Тихона, которое гласило: «В добавление к нашему воззванию от 1 октября, в котором мы призывали верных нам и Святой Православной Церкви пастырей и пасомых церкви Российской, в согласии с постановлениями и декретами гражданской вла- сти о днях отдыха, ныне перейти на изложенных в воззвании основаниях на новый стиль, с соблюдением, однако же, основ православной пасхалии, утвержденных первым Вселенским Собором, объявляем, что наше обращение о введении ново- го стиля в церковное употребление остается в силе для всех верующих, но не исключается возможность, в зависимости от местных условий епархии, те или иные праздники отпра- влять по старому стилю, испрашивая на это разрешение и граж- данской власти, если таковые праздники не совпадают с уста- новленными декретами государственной власти днями отды- ха. В соответствии с этим и Рождество... Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в некоторых приходах или епархиях,

в зависимости от местных условий, благословляется праздновать и по старому стилю»⁴⁴.

Таким образом, вопрос о церковном летоисчислении выходил далеко за рамки сугубо финляндских дел. Отсутствие определённости, противоречивость информации, поступавшей из Москвы и с православного Востока, отнюдь не способствовали прояснению календарного вопроса и в Финляндии. Архиепископ Серафим, как можно понять из изложенного выше, старался во всём действовать в соответствии с указаниями из Москвы. Он готов был допустить принятие нового стиля, если бы это было санкционировано Московской патриархией. Схожую позицию занимало и руководство Валаамского монастыря: игумен Павлин и эконо́м, затем наместник, а позднее — преемник Павлина на посту настоятеля иеромонах Харитон (Дунаев). В то же время имелись силы, не признававшие никаких компромиссов в календарном вопросе. Усилия с целью немедленного и безоговорочного введения нового стиля прилагали викарный епископ Карельский Герман (Аав) и руководство Церковного управления ФПЦ. Их точку зрения разделял, по утверждению некоторых русских эмигрантов, бывший духовник великого князя Николая Николаевича иеросхимонах Ефрем (Хробостов). С другой стороны, немало верующих и духовных лиц принципиально не желали допустить введение нового стиля, усматривая в этом покушение на основы православной жизни. Центрами сопротивления календарным преобразованиям стали финляндские православные монастыри, в первую очередь Валаамский. Острота календарного конфликта в Финляндии во многом была связана с тем, что в отличие от других поместных церквей, принявших новый календарь только для непреходящих праздников, но сохранивших старую пасхалию, сторонники преобразований в Финляндской церкви празднование Пасхи также устанавливали по григорианской пасхалии.

Основная проблема возникла из-за празднования Пасхи и других подвижных праздников. Фразы в постановлении Константинопольского совещания о том, что канонические определения относительно празднования Пасхи остаются неизменными, и в письме патриарха Тихона об изменении григорианской пасхалии давали возможность интерпретировать их таким образом, что Пасху можно будет отмечать в соответствии с преж-

ними традициями. К тому же в ноябре 1923 г. Тихон отправил распоряжение архиепископу Серафиму, предписывавшее отложить введение нового календаря⁴⁵. Поведение архиепископа Серафима, то разрешавшего, то запрещающего переход на новый стиль, давало повод профессору Н. Н. Глубоковскому, исследовавшему события в Финляндской церкви в 1920-е гг., писать о его непоследовательности⁴⁶. Представляется, однако, что дело было не в личных качествах архиепископа: он стремился строго следовать предписаниям из Москвы, какими бы они ни были.

Увольнение архиепископа Серафима в конце 1923 г., указом президента Финляндии, возможно, не только не ослабило сопротивление противников нововведений, но напротив, усилило его. Серафим в глазах насельников монастырей и прихожан русских приходов был каноничным иерархом, власть которого была освящена руководством Русской православной церкви. Соответственно его распоряжения полагались подкреплёнными высшей церковной властью. Викарный епископ Герман, назначенный на это место помимо Московской патриархии и фактически возглавивший ФПЦ после отстранения Серафима, не пользовался авторитетом в финляндских православных монастырях и в ряде приходов. Предпринимаемые им и Церковным управлением попытки навязать ФПЦ новый стиль, в том числе в праздновании Пасхи, вызвали резкое неприятие и упорное сопротивление среди «старостильников», прежде всего в Валаамском и Коневском монастырях. Всё это и повлекло за собой известный «календарный кризис», наиболее острая фаза которого имела место в 1924–1926 гг.

⁴⁵ *Hämynen T.* Suomalaistajat, venäläistajat ja rajakarjalaiset. Kirkko- ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923. Joensuu, 1995. S. 114.

⁴⁶ *Laitila T.* Kansanomainen ja kirkollinen ortodoksisuus Raja-Karjalassa // *Karjala: Historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki, 1998. S. 399.

⁴⁷ *Харитон (Дунаев), иеромонах.* Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях (по документам и записям инока). Аренсбург, 1927. С. 5.

⁴⁸ Серафим (Лукьянов) — викарный епископ Карельский, после отъезда в Россию архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) фактически возглавил Финляндскую епархию. В 1918 г. был избран главой епархии, в 1920 г. возведен в сан архиепископа.

⁵ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви. С. 6.

⁶ Там же. С. 6–7.

⁷ Письмо Валаамских иноков. 13/26 ноября 1925 г. // КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XVII. Kirkolliset olot. Kansio 382.

⁸ Frilander T. Valtiovalta, venäläiset ja kalenterikysymys 1917–1923 // Ortodoksia. 44. 1995. S. 60.

⁹ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви. С. 7.

¹⁰ Laitila T. Kansanomainen ja kirkollinen ortodoksisuus Raja-Karjalassa. S. 399.

¹¹ Hämynen T. Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset. S. 116–117.

¹² Frilander T. Valtiovalta, venäläiset ja kalenterikysymys. S. 64–66.

¹³ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви. С. 9–10.

¹⁴ Там же. С. 13–14.

¹⁵ Там же. С. 14–16.

¹⁶ Шевченко Т. И. К вопросу о юрисдикции Финляндской Православной Церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1. С. 66.

¹⁷ ЛОГАВ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

¹⁸ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Энеева Н. Т. Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. // Проблемы истории Русского Зарубежья. Материалы и исследования. Выпуск 2. М., 2008. С. 103–105.

²¹ Arkkipiispa Serafinin erikoismietintönsä // ЛОГАВ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10.

²² Frilander T. Valtiovalta, venäläiset ja kalenterikysymys. S. 72.

²³ Valtionneuvosto, Kirkollis- ja opetusministeriö joulukuun 31 p: nä 1921 — Suomen kreikkalais-katolisen kirkko-kunnan Arkkipiispalle Serafimille // ЛОГАВ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об.; Ф. 410. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

²⁴ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви. С. 23–28.

²⁵ Там же. С. 32–33, 36.

²⁶ Там же. С. 37–38.

²⁷ Там же. С. 49–52.

²⁸ Там же. С. 63.

²⁹ ЛОГАВ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об.; Д. 9. Л. 6–7.

³⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 38.

³¹ Слесарев А. В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009. С. 46.

³² Там же. С. 53.

³³ Буевский А. Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская Православная Церковь (1923–1924 гг.) // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 29.

³⁴ Там же. С. 29, 31.

³⁵ Слесарев А. В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви. С. 59–60.

³⁶ В совещании принимали участие десять человек — патриарх Мелетий, шесть архиереев в сане митрополита и архиепископа, один архимандрит и двое мирян. Они представляли Константинопольскую патриархию, Греческую (Элладскую), Кипрскую, Сербскую и Румынскую церкви. Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская патриархии и Болгарская церковь (считавшаяся в Константинопольской патриархии схизматической) представлены не были. Не было на конгрессе и представителей РПЦ. Присутствовали двое русских архиереев без полномочий представлять Московскую патриархию — архиепископ Алеутский и Северо-Американский Александр (Немоловский) и архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский), управляющий русскими православными общинами Константинопольского округа. Последний, участник Карловацкого собора 1921 г. и член Синода РПЦЗ, в знак протеста покинул конгресс в ходе его работы.

³⁷ Патриарх Мелетий и митрополит Хризостом — насадители «догматов современности» // *Возбудители раскола*. Париж, 1927. С. 30.

³⁸ *Слесарев А. В.* Старостильный раскол в истории Православной Церкви. С. 68–69, 86–93.

³⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 38.

⁴⁰ Там же. Ф. 833. Оп. 1. Д. 27. Л. 58.

⁴¹ Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. М., 2000. С. 665.

⁴² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 299.

⁴³ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 362–363.

⁴⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 44.

⁴⁵ Там же. С. 180.

⁴⁶ *Глубоковский Н. Н.* «Война и мир» в Финляндской Православной Церкви // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви*. 2009. № 2. С. 109.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

УДК: 94 (47).05

Базарова Т. А. «Долгая дорога домой»: Возвращение русских военнопленных на родину в 1710 г.

Статья затрагивает одну из проблем, связанных с возвращением на родину русских военнопленных. Осенью 1710 г. русскому и шведскому правительству не удалось договориться об условиях размена захваченных под Нарвой генералов. Однако состоялся обмен пленными солдатами и офицерами по принципу «чин на чин». Из-за охватившей Северную Европу эпидемии чумы возвращение военнопленных через Выборг оказалось затруднительным. На корабле, который вышел в октябре 1710 г. из Стокгольма, началась моровая язва, унесшая жизни ста русских солдат и офицеров. Шведский капитан высадил уцелевших русских солдат на берег напротив Березовых островов. По той же причине в Санкт-Петербург не смогли доставить вещи бывшего русского резидента при шведском дворе А. Я. Хилкова. Хранящиеся в Научно-историческом архиве письма и распоряжения выборгского коменданта Г. П. Чернышева содержат малоизвестные историкам факты об организации карантинных застав на вверенной ему территории, изоляции заболевших и обеспечении продовольствием задержавшихся в приморских финских деревнях бывших военнопленных.

Bazarova T. A. «Long Way Home»: Return of Russian prisoners of war to the homeland in 1710

The article focuses on one of the problems associated with the repatriation of Russian prisoners of war in 1710. In the autumn of 1710 Russian and Swedish government failed to agree on the conditions of the exchange captured at Narva generals. However, an exchange of captured soldiers and officers on the principle of «rank on rank» took place. Due to the spread of the plague in Northern Europe the return of exchanged prisoners of war through Vyborg became difficult. On the ship, which was released in October 1710 from Stockholm, the plague started which killed one hundred Russian soldiers and officers. Swedish captain landed the survivors of Russian soldiers on the coast opposite the Beresovskiy islands. For the same reason in Saint-Petersburg they could not deliver the belongings of the former Russian resident at the Swedish court A. Ya. Hilkov. Preserved in the Scientific-historical archive letters and orders of the Vyborg commander G. P. Chernyshev contain little-known facts for historians about the organization of quarantine posts on the territory entrusted to him, isolation of the sick and provision of food for those detained in coastal Finnish villages of former prisoners of war.

ish captain landed the surviving Russian soldiers on the shore land opposite Beryozovye Islands. For the same reason, the things former Russian resident at the Swedish court A. Ya. Khilkov could not be delivered to St. Petersburg. Stored in the Scientific and Historical Archives of the St. Petersburg Institute for History letters and orders of the commandant of Vyborg G. P. Chernyshev contain little known facts about the organization quarantine outposts in the territory entrusted to him, the isolation of infected people and victualling of former prisoners of war which lingered in the Finnish coastal villages.

Ключевые слова: Северная война, военнопленные, моровая язва, Выборг, А. Я. Хилков, Г. П. Чернышев, А. Д. Меншиков.

Keywords: Great Northern war, prisoners of war, plague, Vyborg, A. Ya. Khilkov, G. P. Chernyshev, A. D. Menshikov.

УДК: 94 (480). 83

Барышников В. Н. Почему в 1946 г. К. Г. Э. Маннергейм не был осужден как «главный военный преступник»?

К. Г. Э. Маннергейм был главным сторонником вовлечения Финляндии во Вторую мировую войну на стороне Германии. Именно в ставке Маннергейма в сентябре 1940 г. было принято разрешение впустить на территорию Финляндии немецкие войска. Он несет ответственность за организацию оккупационного режима на территории Карелии (1941–1944 гг.). Ведомство Маннергейма руководило концлагерями. Финская армия участвовала в блокаде Ленинграда (1941–1944 гг.). Но в 1945 г. Маннергейм предложил СССР заключить договор о взаимопомощи. В результате Маннергейм стал одним из архитекторов послевоенной внешней политики. Если это принять, то становится понятно, почему он не был привлечен в 1945 г. к суду в качестве одного из главных обвиняемых по делу «о военных преступниках».

Baryshnikov V. N. Why Mannerheim, being a major war criminal was not convicted by the Finnish court in 1946?

C. G. E. Mannerheim was the main supporter of Finland's involvement in the World War II on the side of Germany. It was in Mannerheim's Headquarters where the permit for the German troops to pass through Finnish territory was given in September 1940. He is responsible for the organization of the occupation regime in the territory of the Soviet Karelia (1941–1944). Mannerheim's administration was in charge of arrangements for the concentration camps. The Finnish army was involved in the siege of Leningrad (1941–1944). However in 1945, Mannerheim was offered the USSR to conclude a treaty of mutual assistance. Mannerheim can be considered as one of the architects of the post-war international relations. Taking that into account, it becomes evident why he was not put on trial as one of the major «war criminals» in 1945.

Ключевые слова: К. Г. Э. Маннергейм, советско-финляндские отношения, Финляндия во Второй мировой войне, история Финляндии, суд над финскими военными преступниками 1945–1946.

Keywords: C. G. E. Mannerheim, the Soviet-Finnish relations, Finland in the World War II, the history of Finland, the Finnish trial of war criminals 1945–1946.

УДК: 94 (48).082

Балащенко Ю. Д. И. Е. Репин и творческое сообщество независимой Финляндии

В 1899 г. знаменитый русский художник И. Е. Репин (1844–1930) приобрел имение, названное «Пенаты», на территории Великого княжества Финляндского. С этого времени о Репине можно говорить как о жителе Финляндии. Он прожил в своей усадьбе 30 лет и был похоронен на ее территории. После 1917 г. Княжество стало независимой Республикой. Репин, оставаясь жить в «Пенатах», стал эмигрантом. Отсутствие финского гражданства не помешало художнику участвовать в общественной жизни страны. В 1920 г. Репин преподнес молодому государству 30 картин русских художников из своей коллекции. Это событие послужило началом активного вхождения живописца в творческое сообщество Финляндии. Правительство Финляндии отметило заслуги Репина, наградив его Орденом «Белой Розы» 2-й степени. А творческая элита страны устроила банкет в его честь. Ответом на эти знаки внимания явилась картина «Финские знаменитости». Как 80-тилетие, так 85-летие великого художника достаточно широко отмечалось в Финляндии. Поздравления с юбилеями живописцу присылали не только близкие и друзья, но и официальные лица страны.

Balatsenko Yu. D. I. E. Repin in independent Finland

Ilya E. Repin (1844–1930), a famous Russian artist, may be considered as an inhabitant of Finland since the date of his purchase of an estate in the Grand Duchy of Finland in 1899. The estate was named the «Penates». I. E. Repin has lived in his estate for 30 years and finally was buried on its grounds. After 1917, the Duchy became an independent republic, and Repin, who kept living in the «Penates», has become an emigrant. It did not prevent the artist from participating in the public life of the country. In 1920, Repin made a gift to the young state in the form of 30 paintings of Russian artists from his personal collection. The Government of Finland appreciated Repin's merits by decorating him with the Order of the White Rose.

Ключевые слова: История, Репин И. Е., история культуры, российско-финляндские связи.

Keywords: History, Ilya E. Repin, history of culture, Russian-Finnish relations.

УДК: 94 (489)

Возгрин В. Е. Современная историография датской колониальной империи

Статья посвящена датской национальной историографии истории колониального периода XVII–XIX вв. В ней рассмотрены исследования этого предмета, опубликованные в последней четверти XX — начале XXI в. Кроме того, в виде исключения охарактеризованы два-три более ранних многотомных издания — по причине их фундаментальности и значения, которое они сохраняют для современной науки.

Vozgrin V. Je. Modern historiography of the Danish colonial empire

This article is devoted to the Danish national historiography of colonial period XVII–XIX centuries. In it are considered the researches of this subject matter, published in last quarter XX — the beginning of XXI centuries about Danish colonial empire. Besides earlier two-three multivolume editions — owing to their fundamentality and value which they keep for a modern science are by way of exception characterized.

Ключевые слова: Дания, колонии, постколониальный период, историческая наука, перспективы сотрудничества метрополии и бывших колоний.

Keywords: Denmark, colonies, the postcolonial period, Historical science, prospects of collaboration of mother country and former colonies.

УДК: 94 (480)

Востров А. В. Языковая ситуация в Финляндии в 1899–1917 годах: финский, шведский и русский языки на рубеже эпох

Статья посвящена взаимоотношениям финского, шведского и русского языков в Великом княжестве Финляндском в период с 1899 по 1917 г. В статье рассматриваются предпосылки возникновения процесса русификации Финляндии, а также результаты двух «периодов угнетения». Отдельно рассматривается роль русского языка и ситуация русскоязычного меньшинства Финляндии. Особое внимание уделено взаимовлиянию финского и шведского языков, которое в дальнейшем определило развитие независимой Финляндии.

Vostrov A. Language Situation in Finland from 1899 to 1917: the Finnish, Swedish and Russian Languages at the turn of the century

The paper deals with relations of the Finnish, Swedish and Russian languages in the Grand Duchy of Finland in the period from 1889 to 1917. It

considers prerequisites for the process of russification of Finland and results of two «periods of repression». It stresses out the role of the Russian language and situation of the Russian-speaking minority of Finland. A special attention is paid to an interaction between the Finnish and Swedish languages which had defined further development of the independent Finland.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, шведский язык, финский язык, русский язык, фенноманы, свекоманы, русификация.

Keywords: The Grand Duchy of Finland, Swedish language, Finnish language, Russian language, fennomania, svekomania, russification.

УДК: 94 (485)

Гехт А. Б. Мемуары У. Ашберга

«En vandrande jude från Glasbruksgatan»

**как источник изучения внешнеэкономических
связей большевиков. 1917–1924 гг.**

Статья посвящена краткому описанию воспоминаний шведского банкира Улофа Ашберга, представленных в его мемуарах «Странствующий еврей с Гласбрюкsgатан». У. Ашбергу, обладавшему обширными возможностями в мире финансовых операций, довелось принять активное участие в организации первых внешнеэкономических связей большевиков, оказавшихся в фактической международной изоляции на протяжении ряда лет. Ценность данной книги, ранее не переводившейся на русский язык, заключается в описании У. Ашбергом своих связей с руководством партии большевиков (Л. Б. Красин, А. В. Луначарский и др.) накануне и во время Гражданской войны в России, а также в период первых лет НЭПа, до 1924 г. Несмотря на ряд недостатков, присущих материалам личного происхождения, книга У. Ашберга является интересным и важным источником по рассматриваемому в ней периоду.

**Gekht A. B. Olof Aschberg's memoirs «En vandrande
jude från Glasbruksgatan» as a source of the Bolsheviks'
external economic relations» history. 1917–1924.**

The paper deals with a brief description of a Sweden's banker Olof Aschberg's memoirs «En vandrande jude från Glasbruksgatan». O. Aschberg, who had great relationships, connections and contacts in the financial world, played an important role in organization of the first external economic contacts between the isolated Bolsheviks and the other countries. This book had never been translated into Russian completely though it contains a lot of essential materials. First of all, in his book O. Aschberg described his communication with the Bolsheviks' leaders (like L. B. Krasin and A. V. Lunacharsky) before and during the Civil war in Russia. Also the memoir's author paid his atten-

tion to the first years of the New Economic Policy (NEP) till the 1924. Despite the fact of some common for all memoirs disadvantages, O. Aschberg's book is an interesting and important source, touching the considered period.

Ключевые слова: Улоф Ашберг, революция 1917 г. в России, большевики, Новая Экономическая Политика (НЭП).

Keywords: Olof Aschberg, the Russian Revolution of 1917, the Bolsheviks, the New Economic Policy (NEP).

УДК: 908=11

Жаров Б. С. Видные деятели датской культуры на берегах Фонтанки

На набережной Фонтанки в Санкт-Петербурге находится Шуваловский дворец, который несколько десятилетий был известен горожанам как Дом мира и дружбы с народами зарубежных стран. Будучи секретарем отделения общества «СССР-Дания», автор статьи участвовал в приеме видных деятелей датской культуры. В 1966 г. в городе одну неделю чрезвычайно продуктивно провели теоретик танца А. Фридеричиа и знаменитая балерина Э. М. фон Росен. Позже она поставила в театрах города два датских балета. В 1968 г. фарерский писатель В. Хайнсен провел несколько дней. В 1974 г. находилась группа из четырех директоров датских музеев, которую возглавлял П. В. Глоб, знаменитый археолог, бывший хранителем исторических ценностей своей страны. Художник Х. Бидstrup был в городе несколько раз, наиболее памятная встреча прошла в 1988 г. А еще раньше, в 1958 г., но только в Юсуповском дворце на берегу Мойки автор статьи, еще будучи студентом, разговаривал с Ф. Висти — первым руководителем Датского института культуры (в самом начале носившего название «Датское общество»).

Zharov B. S. The prominent persons of Danish culture in the palace in Fontanka embankment

Shuvalov palace in Fontanka embankment was known of all in Leningrad as Friendship House. The author of the article was secretary of the lokal department of Friendship society USSR-Denmark and took part in the meetings with many prominent persons of Danish culture. In 1966 ballet critic Allan Fridericia and famous ballet-dancer Elsa Marianne von Rosen spend one week in the city with a good result. Later she staged two danish ballets in the city theatres. In 1968 the Faroes writer William Heinesen spend a few days in the city. In 1974 four directors of Danish museums with the famous archaeologist Peter Vilhelm Glob visited the city. Artist Herluf Bidstrup visited the city many times, the most notable meeting was in 1988. The author of the article was a student in 1958, when he spoke in Yusupow palace in Moyka

embankment with Folmer Wisti, the first leader of Danish Cultural Institute (which first nown was Danish Society).

Ключевые слова: датско-российские культурные связи, деятели датской культуры в Санкт-Петербурге.

Keywords: Danish-Russian culture relations, prominent persons of Danish culture in Saint Petersburg.

УДК: 94 (47).084.6

Журавлев Д. А., Панов Р. А. Роль медицинских и научных учреждений Ленинграда в организации лечения обморожений в период советско-финляндской войны

В статье дается обзор крайне непростой ситуации в области лечения обморожения у военнослужащих Красной армии в период советско-финляндской войны. Высокий процент обмороженных был вызван специфическими климато-географическими условиями театра военных действий, низким уровнем материального обеспечения войск и слабыми навыками оказания самопомощи со стороны красноармейцев в первый период войны. В этот период ленинградские институты и учреждения, в частности Политехнический институт, провели большой объем работы по разработке и внедрению в практику эффективных методов лечения.

Zhuravlev D. A., Panov R. A. The role of medical and scientific institutions in the Leningrad to organize of treatment of frostbite during the Soviet-Finnish War

The article provides an overview of the extremely difficult situation in the treatment of frostbite from the soldiers of the Red army during the Soviet-Finnish war. A high percentage of frostbite was caused by the specific climatic and geographical conditions of the theater of operations, the low level of material security forces and weak skills for self-care by the Red army in the first period of the war. During this period, the Leningrad institutions and agencies, in particular, the Polytechnic Institute, conducted a great deal of work on the development and implementation of efficient therapies.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, медицина, Ленинград, медицина, здравоохранение, обморожение, Политехнический институт, изобретение, аппарат, лечение.

Keywords: Soviet-Finnish war, medicine, Leningrad, healthcare, chilblain, Polytechnical Institute, invention, apparatus, treatment.

УДК: 94 (47+57): 930.1 (082)

**Кангаспуро Л. В. Братья Яков и Константин Гроты.
Деятельность на благо России и Финляндии**

Безусловно, историей движут политические условия, но значение личности всегда играло роль. В этой статье предпринята попытка показать взаимодействие народов, развитие взаимных личностных связей в интеллектуальной и государственной среде.

Старший из братьев, академик Я. К. Грот (1812–1893), стал широко известным, благодаря своей созидательной научной и преподавательской деятельности, как в России, так и в Финляндии. Константин Карлович (1815–1897) не только с интересом знакомился с работами и планами своего брата, но и, внимательно изучив западный опыт, сыграл видную роль в деле реформирования тюремной системы в России. Его разносторонняя увлеченность гуманными идеями имела прямое практическое значение в области социального призрения глухонемых и слепых.

**Kangaspuro L. V. Brothers Yakov and Constantin Grot's.
The activities for the benefit of Russia and Finland**

The history is driven within the frame of political conditions, but the significance of the individual has always played a role. This article attempts at to show the interaction of peoples, the development of mutual personal relations in intellectual and state sphere.

The eldest of the brothers, Academician Yakov Karlovich Grot (1812–1893), became well known of his creative research and teaching activities, both in Russia and in Finland. Constantin Karlovich (1815–1897) did not only be interested in of the work and plans of his brother, but he also studied broadly the Western experience. In this respect, he has played a prominent role in the reform of the prison system in Russia. His enthusiasm to multifaceted humane ideas had a direct practical importance in the charity to the deaf and the blind people.

Ключевые слова: история Российской империи, история Великого княжества Финляндского, реформирование, академик Яков Грот, государственно-общественный деятель Константин Грот.

Keywords: the history of the Russian Empire, the history of the Grand Duchy of Finland, reform, Academician Yakov Grot, state and public figure Constantin Grot.

УДК: 94 (47).065

**Лебедев А. А. Малоизвестные подробности
Кольбергских экспедиций
Балтийского флота 1760–1761 гг.**

Несмотря на целый ряд крупных успехов, Семилетнюю войну сложно отнести к популярным страницам отечественной истории. Как следствие, в ее истории содержится немало лакун, особенно связанных с действиями флотов. В этой связи представленные в статье материалы РГА ВМФ, посвященные состоянию линейных кораблей Балтийского флота в период Кольбергских операций 1760–1761 гг., несомненно помогут расширить представления об этих сюжетах крупнейшего конфликта середины XVIII в.

**Lebedev A. A. Little-known details of the Kolberg
expeditions Baltic Fleet 1760–1761 years**

Despite a number of major successes, the Seven year war is difficult to attribute to the popular pages of national history. As a result, her story contains many gaps, especially associated with the actions of the fleets. In this regard, the materials of the Russian naval archives, on the status of battleships of the Baltic fleet in the period Kolberg expeditions 1760–1761., will undoubtedly help to expand representations about these stories of the greatest conflict of the mid-XVIII century.

Ключевые слова: Балтийский флот, Семилетняя война 1756–1763, Кольбергские экспедиции, состояние линейных кораблей и фрегатов.

Keywords: Baltic Fleet, the Seven Years War 1756–1763, Kohlberg expeditions, the state of battleships and frigates.

УДК: 94 (47) 1918

**Лобанова Д. Р. Гражданская война 1918 г.
в Финляндии на страницах финских современных газет**

В статье анализируется отношение современной периодической печати Финляндии к проблеме гражданской войны 1918 г. В финских современных исследованиях видна отчетливая эволюция взглядов на события гражданской войны. В современной Финляндии на первый план выносятся исследования, затрагивающие эмоциональную составляющую случившихся событий, некоторые исследователи теперь, стремясь к объективной оценке событий 1918 г. в Финляндии, начали изучение социальных последствий войны. События гражданской войны в Финляндии до сих пор вызывают своеобразный резонанс в обществе.

Lobanova D. R. The civil war in 1918 in Finland on the pages of the Finnish contemporary newspapers

The article analyzes the attitude of the modern periodical press of Finland to the problem of civil war 1918. The Finnish contemporary studies clearly visible evolution of views on the events of the Civil War. In modern Finland submitted to the forefront of research, involving the emotional component of events occurred, some researchers are now aiming for an objective assessment of the events in 1918 in Finland, we began to study the social effects of the war. Events of the Civil War in Finland still cause a peculiar resonance in the society.

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, освободительная война, периодическая печать.

Keywords: Finnish Civil War, the liberation war, the periodical press.

УДК: 1751

**Михалкова Т. К. Выдающийся филолог-скандинавист
М. И. Стеблин-Каменский в блокадном Ленинграде**

Статья посвящена работе выдающегося филолога-скандинависта М. И. Стеблин-Каменского в условиях ленинградской блокады, которую он всю провел в осажденном городе. Источником для исследования послужили письма и открытки Стеблин-Каменского, которые он посылал на фронт жене и в эвакуацию родственникам. Из них можно почерпнуть сведения об его блокадном быте, о заботе о маленькой дочери, о работе по сохранению сокровищ Пушкинского Дома. В блокадном Ленинграде Стеблин-Каменский написал кандидатскую диссертацию, которую он заочно защитил в Ташкенте во время войны, и начал работу над докторской диссертацией «Поэзия скальдов», которую защитил в 1948 г. Именно в суровое военное время определился дальнейший научный, творческий и жизненный путь М. И. Стеблин-Каменского. Его подвижнический труд во время 900-дневной блокады Ленинграда — яркий пример победы силы духа.

**Mikhalkova T. K. The activity
of M. I. Steblin-Kamensky, a prominent figure
in Scandinavian studies, during the siege of Leningrad**

The article is devoted to the life and work of the pioneer and leader at the field of Scandinavian studies in our country M. I. Steblin-Kamensky during the 900-day siege of Leningrad (1941, September, 8–1944, January, 27). With the help of the letters, which the scientist sent to his wife to the front, is reconstructed the atmosphere — working and living conditions in Leningrad under the siege. Steblin-Kamensky was protecting the treasures of the Institute of Russian literature (Pushkin House), writing scientific works and his PhD thesis, which he

defended successfully during war period in Tashkent (by correspondence). In 1943 he started the new research work («Skaldic poetry») — doctoral dissertation — which he completed and defended in 1948. During war period Steblin-Kamensky had chosen his scientific and creative path, determined his principles of life. His titanic deed during the siege is an example of the fortitude victory.

Ключевые слова: Стеблин-Каменский, филолог-скандинавист, исландистика, блокадный Ленинград, диссертация.

Keywords: Steblin-Kamensky, scholar in Scandinavian studies, Icelandic studies, Leningrad under the siege, thesis.

УДК: 281.93

Мусаев В. И. Предыстория календарного конфликта в Финляндской православной церкви

Статья посвящена предыстории «календарного конфликта» в Финляндской Православной Церкви — между сторонниками и противниками введения в церкви нового летоисчисления, пик которого пришелся на середину 1920-х гг. После провозглашения независимости Финляндии сторонники «финнизации» местной Православной церкви стремились, наряду с другими мерами, ввести в Церкви новое летоисчисление. Эти устремления были поддержаны финляндской государственной властью. Ряд приходов и финляндские православные монастыри, однако, противились этим намерениям, особенно празднованию Пасхи по новому стилю. Введение нового стиля не получило одобрения и со стороны Московской патриархии. В итоге конфликт нарастал и в середине 1920-х гг. вступил в свою наиболее острую фазу.

Musaev V. I. Prehistory of the Calendar Conflict within the Finnish Orthodox Church

The article deals with prehistory of the «calendar conflict» within the Finnish Orthodox Church between the supporters and the opponents of introducing the new calendar in the Church, which culminated in the mid-1920s. After Finland had become independent, the supporters of «finnicization» of the local Orthodox Church endeavored, among other measures, to substitute the new (Gregorian) calendar to the old (Julian) one. These aspirations were backed by Finland's state authorities. Some parishes and the Finnish Orthodox monasteries opposed these attempts, especially Easter celebration according to the Gregorian calendar. Besides, introduction of the new calendar did not get approval from the Moscow Patriarchate. As a result, the conflict grew and reached its peak in the mid-1920s.

Ключевые слова: Независимость Финляндии, православные приходы и монастыри, календарный вопрос.

Keywords: Finnish independence, Orthodox parishes and monasteries, calendar issue.

УДК: 930: [355.404.7 + 355.49 (430:47) «1914/1918»]

Партала М. А. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): современная историография и перспективы исследования

Представлен анализ состояния современных исследований по истории радиоразведки российского флота на Балтийском море (1914–1917). Рассмотрены некоторые проблемные вопросы современной отечественной историографии по теме. Определены направления дальнейших исследований.

Partala M. A. Radio intelligence of the Russian fleet on the Baltic Sea (1914–1917): modern historiography and perspectives of research

Presents an analysis of the state of current research on the history of radio intelligence of the Russian fleet on the Baltic Sea (1914–1917). Considered some of the problems of contemporary Russian historiography on the topic. Identified areas for further research.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский флот, Балтийское море, радиоразведка, историография.

Keywords: World War I, Russian Navy, Baltic Sea, radio intelligence, historiography.

УДК: 94 (47).084.6

Петров П. В. Финские военнопленные на Балтике в период «зимней войны» 1939–1940 гг.

Долгие годы тема, связанная с финскими военнопленными, взятыми в период советско-финляндской (или «зимней») войны, оставалась неизученной. Лишь в последние годы с финской и российской сторон появились исследования о судьбе финских военнопленных периода «зимней войны». В фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота были обнаружены уникальные документы, рассказывающие о захвате в плен силами Краснознаменного Балтийского флота финских военнослужащих во время этой войны. Автору удалось установить обстоятельства захвата в плен и примерную численность финнов, захваченных в плен исключительно моряками-балтийцами. Здесь также приводятся документы, связанные с допросами и показаниями финских военнопленных периода «зимней войны».

Petrov P. V. Finnish prisoners of war in the Baltic Sea during the «Winter War» of 1939–1940

For many years, the topic related to Finnish prisoners of war taken during the Soviet-Finnish (or «winter») war, remained unexplored. Only in recent years, with the Finnish and Russian sides were studies on the fate of prisoners of war period, the Finnish «Winter War». The funds of the Russian State Archive of the Navy were found unique documents telling about the captured forces of the Baltic Fleet of the Finnish troops during the war. The author was able to establish the circumstances of the capture prisoners and the approximate number of Finns captured exclusively Baltic sailors. It also contains documents related to interrogation and testimony Finnish prisoners of war period «Winter War».

Ключевые слова: Балтийское море, советско-финляндская война, Краснознаменный Балтийский флот, военнопленный, разведывательный отдел, допрос.

Keywords: Baltic Sea, Soviet-Finnish War, Red Banner Baltic Fleet, Prisoner of war, Intelligence department, Interrogation.

УДК: 94 (430)

Славнитский Н. Р. Ремонтные работы в Санкт-Петербургской и Выборгской крепостях в годы Семилетней войны

В статье рассматриваются вопросы, связанные с усилением укреплений Выборга и Санкт-Петербурга в годы Семилетней войны. Одной из основных особенностей того времени была попытка использовать в работах вольных наемных людей, однако она не удалась, и в результате окончательно закрепились практика привлечения солдат из гарнизонных полков. Что стало толчком к реформе этих частей и созданию после войны в их составах специальных «мастеровых рот».

Slavnitsky N. R. Repair work in St. Petersburg and Vyborg Castle during the Seven Years» War

The article deals with issues related to the strengthening of the fortifications of Vyborg and St. Petersburg during the Seven Years War. One of the main features of that time was an attempt to use the works of free salaried people, but it failed, and as a result permanently entrenched practice of attracting the soldiers of the garrison regiments. What was the impetus for the reform of these parts and create their compositions special «artisan mouth» after the war.

Ключевые слова: Семилетняя война, Санкт-Петербургская крепость, Выборг, П. И. Шувалов.

Keywords: Seven Years» War, the St. Petersburg fortress, Vyborg, P. I. Shuvalov.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и проект преобразования воспитательных домов (1905–1917 гг.)

Статья посвящена деятельности П. Г. Ганзена, датчанина по происхождению и подданству, чиновника по особым поручениям Ведомства учреждений императрицы Марии, и основана на обнаруженных автором не публиковавшихся ранее архивных источниках. В 1905–1906 гг. П. Г. Ганзен проехал по сельским округам воспитательных домов, проанализировал положение детей в семьях крестьянок-воспитательниц. Он предложил временные меры, направленные на улучшение их жизни, но они не были реализованы. Затем он несколько лет ездил в командировки в страны Европы и изучал новые принципы и формы призрения детей. Обобщив свои наблюдения, П. Г. Ганзен подготовил проект реорганизации воспитательных домов. Его проект был использован руководителями Петроградского воспитательного дома в 1917 г.

Frumenkova T. G. P. G. Hansen and the project of reorganization of foundling houses (1905–1917)

The article is devoted to the activities of P. G. Hansen, a Dane by birth and nationality, as the officer on special assignments of the Department of institutions of Empress Maria and is based on discovered by the author previously unpublished archival sources. In 1905–1906 P. G. Hansen drove through the rural districts of foundling houses, analyzed the situation of children in the families of peasant-nurses. He suggested temporary measures aimed at improving their lives, but they were not implemented. Then he went on business trips to Europe and studied new principles and forms of care of children. Summarizing their observations, P. G. Hansen has prepared the project of reorganization of foundling houses. His project was used by the leaders of the Petrograd foundling house in 1917.

Ключевые слова: датчанин, Ведомство учреждений императрицы Марии, воспитательные дома, дети, сельские округа, крестьянки-кормилицы, смертность, спасение жизни, бесплатный и платный приём.

Keywords: Dane, the Department of institutions of Empress Maria, foundling houses, children, rural districts, peasant-nurses, mortality, life-saving, free and paid admission.

Чепель А. И. Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира

После подписания Столбовского договора Россия и Швеция стремились к сотрудничеству в военно-политической и экономической сферах. Тем не менее напряженность в межгосударственных отношениях сохранялась. Поэтому страны вынуждены были уделять пристальное внимание положению на общей границе. В статье изучаются причины преступлений в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира. Исследование основано на материалах российских архивов. Автор приходит к выводу, что нападения на людей, проживавших или оказавшихся в приграничье по разным причинам, происходили в основном с целью грабежа, сопровождавшегося в случае сопротивления физической расправой. Нападения имели и социальную составляющую, когда крестьяне или дворовые люди умышленно грабили и подвергали физическому насилию именно своих бывших хозяев и членов их семей. Круговая порука, бюрократические препоны, необдуманные и корыстные действия представителей приграничных властей препятствовали пресечению преступлений.

Chapel A. I. The criminal communities in the Swedish-Russian border area in the first years after the Stolbov peace treaty

After signing the Stolbov peace treaty Russia and Sweden sought to cooperate in the military-political and economic spheres. However, tensions in international relations remained. Therefore, countries were forced to pay close attention to the situation on the common border. The paper is a study of reasons of crimes in Swedish-Russian border area in the first years after the Stolbov peace treaty. The study is based on Russian archives material. The author concludes that attacks against people in the border area were for the most part mugging which sometimes ended in violence. The attacks assumed social character too when peasants and house-serfs robbed and physically abused their former masters and their family members. Mutual protection, red tape, rash and mercenary operations of border area authorities hampered crime suppression.

Ключевые слова: шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, перебежчики, трансграничная преступность.

Keywords: Swedish-Russian border area, Stolbov peace treaty, border area trade, defectors, cross-border crime.

УДК: 94 (48).082

***Шрадер Т. А. Вилли Брандт о Норвегии
в годы Второй мировой войны***

Вилли Брандт был известным политиком после Второй мировой войны. В конце 1960-х гг. он опубликовал книгу с воспоминаниями о фашистской Германии, Швеции и Норвегии в 1933–1947 гг. В 1971 г. эта книга издана в Лондоне на английском языке. Автора данной статьи интересовал раздел, посвящённый Норвегии и норвежцам. В. Брандт прекрасно знал историю и культуру Норвегии. Во время оккупации Норвегии он жил в Швеции и работал журналистом. В книге он описал историю оккупации Норвегии. Автор представленной статьи, сделав краткий перевод всех частей главы, дала возможность читателю кратко ознакомиться с мыслями В. Брандта в отношении Норвегии, Германии, фашистов в Норвегии. Эти краткие сведения могут быть интересны читателю.

***Shrader T. A. Willy Brandt about Norway
during the Second World War***

Willy Brandt was a very known person in Germany after the Second World War. In 1960th years he published the book with memories about Nazi Germany, Sweden and Norway in 1933–1947. In 1971 this book was published in London in English. The author of this article was interested in part of this book about Norway and Norwegians. W. Brandt knew very good the history and culture of this country. During the occupation he lived in Sweden and worked as journalist. He had described the history of occupation of Norway. The author of this article made a short translation of all small parts of the book and gave the possibility to the readers to know what W. Brandt wrote about Germany, Norway and fascists in Norway. These short descriptions could be interesting for readers.

Ключевые слова: Норвегия, Вторая мировая война, оккупация.

Keywords: Norway, The Second World War, Occupation.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарова Татьяна Анатольевна, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, tbazarova@yandex.ru

Балаценко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты», yurabal@gmail.com

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Возгрин Валерий Евгеньевич, д. и. н., профессор Института истории СПбГУ, valerijvozgrin@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Востров Алексей Владимирович, Санкт-Петербургский политехнический университет, alex.sinkriver@gmail.com

Гехт Антон Борисович, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Жаров Борис Сергеевич, к. филол. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, bzharov@gmail.com

Журавлев Дмитрий Алексеевич, к. и. н., Военно-медицинский музей, demetrio_s@mail.ru

Кангаспуро Лариса Викторовна, к. и. н., университет Хельсинки, larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Лебедев Алексей Анатольевич, к. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, aalebedew@ya.ru

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, d.lobanova@spbu.ru

Михалкова Татьяна Кирилловна, Санкт-Петербург

Мусаев Вадим Ибргимович, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории
РАН, vmusaev62@mail.ru

Панов Роман Андреевич, Санкт-Петербургский Политехнический университет им. Петра Великого

Партала Михаил Анатольевич, к. т. н., доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, par_ma@mail.ru

Петров Павел Владимирович, д. и. н., Государственный музей-заповедник «Петергоф», kbf1939@rambler.ru

Славнитский Николай Равильевич, к. и. н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

Фруменкова Татьяна Георгиевна, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, frumentat@yandex.ru

Чепель Александр Иванович, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, achepel@mail.ru

Шрадер Татьяна Алексеевна, к. и. н., Музей антропологии и этнографии РАН, tatyana.schrader@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balacenko Yuriy D., I. E. Repin memorial estate «The Penates», yurabal@gmail.com

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Bazarova Tatiana A., PhD (History), Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, tbazarova@yandex.ru

Chepel Alexander I., PhD (History), associate Professor of Saint-Petersburg State Marine Technical University, achepel@mail.ru

Frumenkova Tanjana G., PhD (History), associated professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, frumentat@yandex.ru

Gekht Anton B., The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru

Kangaspuro Larisa V., Ph. D. (History), University of Helsinki, larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Lebedev Aleksey A., PhD (History), St. Petersburg State University of Film and Television, aalebedew@ya.ru

Lobanova Darja R., Saint Petersburg State University, d.lobanova@spbu.ru

Mikhalkova Татьяна К., Saint-Petersburg

Musaev Vadim I., PhD (History), the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences, vmusaev62@mail.ru

Panov Roman An., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Partala Mikhail A., Ph. D., associated professor of St. Petersburg State Electrotechnical University, par_ma@mail.ru

Petrov Pavel V., PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof»,
kbf1939@rambler.ru

Schrader Tatjana A., PhD (History), Peter the Great's Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera), tatyana.schrader@gmail.com

Slavnitsky Nikolai R., PhD (History), State Museum of History of St. Petersburg,
slavnitski@bk.ru

Vostrov Alexey E., St. Petersburg Polytechnic University, alex.sinkriver@
gmail.com

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History), professor of Saint Petersburg State
University, vozgrin60@mail.ru

Zharov Boris S., PhD (Philology), associated professor of Saint Petersburg
State University, bzharov@gmail.com

Zhuravlev Dmitry A., PhD (History), Military Medical Museum, demetrio_s@
mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Preface.....	8

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

<i>Л. В. Кангаспуо</i> Братья Яков и Константин Гроты. Деятельность на благо России и Финляндии	10
<i>Ю. Д. Балащенко</i> И. Е. Репин и творческое сообщество независимой Финляндии ...	20
<i>Т. К. Михалкова</i> Выдающийся филолог-скандинавист М. И. Стеблин-Каменский в блокадном Ленинграде	31
<i>В. Н. Барышников</i> Почему в 1946 г. К. Г. Э. Маннергейм не был осужден как «главный военный преступник»?	39

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

<i>А. И. Чепель</i> Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира.	57
<i>Т. А. Базарова</i> «Долгая дорога домой»: Возвращение русских военнопленных в 1710 г.	66
<i>Н. Р. Славнитский</i> Ремонтные работы в Санкт-Петербургской и Выборгской крепостях в годы Семилетней войны	73

<i>Д. А. Журавлев, Р. А. Панов</i>	
Роль медицинских и научных учреждений Ленинграда в организации лечения обморожений в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.	81

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

<i>А. А. Лебедев</i>	
Малоизвестные подробности Кольбергских экспедиций Балтийского флота 1760 и 1761 гг.	87
<i>М. А. Партала</i>	
Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): современная историография и перспективы исследования.	90
<i>П. В. Петров</i>	
Финские военнопленные на Балтике в период «зимней войны» 1939–1940 гг.	103

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

<i>В. Е. Возгрин</i>	
Современная историография датской колониальной империи	112
<i>Б. С. Жаров</i>	
Видные деятели датской культуры на берегах Фонтанки	131
<i>Д. Р. Лобанова</i>	
Гражданская война в Финляндии 1918 г. на страницах современных финских газет	138
<i>А. Б. Гехт</i>	
Мемуары У. Ашбеpra «En vandrande jude från Glasbruksgatan» как источник изучения внешнеэкономических связей большевиков. 1917–1924 гг.	146
<i>Т. А. Шрадер</i>	
Вилли Брандт о Норвегии в годы Второй мировой войны	152

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>А. В. Востров</i>	
Языковая ситуация в Финляндии в 1899–1918 гг.: финский, шведский и русский языки на рубеже эпох.	160
<i>Т. Г. Фруменкова</i>	
П. Г. Ганзен и проект преобразования воспитательных домов (1905–1917 гг.)	171

В. И. Мусаев

Предыстория календарного конфликта в Финляндской православной церкви	186
Резюме	202
Краткие сведения об авторах	218
Information about authors	220

CONTENTS

Preface.....	8
--------------	---

PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY

<i>L. V. Kangaspuro</i>	
Brothers Yakov and Constantin Grot`s. The activities for the benefit of Russia and Finland	10
<i>Yu. D. Balatsenko</i>	
I. E. Repin in independent Finland	20
<i>T. K. Mikhalkova</i>	
The activity of M. I. Steblin-Kamensky, a prominent figure in Scandinavian studies, during the siege of Leningrad	31
<i>V. N. Baryshnikov</i>	
Why C. G. E. Mannerheim, being a major war criminal was not convicted by the Finnish court in 1946?	39

ECONOMICS, WAR AND POLITICS

<i>A. I. Chepel</i>	
The criminal communities in the Swedish-Russian border area in the first years after the Stolbov peace treaty	57
<i>T. A. Bazarova</i>	
«Long Way Home»: Return of Russian prisoners of war to the homeland in 1710.	66
<i>N. R. Slavnitsky</i>	
Repair work in St. Petersburg and Vyborg Castle during the Seven Years' War	73
<i>D. A. Zhuravlev, R. A. Panov</i>	
The role of medical and scientific institutions in the Leningrad to organize of treatment of frostbite during the Soviet-Finnish War	81

THE BALTIC SEA:

COOPERATION AND CONFRONTATION

A. A. *Lebedev*

Little-known details of the Kolberg expeditions Baltic Fleet
1760–1761 years..... 87

M. A. *Partala*

Radio intelligence of the Russian fleet on the Baltic Sea
(1914–1917): modern historiography and perspectives of research ... 90

P. V. *Petrov*

Finnish prisoners of war in the Baltic Sea
during the «Winter War» of 1939–1940 103

HISTORICAL SOURCES, OPINIONS

AND ESTIMATIONS

V. Je. *Vozgrin*

Modern historiography of the Danish colonial empire..... 112

B. S. *Zharov*

The prominent persons of Danish culture in the palace
in Fontanka embankment..... 131

D. R. *Lobanova*

The civil war in 1918 in Finland on the pages
of the Finnish contemporary newspapers..... 138

A. B. *Gekht*

Olof Aschberg's memoirs «En vandrande jude från Glasbruksgatan»
as a source of the Bolsheviks' external economic relations' history.
1917–1924..... 146

T. A. *Shrader*

Willy Brandt about Norway during the Second World War..... 152

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

A. *Vostrov*

Language Situation in Finland from 1899 to 1917:
the Finnish, Swedish and Russian Languages
at the turn of the century 160

V. I. *Musaev*

Prehistory of the Calendar Conflict
within the Finnish Orthodox Church 186

Abstract..... 218

Information about authors 220

**Санкт-Петербург
и
страны Северной Европы
18 (1–2), 2017
ISSN 2411-8796**

*Материалы Восемнадцатой ежегодной
международной научной конференции*

Выпускающий редактор *А. А. Галат*
Художник *О. Д. Курта*
Верстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать 02.12.2016. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура Остava. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,25. Тираж 200 экз. (2-й завод). Заказ № 389

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311-30-75; тел.: (812) 310-79-29
email: editor@rhga.ru. URL: <http://www.irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Литография Принт»
191119 Санкт-Петербург, Днепрпетровская ул., д. 8